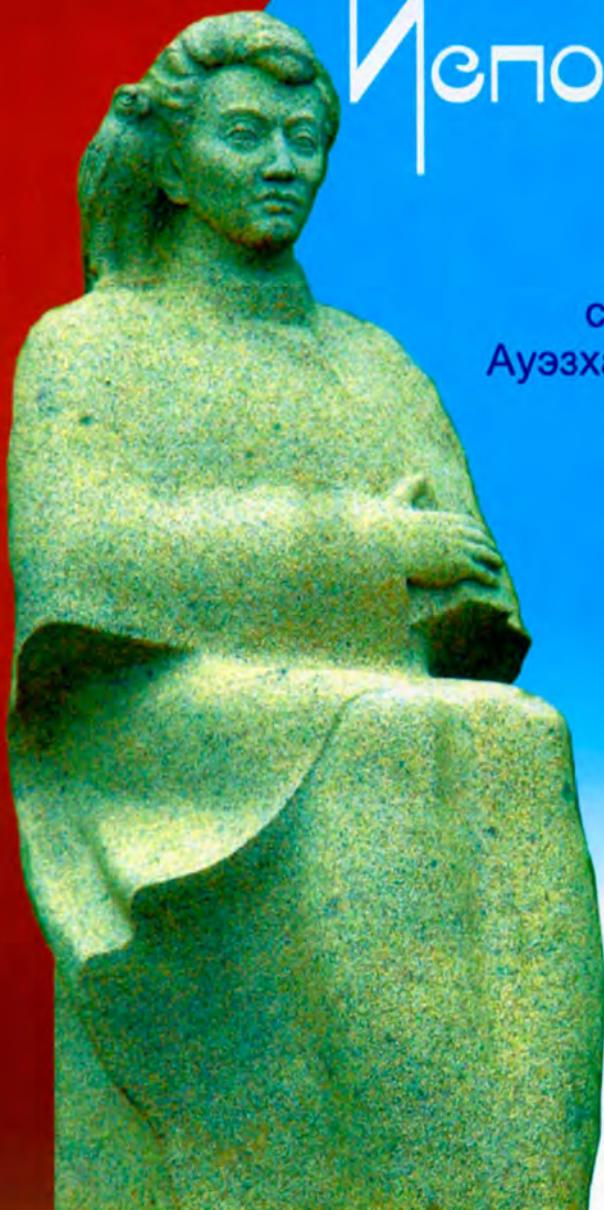

Магжан Жумабаев

Исповедь

Перевод
с казахского
Аүэзхана Кодара

Dohomwits
Bendywell
Cuban
Gins

Магжан Жумабаев

ИСПОВЕДЬ

**Перевод с казахского
Аузхана Кодара**

Петропавловск 2011

Книга издана по инициативе и при поддержке
акима Северо-Казахстанской области
Серика Билялова.

Составитель Карибай Мусырман.

ББК84(5Каз.)-4
Ж88

Ж 88 Жумабаев Магжан. Исповедь./Перевод и
примечания Ауззхана Кодара. Петропавловск: 2011 - 400 с.

ISBN 9965-32-766-1

В сборник классика казахской литературы Магжана ЖУМАБАЕВА вошли его стихотворения и поэмы, а также рассказ «Прегрешение Шолпан». Из наследия М. Жумабаева видно, что он органично впитал в себя не только восточную и западную традиции, но и лучшие образцы русской литературы «серебряного века», представленного именами Блока, Бальмонта, Мережковского. Известно, что он дружил с Брюсовым, Есениным. Это говорит о том, что творчество Кумбаева работает на диалог литератур России и Казахстана, способствует сближению казахского и русского народов. Перевод в таком объеме предлагается впервые и рассчитан на широкие слои гуманистической молодежи.

ББК 84(5 Каз.)-4

Ж 4702250000
00(05)-08

ISBN 9965-32-766-1

© Кодар А.А., перевод, 2011
© Мусырман К.И., составление, 2011

Составитель
акима Северо-Казахстанской области
Серик Билялов

АЛЕКСЕЙ ДАВЫДОВ,
доктор культурологии
(Институт социологии РАН, Москва)

КОГДА Я ЧИТАЮ МАГЖАНА...

**Стихи выдающегося поэта в подаче
выдающегося переводчика**

С рождения плыву я против волн.
Магжан Жумабаев. Исповедь.

14 августа 2008 года. Я включил компьютер и вошел в Интернет – Ауззхан Кодар прислал мне черновики своих переводов стихов Магжана Жумабаева, казахского поэта, расстрелянного НКВД в 1938 г. Сборники Магжана выходили очень давно, в 1912, 1922 и 1923 гг. в Казани и Ташкенте. Но я получил ранее не переводившееся на русский. Сразу вспомнил стихотворение Ауззхана «Вечер памяти – 93». Оно о Магжане. Подчеркнуто гражданская позиция. И грусть, боль за страну, презрение к «дельцам от культуры». Еще тогда подумалось – откуда эта интонация? Прочитав переводы, я понял – она из Магжана.

Неужели Жумабаев так мало написал? Я попросил Ауззхана прислать еще. Ответ был – больше пока не перевел. Я читал, хотелось читать еще и еще. И приходило понимание – сегодня рождается для меня выдающийся казахский поэт. Прочитав даже то немногое, что перевел Кодар, я увидел грандиозный масштаб личности поэта. Масштаб, который русской критике еще предстоит оценить.

Погиб поэт. Пал оклеветанный. Ему было 45. Разделил судьбу многих русских поэтов. Сколько шедевров он мог бы еще написать!..

...И вот сегодня я держу в руках долгожданную книгу «Магжан Жумабаев в переводах Ауззхана Кодара». Это

историческое событие. Я уверен: сегодня начинается новый путь Магжана к российскому читателю, к его всероссийскому признанию. Даже то, что уже доступно для чтения, по яркости таланта, художественному мастерству, видению логики человеческого в человеке, смыслу гражданского подвига позволяет поставить Магжана Жумабаева в один ряд с Пушкиным и Лермонтовым.

Поззия, устремленная к свободе

Бесподобен шедевр «Исповедь» с рефреном «С рождения плыву я против волн» и страстным диалогом поэта со своим бунтующим сердцем. Сравнивая себя то с солнцем, то с огнем, то с ветром, то с пустыней, то с любовью, он остается преданным единственному – своей поэтической сущности...

Великолепно «Слово хромого Тимура». Я отчетливо вижу грозного вождя – как он спорит с Богом. Земли людей, своей земли он не отдаст никому, даже Богу. Спорить с Богом (!) это и сегодня-то не принято, а тогда...

Удивительно стихотворение «Пророк», протестное, антисталинское, антибольшевистское, написанное с позиции ценности личности – до такой высоты и ясности гражданского протesta не поднялся ни один поэт во всей русской литературе...

А какое сильное стихотворение «Я от солнца рожден» – как будто ожила пушкинский узник, герой Байрона и Лермонтова заговорили со мной новым языком. Язык сочный, солнечно-полянnyй, пахнет ветром и бешеною скачкой. Жить бы поэту в эпоху «бури и нагатика»...

Читая Магжана, я слышу лермонтовского героя: «Весь мир против меня. Как я велик!», вижу былинного богатыря восточных эпосов, вобравшего в себя весь мир, защитившего его собою и... распахнувшего свою легкоранимую душу – люди, я всего лишь один из вас. Все в поэте свежо, бесстрашно, самобытно. А как размашист, как щедр он в художественных средствах.

Влюбившись в эти стихи, становлюсь я сердцем Магжана

— пылающим и сражающимся, честным и слабым, влюбленным в жизнь и ненавидящим лукавый ум, озадаченным тем, как жить, когда кругом ложь, и вопросом — способны ли потомки видеть в стихах памятник нерукотворный.

Завороженный образами Магжана, я невольно примеряю их на себя. Становлюсь огнем опаляющим. Солнцем смеющимся. Луной околдовывающей. Водою, завораживающей музыкой журчанья. Безумным влюбленным, сгорающим на углих глаз. Поэтом, рыдающим кровью, когда не остается слез. Добровольным нищим.

Пиршество поэтических красок, карнавал образов, какая-то беспощадная мужественность ритма — пьянит меня, как будто я встретился глазами с самой честностью, которая вдруг захотела пересотворить мир. Радость ударяет в артерию и бьется там чистым пульсом. Я дерзкий язычник, храбрый степняк, гроза толстопузых, ленивых, лживых, развратных — знающий не знающий меры и слагающий поющий потрясающие стихи. Летят в степь стихи Магжана. Чисто и радужно вокруг них. Неложь успокаивает душу. Истекает песок сквозь ладонь. Ветер обнимает стихи. А солнце, став сердцем, пылает поэзией. Ожемчужена, осеребрена, озолочена рифма.

Магжан — это весть о том, какой может быть поэзия, устремленная к свободе.

Поэзия, распятая Россией

Поэт жил в России — сталинском гетто, когда одни миллионы погибали в лагерях, а другие миллионы сознательно, весело, либо из страха поддерживали это преступление против человечности. Одни укрепляли единую и неделимую Россию под песни Дунаевского и марши Новикова, другие молча гнили в лагерях. Это была Россия Сталина и его палачей, в стране царило духовное рабство. Люди боялись людей. Боялись жить.

И Магжан — это трудно сегодня представить — своим порывом к свободе бросил вызов атмосфере террора и рабства. В основании каждой его рифмы достоинство личности:

Я грозный лев, кто сдержит мой напор?
Я тигр, который устрашает взор.
Я в небе туча, на земле – буран,
Бушующий с равнин до самых гор.

Я в небе солнце, чьи лучи щедры,
Сын космоса, я ваш лишь до поры.
Я океан без берегов и дна,
Я весь приволье, нега и порыв.

Весь пламя я, ожгу, поберегись,
Я тот скакун, быть ровней с коим – риск!
Пусть небо рухнет, иль земля – во прах,
Я усмехнусь лишь, одобряя жизнь.

Мажсан учился в Москве и вынужден был носить ту же личину, что и все советские люди, чтобы не погибнуть: участвовать в разных собраниях, механически заучивать идеи «Краткого курса истории ВКП(б)», правильно голосовать, правильно говорить. Но он был поэт и пел «тайную свободу», обратите внимание: «Я ваш лишь до поры». Значит, видел поэт время, когда он вырвется из этого марафона. Более того, понимал, что духовная жизнь в сталинском Советском Союзе – это уничтожение жизни. А он – духовный наследник вольных степняков. Он сын свободного народа. И рожден, чтобы жить, а не прозябать:

Пусть небо рухнет, иль земля – во прах,
Я усмехнусь лишь, одобряя жизнь.

Когда я читаю стихи великих поэтов: Пушкина, Лермонтова, Жумабаева, каждый раз поражаюсь, как глубоко эти люди знали жизнь. Откуда это у них? – часто спрашиваю я себя. Ну, гениальные они, ну, великие – согласен, – очень хорошие поэты. Но откуда в таком юном возрасте зрелость в анализе культуры? Откуда понимание людей? И такое мужество? Спрашиваю с искренней завистью – почему им дано,

а мне нет? Спрашивал себя, когда писал книгу о Пушкине, спрашивал, когда писал книгу о Лермонтове, спрашиваю и сейчас, когда читаю Магжана. И еще раз убеждаюсь – на этот вопрос, господа, нет ответа, потому что никто не знает происхождения и тайны гениальности.

Для Магжана советская жизнь, которая окружала, мучила его и ежедневно трубила о своих победах, – это дух гниющего, уходящего, прошлого, и он, Магжан, – его могильщик.

Дух прошлого, я кончил жизнь твою!

Это признание многоного стоит. Молодым людям, которым сегодня по двадцать, этого не понять. Это был конфликт между добром и злом, трусостью и честностью, между смертью и жизнью.

Когда мы, советские люди, на митингах яростно требовали расстрела «срагов народа», таких, как Магжан, когда наши дети умилялись в пионерской преданности диктатору: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!», когда мы были слепцами и добровольными рабами, Магжан жил в другой системе координат. Он писал: «Я не умру, и дух мой не умрет». Есть для него «дух прошлого» – и он в нас, в обычных трусливых людях, и есть его «дух мой», герический дух несломленного поэта, дух личности Магжана – и он в его стихах. В России только ранний Пушкин и Лермонтов в «Демоне» могли себе такое позволить. В Казахстане – теперь знаем – певцом личности, трубадуром нового будущего стал Магжан Жумабаев.

Пушкин, Лермонтов, Жумабаев – все троє убиты, распяты обществом, в котором жили. Они распяты нами – русскими.

Антизападничество или антибольшевизм?

Особое место в мировоззрении Магжана занимает то, что принято называть антизападничеством. И сегодня некоторые в Москве упрекают меня – как можно поддерживать эту, пусть и в исполнении Магжана, великодержавную идею.

Прежде всего, давайте разберемся, что такое антизападничество Магжана? И антизападничество ли это?

Магжан свое стихотворение «Пророк» предваряет эпиграфом Мережковского:

Устремляя наши очи
На бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, не придет ли наш Пророк.

Где здесь Запад? Русский писатель Дмитрий Мережковский говорит: «наши очи», то есть очи русских людей, он говорит о России. Это русские люди – дети ночи. Это русские люди ждут спасителя с Востока. Эпиграф всегда выражает основную идею последующего текста. Поэтому все, что далее скажет Магжан о Западе, относится не к Западу, а к России. Что же Магжан говорит о России, которую он в стихотворении именует Западом?

В стихотворении «Пророк» основной рефрен – «Над Западом сгустился мрак ночной». И он постоянно повторяется в разных вариантах.

Над Западом сгустился мрак ночной,
Там Солнце ныне не взойдет с зарей.

.....
Над Западом сгустился мрак ночной,
На небе звезд не видно ни одной.

.....
Над Западом сгустился мрак ночной,
Здесь всякий занят полной ерундой.

Россия, над которой мрак ночной, утратила веру в Бога: «Даже Бог растоптан там толпой». Толпу, для которой ничего не свято, людей, захвативших власть в этой стране, он, вслед за Мережковским, называет «дети ночи», и уже от себя - «кисчадья тьмы», «кисчадья ада, сатаны», «слепцы»: «Здесь дети ночи, Бога умертвив, /Напрасно ждали, что придет другой». Дети ночи ищут другого бога. Они материалисты в самом худшем смысле этого слова: «Животное, чей идеал лишь плоть», «Законы веры

знатъ им не дано./ Здесь брюхо застит окоем собой», «...дорогой тьмы идут».

О, дсти ночи, под покровом мглы,
Лишь Вельзевулу поклонялись вы.
И Библию топтали, и Коран,
Восславив брюхо, что еще могли?

Если у меня и были еще сомнения, о чем стихотворение «Пророк», о Западе или о России, то после процитированных строк они полностью исчезли. Конечно, это портрет большевистской России. И портрет честный.

Русский человек всегда поклонялся языческим богам. До сих пор в стране на огромных территориях Поволжья и Севера распространено двоеверие. Русский человек, например, может одновременно поклоняться елке и в ее лице Николаю Чудотворцу и одновременно в ее же лице Иисусу, просить у этой Троицы помощи в чем-нибудь и благодарить за удачу. Принятие христианства не изменило существенно языческое сознание русских, затронув, в основном, его обрядовую сторону. Русская православная церковь всегда предпочитала воспитывать русского человека через святоотеческие предания, а не через тексты Библии. Библия незаметно, но решительно оттеснилась на задний план российского варианта христианства. Одновременно Россия вела колониальные войны, захватывая территории с мусульманским населением. Кто не знает о кровавых войнах на Кавказе, о походах русских войск в страны Центральной Азии? Что же сделали дети ночи, топтавшие Библию и Коран? Создали царство, в котором «восславили брюхо». А что еще могли они сделать, если они убили Бога, своего Айсу? – спрашивает Магжан.

И отвечает - они создали братоубийственное общество:

О, дети ночи, ваш повержен мир,
Над Западом – раскаты канонад.

Мотив «раскатов канонад», гражданской войны, свидетелем которой Магжан был, неправедно проливаемой крови,

неправедного суда повторяется в «Пророке» несколько раз. Кто виновен в проливаемой крови? Те, кто организовал братоубийственную бойню в России. Магжан, развивая тему бойни, обращается к образу библейского Каина, который убил своего брата Авеля:

О, дети ночи, вы – заре враги,
Ваш Каин первый вырос на крови.

Окянное братоубийственное русское общество, созданное большевиками, – это общество, впитавшее в себя дух Каина.

Кто же он этот Каин? В русской литературе есть намеки на Сталина. У Пастернака, Мандельштама, Гумилева. Они все конкретны – ябое лицо, усы, кавказский акцент, сапоги. У Магжана намек на Сталина приобретает религиозно-символический характер. Образ Вельзевула - «Лиши Вельзевулу поклонялись вы». Образ демона - «Во мгле ночной лишь демоны кружат». Москва – это «город сов», хищников, которые охотятся только ночью. И намек на Сталина-дьявола: «Незримый... воет и орет», «Вот он споткнулся», «таких, как сам, на шабаш он зовет», «...ходит в думах тяжких как напасть».

Велика была цена борьбы за свободу в России и Казахстане. Путь к ней был устлан трупами великих поэтов. Не хватает слов, чтобы выразить всю ненависть к палачам Магжана. Могу только процитировать Лермонтова: «И вы не смоете всей вашей черной кровью/Поэта праведную кровь!».

Певец личности и пантюркистская идея

Аузхан Кодар в своем исследовании творчества Магжана пишет, что поэт разделял пантюркистские взгляды. Действительно, в стихотворениях «Восток раскосый, что стоишь?» и в «Пророке» эти идеи основные. Есть в этих стихотворениях и воинственные строки.

Но давайте попробуем понять, что такое пантюркизм Магжана и почему он возник.

Казахстан в конце XIX – начале XX вв. был колонией

России. Россия в 1905 г. потерпела поражение в войне против Японии, в степи появились печатные издания «Казах» и «Айкал», в 1917 г. вспыхивают Февральская, затем Октябрьская революции в России, в Турции приходят к власти сторонники Кемаля Ататюрка, в начале XX в. активизируется демократическое движение в Китае, Индии, Монголии, в арабских странах. Происходят сдвиги в Центральной Азии. И у Магжана было достаточно оснований для того, чтобы через просыпающееся сознание народов Востока увидеть возможность национально-освободительного движения народов Казахстана.

Далее. Казахстан окружен народами, история которых содержит великое прошлое. Китайцы, монголы, русские, арабы. Пробуждающему казахскому сознанию необходимо было опереться на представление о том, что казахи тоже дети великого прошлого. Мощь, смелость, несгибаемый дух, геройзм насыщают поэтические образы Магжана. Задача поэта – поднять казаха с колен, расправить его, убедить в необходимости гордиться собой. Как же тут не появиться Тимуру, Чингизу, антироссийскому духу и пантюркизму?

Сегодня мы не придаем значения идеям пантюркизма в странах Центральной Азии, также как идеям славянофильства и панславизма в России. Чем эффективнее развиваются наши страны, тем меньшее значение имеют эти идеи. Но во времена Магжана эта идея при всей ее относительности могла участвовать в пробуждении национально-освободительного духа казахов. На каком-то этапе исторического развития она помогла казахской культуре взрастить в себе национальный протест против самодержавного и затем большевистского колониального гнета. Сделав свое дело, она исчерпала свой культурный потенциал.

Как же относиться к пантюркизму Магжана? Магжан был великим поэтом. Поэтому он был разным. Пушкин тоже был разным. Пушкин был и масоном, и православным, и атеистом, и монархистом, и народником. Но не это составляло суть пушкинской поэзии. Главное – Пушкин был певцом личности и свободы. Своей личностной поэзией он создал основание для вхождения русской литературы в литературу мировую. Так же и

Магжан Жумабаев. Магжан был разный. И то, что он разделял пантюркистские взгляды, никак не заслоняет главного: Магжан был первом личности и свободы. И освободительное, глубоко личностное содержание поэзии Магжана уверенно вводит казахскую литературу в семью мировых литератур.

Магжан и тектонический сдвиг в казахской литературе

Магжан корнями своими уходит в толщу национальной культуры. В стихотворении «Я от солнца рожден» он воспринимает себя как поклонника бога огня, находя в этом анализе высокую эстетику:

Я от Солнца рожден,
Я пылаю, как Он,
Предан Солнцу душой.
Узких глаз моих взор
Искрометен и скор,
Я любуюсь собой.
На Земле, одинок,
Лишь огонь только Бог.

.....
Его имя – Огонь.
Так зовут и меня,
Я - поклонник Огня.

.....
Мы – прямая родня.
Пламенею и я –
Огнебога дитя.

Так что же, Магжан – поэт шаманоцентристской культуры? Нет, господа. В стихотворении «Исповедь» Магжан уже другой. Он противостоит всем смыслам мира, в том числе и огню:

Как буйный ветер, бился я с огнем,
Пред ним в боязни я не замирал.
«Огнем ты стань!», так я уже горю,
Могу обжечь дыханием зарю.
Зола иль роза — мне ли их делить,
Я им, как равным, жар свой подарю.
Мажан не склоняется и перед смыслом солнца.

«Ты Солнцем стань!», как Солнце, я смеюсь,
Я выше Солнца по накалу чувств.

Нет, Мажан не огнепоклонник и не солнцепоклонник. Он личность, которая сама стала огнем и солнцем. Это рыцарь, способный «обжечь дыханием зарю». И вместе с тем он очень одинокий человек.

Мажан — сын горных вершин, огня, солнца, ветра, неба, но ему эти образы нужны лишь для того, чтобы заявить, что он не с обществом, в котором живет. Но вот ведь парадокс (!) — он и не с природой. С кем же он? Он, господа, с новизной своей поэзии. Такой тип мышления по плечу только великим поэтам и мужественным людям, вызвавшим на бой все абсолюты и глубоко чувствующим сущность тектонических сдвигов, происходящих в мировой культуре XIX-XX вв.

Мажан и русская литература

Читая Мажана, я как русский человек с удовольствием замечаю влияние на него русской поэзии.

В 27 лет погиб Лермонтов. И с тех пор 27 — это магическое число для многих поэтов и писателей. Чехов, Булгаков, Высоцкий... — для них 27 как веха в жизни, как время подводить итоги. Этим рубежом озабочен и Мажан.

Он обращается к своему сердцу:

Ты обмануло и предало вновь,
Мне через месяц двадцать семь годов.
А там и тридцать, там и сорок, что же,

Перед Отчизной с чем предстать готов?
Мне через месяц будет двадцать семь,
А там и тридцать, там и сорок... Кем
Останусь я в людских воспоминаньях,
Когда уже исчезну насовсем.

А вот еще. «Нет, весь я не умру. Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит», - пишет Пушкин. «Я не умру, и дух мой не умрет», - пишет Магжан Жумабаев. Иногда просыпается интонация пушкинского «Узника». Летающий демон, душа, ищущая родную душу, герой, который обняться с бурей был бы рад, кажется, навеяны образами Лермонтова. Близки стихотворения «Из волны рождается волна» Магжана и лермонтовское «Для чего я не родился/ Этой синею волной». Поэтов сближает мотив одиночества: «Одна на опушке, дрожа на ветру,/Росла молодая березка в бору» – вспомним утес, листок, сосну, тучки, парус Лермонтова. Их роднит и мотив щедрости любви: «Луну и звезды в украшенья дам» – вспомним лермонтовского Демона. Близки поэтике стихотворений «На левой дороге» Магжана и «Выхожу один я на дорогу» Лермонтова.

Но основное влияние русской классики на поэзию Магжана я вижу в мощном антисамодержавном, антибольшевистском антиимперском гражданском протесте, которого не знала западная литература. Вызов Богу, богооборчество и, следовательно, прямой вызов сильным мира сего с позиции личности - это впервые сделал в русской литературе Лермонтов, в казахской литературе – Магжан. И сегодня можно говорить о том, что обе литературы – казахская и русская – не только различные. У них есть и общий путь – они одной исторической судьбой, одним дыханием вместе входят в мировую литературу.

Магжан Жумабаев и Аүэзхан Кодар

Уважаемые друзья, коллеги.

Теперь я хочу сказать несколько слов о переводчике. Дело в том, что он не только переводчик, но и сам оригинальный поэт со своей необытной поэтической вселенной. Аүэзхан Кодар

очень известен в своей стране, поскольку пишет на двух языках – казахском и русском. Кроме того, его знают как серьезного философа, самого крупного в своем поколении. На протяжении 10 лет он издает культурологический журнал «Тамыр» - журнал нового типа, направленный на диалог с миром и культивирующий современное мышление. В этом издании печатаются не только казахстанцы, но и интеллектуалы из России, США, Израиля, Египта, стран Центральной Азии. Журнал квалифицированно обсуждает сегодня сложные вопросы литературы, культур разных стран, мировой философской, культурологической, исторической мысли. Он стал центром притяжения лучших писателей и аналитиков культуры Казахстана. С каждым годом журнал становится все востребованней. Он, как и его главный редактор, известен далеко за пределами Казахстана. Его читают «болашаковцы» по всему миру, а о поэзии Ауззхана Кодара говорят в Париже.

То, что сделал Ауззхан Кодар, переведя стихи Магжана Жумабаева на русский язык, трудно переоценить. Я поставил бы их рядом – автора и переводчика. Потому что перевести стихи так, как это сделал Ауззхан, мог только поэт, равный автору по поэтическому дарованию и масштабу личности.

Жизнь книги «Магжан Жумабаев в переводах Ауззхана Кодара» только начинается. Благодаря Кодару, русские и народы других стран открывают для себя новое в казахе как субъекте казахстанской культуры и человеке мира. Дело, начатое Кодаром, должно получить развитие. Я предлагаю, чтобы журнал «Тамыр» стал местом широкого международного обсуждения творчества великого поэта и великого гражданина Казахстана Магжана Жумабаева.

АУЭЗХАН КОДАР

ПОЭТ ОГНЯ И СКОРБИ

Магжана Жумабаева (1893-1938) можно по праву назвать одним из основоположников новой казахской литературы.

Творчество М. Жумабаева отразило все богатство духовных исканий казахской интеллигенции начала XX века.

Во-первых, Магжан – плоть от плоти своих современников, деятелей Алаш-Орды, во-вторых, ему удалось органично вписаться в блестящую плеяду поэтов русского «серебряного века», таких как Мережковский, Блок, Бальмонт, Гумилев и др. В третьих, в самой зрелой поре своего творчества Магжан ощущает себя поэтом всего Востока, призванным пробудить в нем былое достоинство в эпоху «заката» Европы.

Если в своей первой книге «Шолпан», вышедшей в Казани в 1912 г., молодой поэт во многом подражает Абаю, пишет в русле арабо-персидской или казахской традиции, то в сборниках, вышедших в 1922 и 1923 гг. один за другим в Казани и Ташкенте, Магжан предстает поэтом-эстетом, в котором гордый байронический дух сочетается с тонким флером сложных символических прозрений. Магжан впервые очищает казахскую поэзию от дидактики и всецело погружается в стихию свободного формотворчества с культом индивидуализма и романтики, любви и смерти, дерзкого несогласия со всем, что не соответствует его поэтическому наитию.

Да и время тогда было такое, что некогда было раскачиваться – не успеешь вскочить на подножку уходящего поезда, так и будешь вековать в ауле, во всем завися от крутого нрава отца-волостного.

Россия потерпела поражение от Японии в войне 1905 года, в степи появились издания «Казах» и «Айкап», одна за другой вспыхивают Февральская и Октябрьская революции 1917 года, в Турции приходят к власти приверженцы Кемаля Ататюрка – все это, как гремучая смесь, отзывается в кипучей душе молодого

Мажана, к 30-ти годам ставшего общепризнанным мэтром казахской поэзии.

Однако после победы Советской власти в Казахстане судьба Жумабаева совершенно меняется. Он не хочет отказываться от своих пантюркистских идеалов, разделяет взгляды Т. Рыскулова и С. Ходжанова о необходимости создания общетюркского государства с центром в Ташкенте, но в республике дуют уже другие ветры.

Культурой руководят партийные чиновники, появляется ассоциация пролетарских писателей. В 1924 году казахская молодежь, обучающаяся в Москве, устраивает обструкцию Мажану Жумабаеву как певцу старины и феодальных пережитков. Но, несмотря на это, с 1923 по 1926 гг. Жумабаев учится в Московском литературно-художественном институте, возглавляемом В. Брюсовым, работает в издательстве «Восток», много занимается переводческой деятельностью.

После возвращения на родину в 1927 году его вынуждают написать стихотворение «Сход девяноста», где подтверждается, что он сторонник девяноста, то есть большинства народа, трудящихся масс. Но ни это стихотворение, ни переводы произведений Ленина и Горького не спасают опального поэта. В пору первой отсидки, когда его осудили на десять лет, его по ходатайству «отца соцреализма» отпускают досрочно. Он отсидел только восемь лет, с 1929 по 1936 гг. Однако пребывание на свободе длилось недолго. 30 декабря 1937 года, по злостному начету, поэт вновь подвергается аресту. В ежовских застенках 19 марта 1938 года Жумабаев был расстрелян. Во время хрущевской оттепели было переведено на русский язык несколько стихотворений М. Жумабаева. Полностью реабилитирован в 1989 г.

Более полувека творчество Мажана Жумабаева было под запретом. Это было большим уроном для казахской поэзии, отбросило ее вспять на несколько десятилетий, вернуло к почти фольклорному состоянию. За годы после реабилитации книги Жумабаева изданы и переизданы, в Казахском академическом театре драмы им. М.О. Ауэзова режиссером Кайратом Сугурбековым поставлена драма по рассказу М. Жумабаева «Прегрешение Шолпан».

Мы стоим на пороге открытия творческой личности, сопоставимой с Байроном и Шекспиром, это колоссальный талант, придавший европейскую огранку самородной культуре Великой Степи.

В Магжане замечательно то, что в своем творчестве он удачно сочетает национальное и общечеловеческое. Он не только героизирует человека, но и очеловечивает природу. В этом сказалось не только его владение символистской эстетикой, но и мироощущение кочевника-пантеиста. Не потому ли основные персонажи его лирических творений – это Солнце, Небо, Огонь, Земля, Ветер? Но даже среди этих ярких символов бросается в глаза особое почтение поэта к огню. Огонь для него – это символ творческого горения и полной мировоззренческой свободы, т.е. это не только кульп природной стихии, но и в то же время кульп индивидуализма, или беспредельной моральной свободы. И здесь уже в поэте мировоззрение шамана-кочевника перетекает в ницшеанскую философию героя-сверхчеловека, призванного пересотворить окружающий его косный и черствый мир. Это говорит о том, что Магжан – не просто поэт, а поэт-философ, создатель стратегических моделей видения мира. И в этом плане надо сказать, что Магжан одним из первых задумался над мировоззрением казахов-кочевников. Он понимал, что ислам пришел в казахские степи поздно и почитался ими спустя рукава, чисто формально. Так что же было до этого, почему поклонялись далекие предки казахов? И здесь ему, наверно, здорово помог Ч. Валиханов, которого называли «промелькнувшим метеором над нивой востоковедения». Магжан возводит в кульп его мнение о том, что казахи поклонялись огню, возможно, еще в дозороастрейские времена. Но его не устраивает, что огонь – один из многих богов. Ему нужен монотеистический бог, единый творец. И поэт в стихотворении «Огнь» создает такой образ творца – вечно живой и текучий.

Мы полагаем, что первый период творчества Магжана Жумабаева, воплощенный в сборнике «Шолпан», еще не отражает всей палитры его поэзии. Только в сборниках 1922 и 1923 гг. мы

видим настоящего Магжана, который, на наш взгляд, до сих пор не оценен по своему подлинному достоинству. Именно в это время поэт от малых жанров переходит к большим, а если точнее, от лирики, в которой он проявил себя филигранным мастером, к поэмам и прозе, от которой, к сожалению, сохранился только один рассказ.

В данный сборник эти вещи вошли, и, видимо, остановиться на них совершенно необходимо.

Приступая к разбору поэм «сааркинского соловья», надо сказать, что в них он себе ставит совершенно четкие задачи. Во-первых, ему важно найти национальный материал, который был бы на уровне мирового; во-вторых, этот материал должен с равной степенью четкости отражать два этих среза, и, в-третьих, это должно аукаться в мировом культурном контексте, т.е. Магжан вступает в соперничество с такими величинами, как Гете, Шекспир, Байрон. И здесь я хочу отметить особенность творческого метода Магжана Жумабаева и его современников, алашординцев. Они не делают в культурном отношении никакой скидки на национальную отсталость или этническую особьсть, они берут нацию и культуру в мировом потоке, в едином процессе и там пытаются доказать свою конкурентоспособность. Это как в жизни, когда человеку приходится и физически выживать, и подтягивать себя интеллектуально. И, пожалуй, единственный поэт этого периода, в котором сошлось и то, и другое, – это Магжан. И это произошло оттого, что он не пытался повторить прошлое, а старался войти в современность, в настоящее, со всеми его достоинствами и проблемами. И это тем более актуально, что ныне все гордятся своей этнической особьстью, хотят отгородиться от общемирового процесса, мол, мы не такие, мы другие, у нас – другой путь. Ничего подобного. Не бывает другого пути. Путь один: от колыбели – в могилу. Или: от проблем – к поиску их совместного решения.

Магжан понимает это с самого начала. Так, в поэме «Коркыт», имеющей отзвуки не только в казахском, но и общетюркском контексте, он выводит героя, поставившего себе целью ни много ни мало, как освободить человечество от смерти. Если для этого Фауст в трагедии Гете пошел на сделку с

чертом, здесь мы видим более целомудренный и, по всей видимости, более архаический вариант: бегство от смерти. И заканчивается поэма не мистически, а прозаически: Коркыт умирает, но перед этим изобретает кобыз – музыкальный инструмент, раскрепощающий поэтическую фантазию. Вывод – выше смерти только искусство. Здесь можно найти перекличку и с «Эпосом о Гильгамеше», и с «Божественной комедией» Данте. Отличие лишь в том, что в этих произведениях герой, так или иначе, оказывается в загробном мире, а у Маждана Коркыт в мире земном находит способ оставаться в вечности – в вечности мира искусства. И вспоминается Ницше с его словами о том, что искусство – стимул жизни.

Не менее интересна поэма «Батыр Баян», написанная поистине на шекспировском уровне. Конфликт поэмы построен на том, что войско казахского хана Аблая собирается выступить в поход на калмыков, но хан не спешит выступать, поскольку на совете отсутствует его любимый батыр, гордость казахов, Баян. По ходу поэмы выясняется, что он влюбился в плененную им калмычку, которая, соблазнив его младшего брата, бежала с ним домой, в калмыцкие кочевья. Батыр настигает влюбленных и убивает их обоих. Потом он убеждает Аблая пойти на калмыков, но когда тот колеблется, Баян с сотней джигитов идет на калмыков и погибает в битве. Здесь Мажлан вступает в состязание не только с байронической традицией обреченного одиночки, но и с казахским эпосом. Так, например, в лиро-эпической поэме «Козы-Корпеш – Баян-сулу» в виде отрицательного героя выведен батыр Кодар, который убивает главного героя, возлюбленного красавицы Баян. В этом эпосе Кодар выведен отрицательным персонажем, всячески противодействующим любовной паре. Мажлан же в своей поэме ведет речь как бы со стороны Кодара, раскрывает его трагедию. И, главное, не прощая себя, герой Маждана гибнет в битве. Но самое важное для Маждана даже не это, а очень глубокое проникновение в тему любви. Для него любовь – не просто страсть, а особый мир, который выше остального мира.

И в его изображении юный батыр Ноян – не изменник, сбежавший к враждебным калмыкам, а юноша, отдавшийся

своей любви. И на этом фоне проступает вся бессмысленность войны казахов и калмыков, на самом деле родственных по образу жизни и происхождению, которым незачем воевать друг с другом. И в этом плане «Батыр Баян» можно поставить на один уровень с «Ромео и Джульеттой», ведь там и там любовь случается на фоне враждующих кланов и выступает как сила, отрицающая прочие силы. Но по сравнению с Шекспиром Магжан восходит еще на одну ступень: он показывает правоту героя-убийцы, или, иначе, отрицательного героя. Мы получаем возможность увидеть изнанку шекспировской трагедии и казахского эпоса.

Читая поэму «На кручे Оккетпеса», мы вспоминаем «Хаджи-мурата» Толстого и мятежных героев поэм Байрона, готовых в одиночку воевать с целым миром. Надо сказать, что и в предыдущих поэмах Магжан идеализирует образы героев-одиночек. Так, Коркыт бежит не только от смерти, но и от соплеменников; батыр Баян не боится выступить против хана Аблая и т.д. Но особой степени идеализации эта тема достигает в образе хана Кенесары, не только героя национально-освободительного движения, как об этом пишут везде, но и легитимного казахского хана-чингизида, имеющего полное право отстаивать свободу своего народа. Образ Кенесары ценен не только идеализацией героя-одиночки, но и культом жертвенности этого героя. Так, казахский хан понимает бессмысленность сопротивления имперской России и, тем не менее, идет на это, прекрасно зная, чем и насколько рискует.

Тема жертвенности – большая тема в творчестве Магжана Жумабасова. Она пронизывает и его лирику, и его поэмы и перекликается с другой очень важной для поэта темой – темой обреченности и стремления к смерти. Конечно, тут сказались и его увлечения эстетикой романтизма и философией символизма, но, представляется, что определяющей была его собственная экзистенциальная ситуация – ситуация гениального одиночки, далеко опередившего соплеменников. При том уровне казахского полукочевого общества периода конца 19 – начала 20 века такой поэт как Магжан не мог найти понимания в широких казахских массах. Он тянулся к знаниям, но они были в

России, Европе, но редкие люди, получившие это знание, отторгались от сограждан и в то же время не приставали к Европе. В результате, создавался какой-то люфт идентичности, не способствующий мировоззренческому комфорту. Об этом когда-то очень хорошо написал Чокан Валиханов, испытавший на себе эту ситуацию на полвека раньше Магжана. У меня об этом есть следующие строки:

В родах корчится старый наш мир,
Но за что наказанье мне это –
Для казахов я – дерзкий кафир,
А для русских – дикарь в эполетах.

Но стихи – это послание в вечность, а в вечности все выравнивается. И, возможно, благодаря чувству обреченности, пронизывающему все творчество Магжана, мы попытаемся побережней отнести к его наследию и постараемся вчитаться в тексты поэта, чтобы это его чувство не оправдалось уже в отношении нас.

Прозаическое наследие Магжана не так велико: это статьи, переводы русских классиков и один рассказ. В нашем переводе он называется «Прегрешение Шолпан». Это попытка понять женщину во всей ее природе. А природа женщины – это секс, семья и материнство. У героини рассказа Шолпан и с тем, и с другим получилось непоправимо плохо. Или, может быть, это общество того времени было непоправимо плохим?

Когда я отправил свой перевод этого рассказа известному философу А.А. Грекалову, он прислал мне свой отзыв, который здесь я привожу дословно. «При прочтении рассказа сложилось две последовательно появившихся интерпретации.

Первая более идеологическая: женщина, быт, столкновение с традицией... это то, что может различить каждый.

Вторая – более метафизическая, и по ряду позиций, может быть, несколько произвольная. Дело в том, что героя гораздо более сложный феномен, чем может казаться при первом прочтении. Странно, но я подумал о Ницше и его понимании истины, которую он соотносит именно с природой женщины.

Тогда образ становится гораздо более «объемным» и сложным: речь идет, с одной стороны, о постоянном ускользании смысла – он тематизируется: то в фигуре мужа, то в фигуре-фантазме ребенка, то в опыте веры, то в опыте настоящей любви, которая тут же превращается в собственное отрицание. Это уже не образ региональной культуры – при полном уважении к ценностям места, традиции, языка... – это уже образ, если угодно, жизни и истины. У Мамардашвили есть понятие «превращенной формы» – идеалы постоянно превращаются, не переставая быть Идеалом. Все конечное-конкретное может быть смешено, но самое движение к смыслу и истине остается неизменным. Вот в этой неизменности героиня и остается». В этом пространном и очень глубоком суждении важно, что современный философ видит в рассказе Магжана не региональное, а мировое явление. В своем единственном рассказе Магжан разрабатывает гендерную проблематику на уровне Ницше и Стриндберга, Вайнингера и Павича. Что касается взглядов Ницше на женщину, он считал, что мужчина создан для войны, а женщина – для отдохновения воина. Также показателен другой его афоризм, где он говорит, что женщина вся есть сплошная загадка и единственное решение этой загадки – беременность. Так и героиня рассказа, Шолпан, как бы она ни хотела в отношениях с мужем только чистого секса, в конце концов, приходит к мечте о беременности.

В данном издании мы ставили своей целью общее знакомство с жизнью и творчеством Магжана Жумабаева. В связи с этим, его лирика расположена по принципу от частного к общему, т.е. сначала даются стихи поэта исповедального характера, где он раскрывается, как трагическая, масштабная личность, далее стихи, где он говорит от имени всего Востока. Далее идет ретроспектива всего его творчества с казахскими мотивами, циклом о любви и с погружением в мир символизма. Словом, мы отказались от хронологического принципа с той благой целью, чтобы как можно рельефнее показать наиболее значимые грани творчества «солнечного Пророка», сына Великой Степи.

В заключение хочется поблагодарить акима Северо-

Казахстанской области Серика Султангазиновича Билялова, выступившего инициатором новых переводов Мажана Жумабаева. 21 июня 2008 г. на родине поэта отмечали 115 лет со дня рождения великого земляка. Среди прочих почетных гостей был приглашен и я. Тогда-то я и понял, что Мажана невозможно представить без лесов и озер роскошной природы Северного Казахстана. В честь юбилея были устроены байга, кокпар, открыт музей в селе, где родился будущий поэт. Я участвовал во всех мероприятиях, выступил на юбилейных торжествах. Невольно обращало на себя внимание великолепная организация юбилея, обилие гостей и СМИ, и, конечно же, искреннее расположение хозяев. Во всем сказывался оптимальный стиль руководства Серика Билялова – не просто нового руководителя области, но и уроженца этих мест, с детства знакомого с нуждами и потребностями родного края. Выяснилось также, что он не просто почитатель творчества Мажана, но и его родственник, что они происходят от общего предка. И мне сразу стало близко все, что делает этот человек – почитатель поэзии, меценат и организатор, уважаемый в родном краю. Гены не могут обмануть, они лишь требуют продолжения. И, возможно, это издание и есть продолжение, но уже не на генном, а на творческом уровне.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИСПОВЕДЬ

Жизнь – море, где ни берега, ни дна.
Лишь усмехнется, шелестя, волна.
А мне уж скоро будет двадцать семь –
Пусть не старик я, знаю жизнь сполна.

Небытие мое прервала мать.
Встречал восходы, провожал закат.
С рождения плыву я против волн,
Пусть и свиреп, и грозен их накат.

С тех пор я встретил столько светлых зорь,
И тьма не раз скрывала весь простор.
Как начал мыслить, с сердцем я борюсь,
Я столько мог бы ей сказать в укор.

Смутьянка-сердце воли не дала,
Застыл и разум, опустив крыла.
Года бегут, их счет неумолим,
Безумная, сожми же удила!

Твоих приказов чуткий есаул,
Я и в огонь бросался, и тонул.
Прошли года, стою, как перст, один,
За что меня втянула ты в разгул?

«Стань ветром!» – ты сказало мне, я стал,
Меж «рано», «поздно» я не выбирал.
Как буйный ветер, бился я с огнем,
Пред ним в боязни я не замирал.

«Огнем ты стань!», так я уже горю,
Могу обжечь дыханием зарю.
Зола иль роза – мне ли их делить,
Я им, как равным, жар свой подарю.

«Водою стань!», так я потек, журча,
Змей стелясь, что в образе ключа.
Завороженных музыкой моей,
Своим особым волшебством леча.

«Ты Солнцем стань!», как Солнце, я смеюсь,
Я выше Солнца по накалу чувств.
Обняться с каждым я душевно рад,
Себя принизить этим не боюсь.

«Стань Месяцем!» - сказало ты. Плыту.
Скорблю по всем, кто не сорвет траву.
Сестра тоски, лью колдовской я свет
Для всех, в печали выгнувших главу.

«Влюбись!» - приказ был. И, к любви горазд,
Я мотыльком сгорал на углях глаз.
И в те лихие, колдовские дни
Из пепла саван мне бывал как раз.

«Рыдай, поэт!» - сказало ты. Так что ж?
Я плакал, словно после стольких гроз.
Ручьями крови я рыдал порой,
Когда уже не оставалось слез.

«Оставь родных!» - сказало ты. Я тих,
Уж сколько лет скитаюсь без родных.
Пусть было много на пути невзгод,
Отца и близких не искал мой стих.

«Покинь Отчизну!». Я пустился в путь,
Я не был чуждым средь чужих ничуть.
Я постепенно стал для всех своим,
Понять пытаясь их живую суть.

«Беги богатства!». Разве ж я копил?
Свои объятья нищете раскрыл.
«Дерьмо - свинье, собаке - кость дороже!» -
Так говоря, развеял все я в пыль.

«Того, что нет, найди!». Так я нашел.
«Луну достань!». Я на луну взошел.
Все, что просило, я исполнил, сердце.
А что взамен? Все тот же произвол!

Ты обмануло и предало вновь,
Мне через месяц двадцать семь годов.
А там и тридцать, там и сорок. Что же?
Я пред Отчизной с чем предстать готов?

Мне через месяц будет двадцать семь,
А там и тридцать, там и сорок... Кем
Останусь я в людских воспоминаньях,
Когда уже исчезну я совсем?

Шальное сердце к небу лишь рвалось,
Пред ней был разум - нежеланный гость.
Отрава - юность, так я пил отраву,
Теперь печаль - и дом мой, и погост.

Я с разумом был явно не в ладах,
Теперь меня преследует лишь страх,
Однажды я уйду в сырую землю.
Так чем помянут мой остывший прах?

«Сам ветреный, он ветер лишь любил!
В огонь бросался очертя, дебил!
Безумец сам, он чтил огонь за Бога,
Огонь, не знавший меру чувств и сил!»

Иль скажут, что до времени увял,
К златой луне стремился вечно вдаль.
Как лев, что жаждал долуны допрыгнуть,
Разбился он, оставив нам печаль!»

Как Солнце, он был рад всегда всему,
Был Солнцем он и ненавидел тьму.
Был Солнцем он, был на улыбку щедрым,
Так и ушел изогнутым в дугу.

Иль скажут, что певцом был красоты,
Что поверяли все ему мечты.
В дни радости и горя, может, скажут:
«Поэт, ты с нами, необходим нам ты!»

Иль, может быть, ко мне забудут путь,
Забвению мое имя предадут.
Возможно, и к могиле одинокой
В степи бескрайней люди не придут?..

Страна казахов, о, не обманись,
Я не в ответе за ложие дни.
Пусть суд твой будет праведным, раз судишь,
Я не виновен, сердце ты вини!

Безумно сердце, ей своей рукой
Хотелось солница диск обнять златой.
Смеясь - целая и целая - плача,
Оно, погибнув, обретет покой!

ЖАН СӨЗІ

Өмір – теңіз, жоқ оның түбі, шеті,
Сылк-сылк күлгөн сиқырлы толқын беті.
Осы өмірге кіргелі көп күн болды,
Енді бір ай – толады жиырма жеті.

Мен жоқ едім, бар қылып анам талтты,
Содан бері Күн талай шыкты, батты.
Ес білгелі алысам өмірменен,
Өмір – теңіз, толқыны тым көп қақты.

Мен туғалы ағарып, көп таң атты,
Қарандылық жер бетін талай жапты.
Ес білгелі алыстым жүрекпенен,
Ырық бермеді, қаңғырды, ол не талтты?

Ессіз жүрек тулады, бермеді ырық,
Ақыл сорлы ере алмай, қалды тұрып.
Ессіз жүрек, бөгелші бір азырақ,
Отыз түр гой үңгіліп, арты – қырық.

Өмірінді екі қылмай орындағым,
Есімде отқа, суга ұрынғаным.
Өтті жылдар, жаланда жалғыз қаптын,
Өмірімді осынша улап не қылғанын?!

«Жел бол!» – дедің, жел болып еследім бе?
Уакыт талғап, ерте я кеш дедім бе?
Желдей жынды есалаң екінші бол,
Заулаг тұрган отқа өзім түспедім бе?!

«От бол!» – дедің, от болып жаңбадым ба?
Күйдірмей, сірә, нәрсе талғадым ба?
Күлді де алдым құшакқа, гүлді де алдым,
Мынау «кул», мынау «гул» деп таңдағым ба?!

«Су бол!» – дедің, сылдырап ақтадым ба?
Жыландай жұз буралып жатпадым ба?
Ерікті-еріксіз сүймнан татар жанды
Сиқырлап сылдырменен таппадым ба?

«Күн бол!» – дедің, мен Күндей қулмедім бе?
Күннен де астың, мен «күндіз-түң» дедім бе?
Күн тәқаптар. Мен көптен құшакгастым,
Бұл ісімді қундікке мін дедім бе?

«Ай бол!» – дедің, Ай болып жұзбедім бе?
«Әлсүн» оқып, жер жузін кезбедім бе?
Анадайдан сиқырлы сәуле тәғіп,
Талайлардың өзегін үзбедім бе?

Сен: «Сүй!» – дедің, талайды сүймедім бе?
Кебелек боп көп отка күймедім бе?
Тірілгенім болмаса, елгеннен соң
Мен талай құлдең кебін кимедім бе?

«Жыла» – дедің, талай жас тәкпедім бе?
Дария болды кез жасым, көп дедім бе?
Жасым бітсе, қып-қызыл қан жыладым,
«Жыламаймын, кезде жас жою» – дедім бе?!

«Ата-ананың без!» – дедің, безбедім бе?
Қантырып, талай жалғыз кезбедім бе?
Басым талай қара күндер туды,
Ата-ана, туысқанды іздедім бе?

«Елің тастап кет!» – дедің, кетпедім бе?
Жер шетіне барсам да шет дедім бе?
Жыландай бауырна кіріп алып,
Калайда жатты жақын етпедім бе?

«Дәүлеттен қаш!» – дедің сен, қашладым ба?
Койнымында жоқшылықта ашпадым ба?

«Нәжісті – доңыз, сүйекті – ит жияд» деп,
Барымды желге ұшырып шашпадым ба?

«Жоқты іздеп тап!» – дедін сен, таппадым ба?
Сен: «Айға шап!» дегенде, шаппадым ба?
Не керек! Бар бүйрұғынды орындаым,
Сүм жүрек, сол қызыметімді ақтадың ба?

Ақтамадың, алладың, енді білем,
Енді бір ай – жиырма жеті жасқа келем.
Отыз, қырық... Картаям, сөнәм, өлем...
Еліме есебімді не деп берем?!

Енді бір ай – жиырма жеті жас толады,
Отыз, қырық... Саргаяды, жұз солады.
Жыл соңынан жүгіріп жыл созады,
Кеудеге күн-күн сайын шер толады.

Ессіз жүрек аспанға қол сермеді,
Ессіз жүрек ақылға жол бермеді.
Жастық у гой, айнымай у ішіппін,
Бұл күндерде кеудені ой кернеді.

Ақылға кеш айналдым, қараң күнім,
Бір күні құшагына алар өлім.
Қара жерді құшактап мен жатармың,
Сол кезде не деп мені сынар өлім?

«Жел еді, желді жыр гып етті!» – дер ме?
«Есалан сүйіп еді шоқты!» – дер ме?
«Ойы жоқ, ессіз отты тәнірі көрген,
Тұншығып жат, есерім!» – деп күлер ме?!

Болмаса: «Қызыл ғүл ед, солды!» – дер ме,
«Сермел ед алтын Айға қолды!» – дер ме?
«Қажымай Айға шапқан арыстан ед,
Сабаз-ай, сол жолда мерт болды!» – дер ме?

«Күн еді өмір бойы кулді!» – дер ме?
«Күн еді сүймеуші еді түнді!» – дер ме?
«Күн еді, күндей айқын күле білді,
Сол кулумен ақыры елді!» – дер ме?!

«Сұлпулықтың асығы жыршы!» – дер ме?
«Жүректің сырты шешер сыршы!» – дер ме?
Не қуаныш, не қайғы басқан күнде
Басыма келіп: «Ақыным, түршы!» – дер ме?

Болмаса басымда бармас па екен?
Атымды аузына да алмас па екен?
Қарайып жапан түзде жалғыз түрган
Молама кез қырын да салмас па екен?

Дарига, сол күндерде күнім караң,
Қазақ елі, бір ауыз сезім саған:
Болгайсың, синшы болсан, әділ синшы,
Кінәні жүрекке қой, қойма маган!

Мені атама, бұл жүрек – жынды дерсің,
Үмтүлған аламын деп Күнді дерсің.
«Сүйіп күліл, күйіл – кез жасын төгіп,
Жынды жүрек елді де тынды!» – дерсің.

СОКРОВЕННОЕ

Когда я рад, забуду обо всем,
Не раз людьми обозван был глупцом.
Когда грушу я, мрачен, как в аду,
Но я отходчив, не живу я злом.

Когда смеюсь, смеюсь я без ума,
Когда я плачу, всюду только тьма.
Когда враждую, кровь пролить готов,
Когда дружу, я - жертвенность сама.

Я женщину не так люблю, как вы,
Сгораю в миг я на костре любви.
Душа важна мне и важна мне плоть,
Я душу с телом стисну до крови.

Она смеется, я - еще звончай,
Заплачет если, плачу вместе с ней.
Оставшись враз без тела и души,
Умрет она, но я умру быстрей.

Увижу вновь, опять смеюсь, ожив,
Вновь в петлю лезу, разум позабыв.
Жизнь - степь, а я - топочущий малыш,
То оступлюсь, то встану на призыв.

Жизнь как река, надежда - чебачок,
Словами дурит рыбу ветерок.
Безумец - я, младенец - я, во мне
Надежды пламя пересилит рок.

«Я сам Господь и сам себе слуга»,
Порой и Бога число во врагах.
Но если что случится вдруг со мной,
К нему иду я в горестных слезах.

Ну вот, читатель, я раскрылся весь,
Ты красок лишних, лжи не встретишь здесь.
И что в ответ? Улыбку вижу я
Ослиной пасти... Вот весь интерес.

СЫРЫМ

Мен куансам, жас баладай кувнам,
Көргөн адам талай деген: «Есалан!»
Мен кайтырсым, орнатамын қиямет,
Жас баламын – тағы да тез жубанам.

Күлсем егер, есім шығып күлемін,
Жылағанда, қал-қара кан төгемін.
Қасым болса, қанын ішкім келеді,
Досым болса, жолында оның өлемін.

Әйел сүйем, бірақ емес сендерше,
Мен сүйемін, жан-денесін бергенше.
Жан-денесін бірдей алам, улаймын,
Қысып сүйем, күшагымда өлгенше.

Ол күледі, мен де есалан күлемін,
Ол жылайды, мен де жасым төгемін.
Күшагымда жан-тәнінен айрылып,
Өледі әйел, мен де бірге өлемін.

Тағы көрем, тағы күлем, тірілем.
Есім шығып тағы тұзақда ілінем.
Өмір – дала, тапыл басқан мен – бала,
Тапыл-тапыл, дамыл-дамыл сүрінем.

Өмір – езен, үміт – шабақойнаган,
Жел сезбенен шабақ аулауға ойлаган.
Мен – есалан, мен – нәресте, үміт – от,
Жүз күйсе де, кармануын қоймаган.

«Өзім – Тәндірі, езіме – езім табынам»,
Деп көпіріп, зор Тәндірге шабынам.
Егерде енді вуындырап кетсе бас,
Сол Тәндірге жасым төгіп жалынам.

Міне, оқушым, осы менің бар сырым,
Бояу деген ойымда жоқ, жоқ сырым.
Сен не дейсін?.. Күлағындағай есектің
Ерініңе күлкі келді-ау, жарқыным!

ОГОНЬ

Я от Солнца рожден,
Я пылаю, как Он,
Предан Солнцу душой.
Узких глаз моих взор
Искрометен и скор!
Я любуюсь собой!
На Земле, одинок,
Лишь огонь только Бог!

С нежным пламенем слит,
Он, целуя, палит,
Усмехнется и вон!
Вздорожив, смутив,
Уберет всех с пути.
Его имя - Огонь!
Так зовут и меня,
Я - поклонник Огня!

Красно небо огнем,
Все бледнеет при нем.
Жар вдохну я, и бодр.
Божества нет святей,
Я святыне моей
Капну масла в костер!
Капну масла, он, чист,
Гордо выгнется ввысь!

Заклинает он змей,
Он дракона сильней.
Вон пылает, мания.
Пламенеет огонь,
Быстроглаз я, как он.

Мы - прямая родня!
Пламенею и я -
Огнебога дитя!

Суд над тьмою творя,
Занялся заря,
Я зарею рожден!
Я и сердцем - в зарю,
Я и верой горю,
Солнцу лишь мой поклон!

Сын зари и огня,
До последнего дня
Я со мглою в вражде.
С гор алтайских до стран,
В пиках Альп и Балкан,
Пролетал я везде.
Пролетал, как стрела, -
Чтобы не было зла!

ОТ

Күннен тұған баламын,
Жарқыраймын, жанамын.
Күнгө гана бағынам.
Өзім – күнмің, езім – от,
Сезім, қысық көзім де – от,
Өзіме-езім табынам.
Жерде жалғыз Тәнірі – от.
Оттан басқа Тәнірі жок.

Жалынмен жұмсақ сүйеді,
Сүйген наұрсе күйеді.
Жымылп езі жоргалар.
Ұшыраганды шоқ қылар,
Шоқ қылар да, жоқ қылар.
Мұның аты От болар.
Мен де оттын – мен жанам.
От – сен, Тәнірім, табынам.

Әдемі оттеген аспаның,
Бері жасық басқаның.
Жалын жұтам – тез тоям.
Әулием, ием, құтыма,
Тенсіз Тәнірім – отыма
Әлсін-алсін май құям.
Май құямын – өрлейді.
Кулашын көкке сермейді.

Кейде жылан арбайтын,
Кейде ақдаға жалмайтын.
Сескенбес, сіра, кім сенен,
Шынында, менің езім де – от.
Қысылған кара көзім де – от.
Мен – оттанның, от – менен,
Жалынмын мен, жанамын.
Оттан тұған баламын.

Карангылық бүкканды,
Қызырып күн шыққанда,
Күн отынан туганмын;
Жүргімді, жанымды,
Иманымды, арымды
Жалынменен жуганмын.
Жүргім де, жанымда – от,
Иманым да, арымда – от.

Жарқырап от бол туганнан,
Белімді бекем буганнан,
Карангылық – дүшпланым.
Сол жауызды жоюға,
Соқыр кезін оюға
Талай заулап үшкіннын,
Әлпігे¹ барғам Алтайдан.
Балқанга барғам Қытайдан...
Күннен туган баламын,
Жарқыраймын, жанамын.
Күнгө гана багынам.
Өзім – күнмің, өзім – от,
Сезім, қызық кезім де – от.
Өзіме-өзімтабынам.
Жерде жалғыз Тәнірі – от
Оттан басқа Тәнірі жоқ.

¹ Атылға аскар таудың аты (М. Жұмабаевтың ескертпесі)

ПРОРОК

Устремляя наши очи
На бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, не придет ли наш Пророк.
Д. С. Мережковский

Над Западом сгустился мрак ночной,
Там Солнце ныне не взойдет с зарей.
Во мгле ночной лишь демоны кружат,
И даже Бог растоптан там толпой.

Над Западом сгустился мрак ночной,
На небе звезд не видно ни одной.
Здесь дети ночи, Бога умертвив,
Напрасно ждали, что придет другой.

Над Западом сгустился мрак ночной,
Здесь всякий занят полной ерундой.
Законы веры знать им не дано,
Здесь брюхо застит окоем собой.

Исчадья тьмы, дорогой тьмы идут,
Их и Муса¹ не вызовлит из пут.
Айса², сын Божий, распят ими был,
Лишь крови жаждал их неправый суд.

О, дети ночи, под покровом мглы
Лишь Вельзевул³ поклонялись вы.
И Библию топтали, и Коран,
Восславив брюха, что еще могли?

О, дети ночи, вы - заре враги,
Ваш Каин⁴ первый вырос на крови.

Животное, чей идеал лишь плоть,
Как может знать высокий зов любви?!

Так в половодье волн страшит накат,
Так яд в крови рождает в ней распад.
О, дети ночи, ваш повержен мир,
Над Западом - раскаты канонад.

В кромешной тьме царит над всеми ночь,
В ней голоса и всхлипы, и не прочь
В ней кто-то засмеяться, зарыдать,
Незримый кто-то там до игр охоч.

Незримый кто-то воет и орет,
Таких, как сам, на шабаш он зовет.
Вот он споткнулся, снова побежал,
Слепой во тьме, как путь он разберет?

В кромешной тьме он ходит, востроглаз,
Беда и кровь нашли тут свой экстаз.
И, задыхаясь от паров таких,
Он ходит в думах тяжких, как напасть.

В кромешной тьме и время медлит ход,
Не сдержишь тут и мыслей хоровод.
С незрячих глаз лия потоки слез,
С Востока он теперь пророка ждет.

Был в древности рожден от Солнца гунн,
От гунна - я, как пламя, вечно юн.
Я лицом чист, глазами яраскос,
И, пламенея, жду я свой канун.

О, не грусти, слепец мой, дай мне срок,
Я Солнца сын, верней, его зрачок.
Иду я к вам, пылая, словно весть,
Рожденный гунном солнечный пророк.

Слепец несчастный, ты глаза раскрай,
С Востока я иду к тебе с зарей.
Иду к тебе, я - призванный пророк,
Дождись меня, готовься к «Отходной».

Я - свет с Востока, радостный восход.
Мой голос сотрясает небосвод.
Над миром всем сгустился мрак ночной,
Дам миру свет я, Солнце вновь взойдет.

В кромешной тьме печален плач осин,
В кромешной тьме рыдает ночи сын.
В кромешной тьме - луч солнца золотой,
То я иду, пророк и паладин.

ПАЙГАМБАР

Устремляя наши очи
На бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, не придет ли наш Пророк.
Д. С. Мережковский.

Күнбатысты қарангылық қалтаган,
Күні батып, жаңа таңы атпаган.
Тұнеріл жүр түннен туған перілер,
Тәнірісін табанына талтаган.

Күнбатысты қарангылық қалтаган,
Кегінде жоқ жалғыз жүлдым батпаган,
Тұн баласы Тәнірісін елтіріл,
Табынатын басқа Тәнірі талтаган.

Күнбатысты қарангылық қалтаган,
Жалғыз жан жоқ қарангыда лақпаган.
Білген емес – иман деген не нэрсе,
«Қарын» деген сөзді ғана жаттаган.

Тұн баласы... Тұн жолына түскен ол,
Сақусын деп Мұса тілін кескен ол,
Тәнірінің сүйікті ұлы Айсаның
Тітіркенбей ұрттал қанын ішкен ол...

Тұн баласы түнерген тұн жамылған,
Аллага емес, әзәйлге табынған.
Інжілді өртеп, табанга сап Құранды,
Әділдікті күткен ессіз қарыннан.

Тұн баласы өмірінде араз таңменен,
Қабыл ұлы ауызданған қанменен.
Табынатын құр денеге жануар,
Болған емес жұмысы оның жанменен.

Төгілмей ме кемерінен аскан су,
Әлтірмей ме жайылған сон күшті у.
Тұн баласы тунеріп түр елгелі,
Көзінді сал күнбатыста қанды шу;

Көзге тұртсे көрінбейтін кара тұн,
Күнірене ме, күле ме элде, әлдекім?
Жылайды да, шулайды да үлиды,
Бұл кім? Бұл ма – тұн баласы түссіз жын.

Қап-қара тұн. Тұн баласы күніренед.
Күніренумен бір-біріне үн беред.
Сөгінеді, сүрінеді, жығылад,
Кара түнде көр көзімен не көред?!

Қап-қара тұн. Шепір көзді жындар жүр.
Қап-қара тұн. Қайғы мен қан ойнал түр.
Қайғы менен кара қанга тұншығып,
Тұн баласы ауыр ойлар ойлап түр.

Қап-қара тұн. Ұақыт ауыр өтеді,
Ой артынан ойлар келіп кетеді
Тұн баласы көр көзінен жас төгіп,
Күншығыстан бір пайғамбар күтеді...

Ерте күнде отты Күннен Гүн' туган,
Отты Гүннен от бол ойнап мен тугам,
Жүзімді де, қысық қара көзімді
Туа сала жалынменен мен жугам.

Қайғыланба, соқыр сорлы, шекле зар,
Мен – Күн ұлы, көзімде Күн нұры бар.
Мен келемің, мен келемің, мен келем –
Күннен туган, Гүннен туган пайғамбар.

Соқыр сорлы, көрмей ме әлде көзің көр?
Күншығыстан таң келеді, енді көр.
Таң келеді, мен келемін – пайғамбар,
Күт сен мені, «лахауланды» оқи бер.

Күншығыстан таң келеді – мен келем, –
Кек күніренед: мен де көктей күніренем.
Жердің жүзін қарангылық қалтаган,
Жер жүзінә нұр беремін, Күн берем!

Қал-қара тұн. Қайғылы ауыр жер жыры,
Қал-қара тұн. Күніренеді тұн ұлы.
Күншығыста ақ алтын бір сызық бар:
Мен келемін, мен пайғамбар – Күн ұлы.

ВОСТОК

Восток раскосый, что стоишь?
Ты же гора тут, а не мышь!
Очипись же, великан!
Пусть стонет вновь земля! Вперед!
На Запад будет твой поход!
В крови там много стран.

Ах, Запад весь теперь в пыли,
То кровь рекой течет вдали.
И - громы канонад.
Власть знаний там несет раздор,
Как жив еще он до сих пор,
Востока дальний брат?

Он морем был, весь в реве волн,
Он рвался к небу, страсти полни.
Теперь - в останках скал.
Теперь чахоточный, больной,
Он озирает круг земной,
Найдет ли, что искал?

Исчадья ада, сатаны
Пусть сдохнут на полях войны -
Гордыни злой итог.
И на закате его дней,
Став и сильнее, июней,
Проснется мой Восток!

Восток раскосый, встрепенись!
Последним будет этот риск!
Пойдем на Запад мы!
В знаменах реющих, крича,
В лягавры медные стуча,
Войдем мы в царство тьмы!

Развеем в прах мы город сов!
Детей же обратим в рабов!
Нет, так нельзя теперь!
Мы город обратим в цветник!
Детей же их - в детей своих!
Откроем в милость дверь!

Бедняг заблудших, что с пути
Сошли, не в силах путь найти,
Наставим мы на путь!
На путь Востока, что широк,
Для всех, кто сир и одинок,
Лишь в нем - и свет, и суть!

Вон в море вдруг возник прибой,
Восток мой поднял рев и вой,
Мой видит зоркий глаз.
В знаменах рекущих, крича,
В литавры медные стучा,
Вознило войско враз.

Эй, гиблый Запад, что стоишь?
Гора твоя родила мышь,
Уйди с пути долой!
Иль вот тебе моя рука,
Коль хочешь жить наверняка,
Последуй впредь за мной!

КҮНШЫГЫС

Қызық кезді Күншыгыс,
Бұл тұруың қай турыс?
Серпіл енді, алымы!
Күнірентіп жерді ыныраныш.
Күнбатысқа кез салыш,
Көрдің бе қаның жалыны?

Күнбатысты шаң басқан,
Шаң емес, қара қан басқан.
Тарсыл-күрсіл, қанды атыс.
Кеп білем деп – белуге,
Кеп күлем деп- елуге
Жақын қалды Күнбатыс.

Дария еді ол екірген,
Шашып көкке лептрген,
Жемірліді кемері.
Өлгелі жатқан құрт ауру,
Жан жақда сүзіл көз салу –
Қолынан енді келері.

Ібіліске ерген есерлер,
Өзімшіл қеуде кеселдер
Түншысын, қанға боялсын.
Оның өлген үнімен,
Қанды батқан күнімен,
Күншыгысым оянын!

Қызық кезді Күншыгыс,
Болсын сонғы бұл жүріс.
Күнбатысқа жүрелік,
Желкілдеген түменен,
Жер күнірентікен шүменен
Қаласына кірелік.

Күл кылайық қаласын,
Күл кылайық баласын.
Жоқ, жоқ! Ашу басалык!
Гүл кылайық қаласын,
Үл кылайық баласын,
Мейрім есігін ашалык.

Мұндарларды адасқан,
Айрылып естен шатаскан
Күншығыстың жолына
Салайық, шетсің демейік,
Аямайық, көмейік
Күншығыстың нұрына...

Терен теніз тебіренді,
Күншығысым күнірекді.
Қырагы көзім кереді:
Желкілдеген түменен,
Жер күніренткен шуменен
Кара бұлт қалтап келеді.

Әй, сен, кесел Күнбатыс!
Бұл жатуын қай жатыс,
Жоғал жылдам жолымнан!
Болмаса, корықсан өлімнен,
Үмітің болса өмірден,
Үста мәнің қолымнан!

ТУРКЕСТАН

О Туркестан - граница двух миров!
Ты - колыбель для нас, твоих сынов!
Ты избран Тенгри как Отчизна тюрков,
Храбрейших в битвах, словно стая львов!

Столетья прежде иль в седую рань
Не Туркестан ты звался, а Туран.
Здесь наши предки пребывали вечно,
Отсюда всюду простирая длань.

Здесь горы наши к небу вознеслись,
Седой макушкой подпирая высь.
И, словно слезы этих стылых высей,
Со склонов реки поспешают вниз.

«Оксус-Яксарт» или «Сейхун-Джейхун»,
Срываюсь с гор, текли до зыбких дюн.
На их берегах - могилы наших предков,
Священные в сиянье солнц и лун.

Забыть ли мне красу «Небесных гор»?
Тянь-Шань мой я славлю до сих пор.
О храбрых тюрках вспомню я невольно,
Когда Хан-Тенгри мой увидит взор.

Балхаш как дочь горы Тарбагатай,
Как пуп земли, торчат Памир, Алай.
И если б не вершины Казыкурга,
Потоп засыпал бы землю через край.

Турана лучше есть ли мир другой?
Превыше тюрки мне страны любой!
И разум в них, и дерзость, и отвага -
Отважней тюрков кто помчится в бой?!

Чингиса нет мудрее и храбрей,
С могучей волей, коей нет мощней!
И даже имя грозного праотца
Нас возвышает до скончанья дней!

Сын Тарагая, тюрков вождь Тимур,
Был пуще молний и опасней бурь.
Вселенную слегка своим сияньем,
Промчался он, поспешен чересчур.

Кто родом тюрк, того священна кровь,
Был Авиценна шейхом мудрецов.
Познанием смущал он всюду смертных,
Не знающим ни дна, ни берегов.

Огню подобны были тюрки там,
Как молнии, что мчат по небесам.
Когда единство тюркское распалось,
Наследников досталась слава нам!

Как не искать Отчизну нам в тоске?
Скакун и тот к ней мчится налегке.
Народ Алаш, твоя земля в Туране,
И лишь свобода в дальнем далеке!

Тянь-Шань, Памир и бдительный Алай.
Нас ждут, как будто позабытый рай,
Где нас зовут пройти дорогой славы
Кенесары и доблестный Аблай!

ТҮРКІСТАН

Түркістан екі дүние есігі гой,
Түркістан ер түріктің бесігі гой.
Тамаша Түркістандай жерде туган
Түріктің тәнірі берген несібі гой.

Ертеде Түркістанды Тұран дескен,
Тұранда ер түрігім туып-еекен.
Тұранның тағдыры бар толқымалы,
Басынан кеп тамаша құндер кешкен.

Тұранның тарихы бар отты желдей,
Зеулаған қалың өртей аспанға өрлей.
Тұранның жері менен сұзы да жат,
Теніздей терең ауыр ой бергендей.

Тұранның егі-шексіз шөлі қандай,
Теніздей кемері жоқ келі қандай!
Тұранның дария аталған өзендері
Тасыса, шөлді басқан селі қандай!

Тұранның таулары бар аспанға асқан,
Мәңгіге басын алпақ шаштар басқан.
Бауырында ерке бұлак салады ойнақ,
Жаралып таудан ақкан салының жастан.

Шөлдер бар, жел де журмес, сап-сары күм,
Моладай ешбір үн жоқ мәңі тып-тын.
Болмақ па жан-жануар шексіз шөлде,
Сар күмда салар ойнақ пері мен жын.

Тұранның теңіз дерлік көлдері бар,
Шалқыған егі-шетсіз Теніз, Арап.
Бір шетте қасиетті Ыстықкөлдің
Бауырында дүние көрген түрік кеожал.

Ертеде Окыс, Яксарт – Жейхун, Сейхун;
Түріктөр бұл екеуін дария дейтін.
Киелі сол екі су жағасында
Табасың қасиетті бabaң бейтін.

Туранның Тянь-Шаньдай тауы қалай,
Пар келмес Тянь-Шаньға таулар талай!
Еріксіз ер түрікті ойга аларсың,
Кекке аскан Хантәнірігे қарай-қарай.

Балқашты бауырына алған Тарбагатай,
Жоталы, жер кіндігі – Памир, Алай.
Қазықұрт қасиетті тау болмаса,
Топанды Нұқ кемесі тоқтар қалай?

Туранның жері де жат, елі де жат,
Күйіндай бастан кешкен күні де жат!
Туранды тутелімен билеп тұрган
Ертеде ертегі хан Афрасияб.

Ежелден жер емес ол қарапайым,
Білесің тарихты ашсаң Туран жайни.
Туранға қасиетті құмар болған,
Ертеде Кей-Қызырау мен Зұлкарнайн.

Туранға жер жузінде жер жеткен бе?
Түрікке адамзатта ел жеткен бе?
Кен ақыл, отты қайрат, жүйрік киял,
Туранның ерлеріне ер жеткен бе?!

Тумайды адамзатта Шыңғыстай ер,
Даныштан, тұнғызың ой, болат жігер
Шыңғыстай арыстанның құр аты да
Адамның жүргегіне жігер берер.

Шыңғыстан Шагитай, Үкітай, Жошы, Төле –
Атага тартыл туган бәрі бәрі.
Шыңғыстың кол бастаған екі кезі –
Жолбарыс Сұптыай мен кекжал Жебе.

Тұранның билері бар Тарагайдай,
Сол биден Темір туган от бол ойнай.
От шашып жер жүзіне Ақсақ Темір,
Жарқ етіп ете шықкан нажағайдай.

Тұранды мактамаймың, тілті текке,
Онсыз-ак Тұран таныс талай шетке.
Сырласқан үйде отырып аспан-көктен
Білгіш аз жеткен жүйрік ұлықбекке.

Асыл қан – қасиетті түрік қаны,
Сол қаннан – Ибн-Сина Эбугали.
Молдығы білімінің сикыр дерлік,
Дүниеге мұндай адам туды ма элі?

Түріктің кім кеміткен мұзыкасын,
Фараби тоғыз шекті домбырасын?
Шерткенде тоқсан тоғыз түрлендіріл,
Жұбанып, кім тыймаган қездің жасын?!

Тұранда түрік ойнаған ұсал отқа,
Түріктен басқа от болып жан туып па?
Көп түрік енші алысып тарасқанда,
Қазакта қара шанырақ қалған жоқ па?

Арыстан елге Отан болған Тұран,
Тұранда қазағым да хандық күрган.
Қазактың қасқа жолды Қасым ханы
Тұранның талай жерін билеп тұрган.

ТЕЗ БАРАМ

Қыранымын сары сайран дааланың,
Кос қанатым – алтын Алтай, Оралым.
Еркін дала ардақтысы, еркесі, –
Бетім қайтпай есken батыр баламын.

Аскан алып – ата затым сұрасан,
Аскан дана – ана затым сұрасан,
Шашып жалын жас жолбарыс ұмтылса,
Корқақ құлдар, қалай қарсы тұрасың?!

Тұлпар мініп, туды қолға алайын,
Суырып қылыш қан майданға барайын,
Жердің жузі кім екенім танысын,
Жас берідей біраз ойын салайын.

Тірілте йін алып атам аруағын,
Тазартайын Сарыарқамның толырагын,
Жан-жагына тегіс билік жүргізіп,
Кемелінс келсін кейінгі ұрпағым.

Дүгада бол, алтын Алтай – картанам,
Алып ата, куды жолың ер балаң.
Ақ шашынды, көкірегінді иіскеуге,
Тәнір жазса, соулеппенен тез барам.

ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ...

Как воин я повсюду знаменит,
Я пробивал и скалы, и гранит.
Крылатый хитник, мощный я орлан,
Совсем не тот, кто от врагов бежит.

Одним прыжком вскочил я на Алтай,
В степи стрелу я целил на Китай.
Познал я столько бедствий и невзгод,
Что для других хватило бы через край.

Упорен я во взятии препядствий,
Я и на льва наброситься был рад.
А что до пса, который лает, зол,
Я перед ним не отступлю назад.

ЖЕР ЖҰЗІНЕ...

Жер жұзіне ер атагым жайылған,
Жан емеспін оттаң, судан тайынған.
Қайраты мол қандыбалақ қыранмың,
Күн болған жоқ жаудан жүрек шайылған.

Еркін ыргып шыққам аскар Алтайға,
Қырда тұрып садақ тартқам Қытайға.
Талай тайғақ, тар кешүде таймаған
Батыр жүрек, қайрат енді алдай ма?!

Талмай, қайтпай қамал бұзған кеменгер,
Арыстанға қарсы ұмтылған мендей ер.
Бір барқылдақ жалпылдаган тәбеттен
Қорқар болсам, жұтсын мені кара жер!

ГОСПОДЬ ВЕЛИКИЙ...

Господь великий, ты велик, мы верим в это,
И, чтя тебя, мы исполняем все заветы.
Надеясь, что рабов своих ты не обидишь,
Мы волю отдали тебе, который светел.

Мы постоянно поминаем твое имя,
«Аллах акпар!», «Аллах велик!». Господь любимый!
Ты справедлив, и потому в твоей мы воле.
Любой наш шаг ведом приказами твоими.

Прости, Господь, коль я опутан суетою,
Раз явно зло, сказать о нем, пожалуй, стоит.
Ты так велик и милостив ко всем на свете,
Лишь нас, казахов, ты любви не удостоил.

Ты дал другим вершины гор, морей пучину,
Леса, озера и в цветах сплошных долины.
За что же мы живем без стана и приюта,
С тяжелой долей проクリятого сына?

Ты дал нам степь, где нет травы, где только пустошь,
Не дал ни благ, ни знаний, ни искусства.
Нет, мы не те, не пасынки твои, что злобыны,
За что же псов, числом не счесть, на нас наусыкал?

Другим ты слал посланцев истых неустанно,
Народ просреет лишь водительствуем к знаньям.
Не дал ты нам, Господь, ни Книги, ни Пророка,
За что ты нас, скажи, оставил без Писания?

С тех пор казаху счастья нет, ему все хуже,
Другим народ мой, как мишень насмешек, нужен.
Не принял нас ты за людей, не дал Пророка,
Арабов хуже посчитал - прислуг вербложьих.

Прости, Господь, умерь свой гнев, я раб твой хилый,
Не сторонись казахов ты, яви им милость.
Бог справедливый, говорю, трясясь от боли,
Пока все палками меня тут не забили.

ТӘҢІРІ

Зор тәңірі, күштісің сен, сенеміз біз,
Әділ деп ер ісіңе көнеміз біз.
Өз құлын вәзі еңгіртпес тұра ие деп,
Өзіңе ерік тізгін береміз біз.

Ауыздан Алла атынды тастамаймыз,
Алласыз ешбір іске бастамаймыз.
«Әділ хан, бұйрығына бойсұндыю», – деп,
Бұйрықсыз бір адым да аттамаймыз.

Кеш, Тәңірім, болса сөзім пендешлік,
Мінекей, айқын зұлым, кайда әділдік?
Соншама кен раҳметтеген күр тастайтын,
Баласы алты Алаштың – біз не қылдык?

Басқага орын бердің жаксы жайдан –
Зенгір тау, тұлпіз дария, терен сайдан.
Үмтсіз, тілегі жоқ, тұрагы жоқ,
Куылған дәргаһының біз бе шайтан?

Бізге отсыз шелдаланы орын қылдың,
Бақ-дәулет, өнер-білім қырын қылдың.
Кесір деп кек алатын өгей балаң
Біз бе едік, көл тәбетке жырым қылдың!

Жібердің басқа жүртқа жолбасшылар,
Әр жүрттың жолбасшымен көзі ашылар.
Не елші, не жол сілтер кітабың жоқ,
Алашка әлде жазғаны бар да шығар?

Бақытсыз қаңғып жүрген қазақ сорлы,
Әркімге күні кетіп мазақ сорды.
Бір елші жібермедің санға алмадың,
Жаланаш түйе баккан араб күрлы.

Кеш, Тәңірім, сорлы құлға қаһар етпе,
Рақым қыл, біз сорлыны шетке теппе.
Сез шықты жанашумен, Әділ Тәңірім,
Тиген соң аңыз таяқ тұшы етіе!

СЛОВО ХРОМОГО ТИМУРА

- Что означает слово «мир»?
- То, что вмещается в ладонь.
В одной ладони двум богам
Нелепо ссориться за трон.

Согласен я, Бог Неба - Бог,
Пусть правит Небом с мощью всей!
А я Тимур, я - Бог Земли,
Не тронет пусть Земли моей!

Бог Неба - Бог, но у него
Ни рода нет, ни сутки в днях.
А я Тимур, я - Бог Земли,
Я тюрк, что родом из огня!

АҚСАҚ ТЕМІР СӨЗІ

«Жиһан дегея не нэрсе? –
Алаканның ауданы!
Бір ауданда көп Тәнірі
Болудың тілгі жоқ сәні.

Тәнірі – көктің Тәнірісі
Күніренсің, көгін билесін!
Жер Тәнірісі Темірмін,
Жеріме Тәнірі тимесін!»

Кек Тәнірісі – Тәнірінің
Тұдымы жоқ, заты жоқ.
Жер Тәнірісі Темірдің
Тұдымы – түрік, заты – от!

ЛУНЕ

Крылья нючи скрыли солнце,
В небе звезды засверкали.
На луну смотрю в оконце,
Полный лик ее в печали.

О, Луна, скажи, как другу,
Что с тобою приключилось?
Ты плывешь в немом испуге,
Словно в небе заблудилась.

Или кто-то свет твой застиг,
Твой убор царицы скомкав?
Или, в ссоре с настоящим,
Загрустила о былом ты?

Как узреть, твое былое
Золотым, быть может, было?
Звезды в небе за собою,
Как народ свой, ты водила?

Может, в девственной свободе
Наслаждалась ты раздольем?
Право всхода и захода
Не в чужой держалось воле?

Скорби сей и я наперсник,
Прежде был и я на троне.
Был горяч я, юн и дерзок,
С птицей счастья на ладони!

В степь всмотрись, ее просторы,
Словно шелковая скатерть.
Рек медовых блеск и горы,
Эта степь - моя праматерь!

Здесь я в играх и проказах
Допоздна носился шало.
Я ни в чем не знал отказа,
Никогда не знал печали.

Но, увы, судьба, проклятьем
Заклеймив, всего лишила.
Глаз зрачок моих - праматерь
Взяв, меня осиротила.

Так судьбой обманут злою,
Погребен при жизни - вою.
О, Луна, возьми с собою,
Будем вместе - два изгоя.

С клятвой верности, до плахи
Путь невзгод пройдем с тобою.
Мы прольем перед Аллахом
Слезы, смешанные с кровью.

Может быть, он нас услышит?
Путь в слезах еще зачтется?
Заблудившаяся в высях
Птица счастья к нам вернется?

АЙГА

Күнбатыл, карантылық канат жайды,
Аспанда сансыз жүлдэз жарқырайды.
Отырган қарангы үйдің терезесінен
Көрмін мұнды, нұрлы толған Айды.

Қайтылы Ай, тұрсың көкте тусің қашып,
Қайтылы жер жүзіне нұрың шашып.
Жылжисың ақырынға қорықсан жандай,
Жүргендей жол таба алмай бейне адасып.

Бір жауыз сөндірмек пе әлде нұрын?
Устіне кигізбек пе қара құрым?
Жоқ әлде қазіргімен жұмысын жоқ,
Қайғыға тусіре ме еткен күнің?

Кім білсін, еткен күнің алтын шығар?
Ажарың бейне күндей жарқын шығар?
Кеп жүлдэз – әлде күштен, әлде іспен
Еріксіз артына ерткен халқың шығар.

Жоқ шығар ешбір бөгет онда жолда,
Еркінмен қулаш жайып оң мен солға,
Мезгілмен толу, солу билігі де
Ол уақыт емес шығар басқа колда?

Қайтылы Ай, мен де сенің қайғына ортақ,
Менде де бүрны бар еді тәжбенентак.
Жас едім, жалынды едім, батыр едім,
Колымға қонып еді ол уақыт бақ.

Кеңдала, көресің гой ана жатқан,
Жібектей жасыл шөптер бетін жапқан.
Аскар тау, балдан тэтті сулары бар,
Әнене, сол анатам еді мені тапқан.

Салушы емасау тайдай койнында ойнақ,
Жұруші ем ертенді-кеш ылғи ойнап.
Ішүге ас, мінуге ат – бәрі даяр,
Көрмеп ем өмірімде қайғы ойлаң.

Дарига, жауыз тағдыр қатты алдады,
Бак-дәүләт – алмағаны еш қалмады.
Тас жүрек көзім нұры – анамды алып,
Еңіреген мен жетімге көз салмады.

Мінекей, қамзудамын тар үнгірде,
Мұнысы – көмгөні гой тірі көрге.
Мейірімді Ай, мениң-дагы жаңынча алшы,
Болайық екі мұндық біздер бірге.

Ант етіп айрылмасқа бірігейік,
Ас-сусыз мың бейнетпен жол шегейік.
Тындаитын бар гой тілек эділ Алла
Кел қылыш қан аралас жас төгейік.

Сұрасақ, тілек қабыл болмас па еken?
Жолымыз жылап шеккен онбас па еken?
Кеше үшкандасымыздан бақыт құсы
Тағы да қайта айналып қонбас па еken?

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Земля, где я увидел белый свет,
Где пуповину мне отрезал дед.
Где я играл, гоняя мух, слепней
В эпоху детства, кое-где лучше нет.

В твоей я почве порожден, ты - дно,
И плоть, и дух мои с тобой - одно.
В другой земле мне кажутся темны
Светила все и с Солнцем мне темно.

Я помню небом сладость вод твоих,
Твои леса и степи, твой тростник.
Мальчишкой мне оставаться бы в степи,
Который детства красотой велик.

Забыв про дом, гонять в степи я гнал,
Дружков своих в грязи степной валять.
Играть в качели или кость ночами,
Днем стригунка-неуку усмирять.

Но «Голова - Аллаха мяч»... Куда
Направит Он, туда мы идти всегда.
Могу и я уйти в далекий край,
Но знай, к тебе любовь моя тверда.

ТУГАН ЖЕР

Бұл жарықта аяқбасып туган жер,
Кіндік кесіп, кірім сенде жуған жер.
Жастық – алтын, кайтып келмес күнімде
Ойын ойнап, шыбын-шіркей күгән жер.

Жаратылдым топырагыннан, сен – тубім,
Жалғаны жоқ, бәрі сенен жан-тәнім.
Сенен басқа жerde маган қарангы,
Жарық болар Шолпан, Айым, сен – Күнім.

Тәтті суың дәмі аузынан еш кетпес,
Қалың нұның, қыр, суына жер жетпес.
Кеңдаланда ойын ойнап қалса миши,
Жазу болып адамзатқа ер жетпес!..

Балак түріп, қозы қуып, жарысып,
Батпағында тен құрбымен алысып,
Түнде – аксүйек, алтыбакан, ал күндіз
Үйретем деп асаву тайға жабысып.

«Адамбасы – Алла добы» деген рас,
Калай куса, солай кетпек сорлы бас.
Кім биледі, мәнде шетке кетермін,
Туган жерім, сені тастап басым жас.

ЛЮБЛЮ

Ее волосы как бы посыпаны пеплом,
Она - еле живая и полуослепла;
Скоро будет ей сто, коль Аллах ей поможет.
И сидит она, четки перебирая,
Не зная, осталось ей сколько до рая,
Могильную сырость уж чувствуя кожей.
Это мать моя бедная в старости тяжкой.

Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу ее не любить.

В глазах ее нет занебесного света,
Изуст не услышишь ни слова привета,
В объятьях нет страсти, зовущей к безумствам.
В постели она - не тигрица, не дьявол,
Не умеет дерзить, спокойная нравом,
Сильна лишь в возиться с посудой искусстве,
Это женка моя, неказистая с виду.

Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу ее не любить.

Всегда пребывающий в полудремоте,
Всегда в малахас, что скроет зевоту,
Избравший лишь лень себе вечной опорой.
По старым заветам все также живущий,
С старой встающий с старой бредущий,
Есть народ мой «алаш» на движенье нескорый.

Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу его не любить.

Миражной завесою вечно покрытый,
В буранах взывающих грозно, сердито,
С зимою как саван и с летом свирепым.

Не имеющий леса, не имеющий рощи,
Не имеющий гор, где вода в речках ропщет,
А имеющей только лишь мертвые стены.
Это вот Сарарка - моя родина в дремле.

Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу ее не любить.

СҮЙЕМІН

Күлдей күнгірт шашы бер,
Токсан бесте жасы бер,
Көз дегенің сұл-сұр көр.
Тасбиқ санал бутіліп,
Жерге қарал үніліп,
Көршे ауыр курсінер,
Менің бір картанам бер,
Неге екенін білмейман
Сол анамды сүйеман.

Кесіндес кек нұры жок,
Аузында жұмақ жұры жок,
Жалынсыз, усыз құшагы,
Иірілмейді жыландаі,
Сесі де жок күрандаі,
Білгелі – қазаң-ошагы.
Жабайы гана жарым бер,
Сол жарымды сүйемін!

Ұйызы басқан қабагын,
Бастыра кітеп тымагын,
Жалғоулықты жар керген.
Жүрген ескі занымен,
Алдындағы малымен
Бірге жусал, бірге өрген,
Алаш деген елім бер,
Неге екенін білмейман
Сол елімді сүйемін!

Сагымы сайран құрады,
Бораны ұлып тұрады,
 Қыс ақ кебін, жаз сары.
Орманы жоқ, шуы жоқ,
Тауы да жоқ, сүң жоқ,
 Мәнді өлік сахарасы.
Сарыарқа деген жерім бар,
Неге екенін білмеймін
 Сол Арқамды сүйемін!

ПЕСНЬ ЗАКАТА И ВОСХОДА

Златое Солнце на закате,
Огнем охвачен неба край.
Оно на краски так богато,
Готов ли шелк твой, Куралай?

О, Куралай, что с взглядом чистым,
Возьми батист и тьме в укор
Ты красным шелком по батисту
На белом выведи узор.

Златое Солнце на закате,
Оно тихонько умирает.
Бедняжка-тучка, кровью плача,
Златое Солнце погребает.

Угасло Солнце, небо в скорби,
Вся в черном степь скорбит по Солнцу.
О, Куралай с оленым взглядом,
Ты вышивать когда закончишь?

Уйми во мне ты зуд тоски,
Взгляни разок, красой срази.
Как над водою чебачки,
Валетают пальчики твои.

Под бровью выстроились в ряд
Ресницы или черный шелк?
Ах, подари волшебный взгляд,
Печально сердце я прожег!

Как пальчики твои сильны
В игре со спицей и со мной.
Твой взгляд - стрела, о, Куралай,
Срази меня своей стрелой!

Нет, на меня ты не смотри,
Следи вон за мельканьем спиц.
Кровавой шелковой строкой
Ты белый вышивай батист.

Вон степь, супруга потеряя,
Вся в чёрном, плачет и грустит.
Красотка милая моя,
К себе, прошу, ты подпусти.

Сгустился мрак, то скорбизнак,
Иль просто ночь пришла мрачна?
Там шепчет ветер или бес,
Иль затаилась тишина?

Я подойду к тебе, мой свет,
Храня в себе лишь мысль одну:
Кровавой нитью на снегу
О чём ты пишешь, дай взглянуть!

Не стану близко подходить,
Пусть мне помогут фонари.
Что написала ты, мой свет?
«Ты за страну свою умри!»

О, Куралай, я чудный взгляд
Твой выдержать теперь смогу.
Потряс меня до боли глаз
Кровавый шелк, что на снегу!

Ты так и пишешь: «За страну»,
Пойду, теперь не стану ждать.
За пальцы тонкие твои
Готов скотно жертвой стать.

Пройдет и ночь, что так мрачна,
Вон видишь ты, заря взошла.
На гладь белейшую платка
Твоя, наверно, кровь стекла.

«Ты за страну свою умри!» –
Бежит кровь к сердцу, как поток.
С оленым взглядом милый друг,
Ты не вздыхай, держа платок.

С оленым взглядом милый друг,
В поход я выйду поутру.
Твой кровью вышитый батист –
Мой флаг, что реет на ветру.

Прощай теперь, о, свет очей,
Бальзамом ставший для души.
Теперь возьмит ты свой батист,
И «С Богом!» фразу напиши.

Златое Солнце всходит вновь,
Вон золотится неба край.
Готовь скорее ты свой шелк,
С оленым взглядом Куралай.

БАТҚАН КҮН, АТҚАН ТАҢНЫҢ ЖЫРЫ

Алтын Күн батып барады,
Күйдіріл көктің жиегін.
Куралай кезді қарагым,
Болдың ба иріл жібегін?

Куралай кезді қарагым,
Қолына қардай бәтесті ал.
Қандай қызыл жібекпен
Ақ бәтескө өрнек сал.

Алтын Күн батып барады,
Алтын Күн ақырын өледі.
Сұрлы бүлгітар – сорлы жар,
Қан жылап Күнді комеді.

Күн өлді. Кек күніренді,
Жер жамылды қарасын.
Куралай кезді қарагым,
Кестенді қашан боласын?

Судай сұлу сәулеттай,
Бір қарашы, аңсадым.
Суда ойнаған шабактай
Сүйрәндейді саусағын.

Қабакқа қатар тізілген
Кірпік пе? Қара жібек пе?
Бір қарашы, қарагым,
У толды гой жүрекке!

Қалай батыл ойнайды.
Сүйрік саусақ бізбенен?
Нен кетеді, еркетай,
Өлтірсөң атып көзбенен?

Карана маган, қарагым,
Болсын көзің кергіште.
Қандай қызыл жібекпен
Ақ бәтесті кестеле!

Жер жарынан айрылып,
Жамылды қара басына.
Бота кезді, буранған бел,
Жіберші жақын қасына!

Қарангылық қалтады,
Қайғы ма басқан, түн бе екен?
Сыбыр-сыбыр элде не,
Жел ме?
Жүрген жын ба екен?

Қабагың шытпа, қарагым,
Жанына жақын келейін.
Қар бетіне қанменен
Не деп жаздың, – көрейін!

Тым жақындал бармаймын,
Жырақтан жарап кез салсам.
Не деп жаздың, қарагым?
«Ел үшін өл, ер болсан!»

Құралай кезді қарагым,
Жарылады-ау жас жүрек!
Көзіме кан толтырды,
Қар үстінде кан жібек.

«Ел үшін өл, ел үшін...» –
Өмірді аяп не етейін!
Сүйріктей сұлу саусағын,
Мен садаға кете йін!

Тұнерген түн өлеңі,
Ағарған анау таны ма?
Ақ бәтестің бетінде
Жүргегінің қаны ма?

«Ел үшін өл, ел үшін...» –
Өлесің, жүрек, дұрсілде!
Куралай кезді қарагым,
Кестеге қарал курсінбе!

Куралай кезді қарагым,
Аттанайын таңменен.
Ақ бәтес – ақ жалаум,
Кестеленген қанменен.

Кош бол енді, қарагым,
Мені есіңде алгайсын!
Енді бәтес бетіне:
«Иманды бол!» – деп жазгайсын.

Алтын күн шығып келеді,
Алтындаң көктің жиегін,
Куралай кезді қарагым,
Ире бер жібегін!

ЖЕЛАНИЕ

Пусть я сгорю, нет счастья мне,
Пусть всё вокруг горит в огне.

Страданье - соль земли.
С огнем проникнет в сердце моё,
Как сердца пламень сбережеть?
Как слезы мне не лить?

Забуду волю я в плену,
В тюрьме и жизнь я прохляну,
Горька страдальца роль.
Но в окружении врагов
Лелеять буду я любовь,
Разлуки вечной боль.

И боль, переполняя грудь,
Заставит горестно вздохнуть,
Сказать и «ох», и «ах».
Свободы призрак, что зовет
Тех, кто способен на полет,
Я воспою в стихах.

От грусти этой вихревой
Не возопит ли голос мой
По всей Сары-Арке?
И не дойдет ли песнь моя,
В себе всю нежность затая,
До той, кто ждет в тоске?

Пусть я сгорю, нет счастья мне,
Пусть всё вокруг горит в огне,
Страданье - соль земли.
В стихах себе скажу: «Вперед!»,
Стихами пробужу народ,
К чему мне слезы лить?

ТЛІЕГІМ

Көрмейін ракат, жанайын,
Жалын болсын маңайым,
Күйейін, азап шегейін.
Жансын денем, күш бітсін,
Күшті жалын ішке өтсін,
Ашы, ыстық жас төгейін.

Көрмейін ерік, тұтқын бол,
Абактыда жұтып от,
Өтсін емірім зарменен.
Берік бол жау қамаған,
Сарғаяйын санаған,
Көрісе алмай жарменен.
Іште толған қалың дерт,
Жүректегі жалынды өрт,
Зарлатар мәні сол уақыт.
Елестеген ерікті,
Ұшқыр жаңға серікті,
Жырлармын мен жанатыл.
Көрген сайын көл қысым,
Зарлы, ашы дауысым
Шырқырап Сарыарқада.
Өзегіне өттей ме,
Зарлы жырым жеттей ме
Карагыма – қалқама!

Көрмейін ракат, жанайын,
Жалын болсын маңайым,
Күйейін, азап шегейін.
Жырыммен жаным жубатам,
Жырыммен жұртымды оятам,
Несіне жастегейін?!

ПЕСНЬ ВОИНА

Рыси, мой милый Каракок,
Пусть чуб мой бьется на ветру!
В руке - копье, свидетель битв,
Он помнит жаркую пору!
Моя страна, я весь киплю,
Ты - мой огонь, а я - твой трут.
Да буду жертвою твоей
И в дикий холод, и в жару!
Не отступал перед врагом,
То помнит солнце поутру.
Бояться молнии не след,
Я вижу в ней свою сестру.
Теперь на все идти готов,
Со смертью я веду игру.
Рыси, мой милый Каракок,
Пусть чуб мой бьется на ветру!
Копье надгробье м станет мне,
Коль в схватке я за честь умру.
Свидетель подвигов моих,
Упрямый, мощный, верный друг!
Рыси, мой милый Каракок,
Пусть чуб мой бьется на ветру!

ЖАУЫНГЕР ЖЫРЫ

Желе бер, жаным Қаракөк,
Желкілде жел мен, айдарым!
Колымда наиза көк болат –
Ерлігіме айғагым.
Ел дегенде көпіріп,
Жарайсын, қаным, кайнадын,
Халқымнан мен садаға,
Бекіндім, басты байладым.
Көктегі кәрі Күн куэ –
Ежелден жаудан таймадым.
Коркыныш емес наражай,
Наражай – езім, жайнадым.
Білгенін енді істесін,
Өлімменен ойнадым.
Желе бер, жаным Қаракөк,
Желкілде желмен, айдарым.
Казам жетсе майданда,
Басымда наизам – сыйғагым.
Кайратты, кайтпас жан досым –
Ерлігіме айғагым.
Желе бер, жаным Қаракөк,
Желкілде желмен, айдарым!

МЕЧЕТЬ И ТЮРЬМА

Мальчик:

- Отец, родной мой, что за дом такой?
Такой надменный и такой большой?
Тот, кто взойдет на башню с длинной шеей,
Небесных тайн познает, верно, рой?

Отец, кто ходит в этот тихий дом?
Что за особа остается в нём?
И если с неба льются откровения,
Кому они назначены, о чём?

Отец:

- Мечетью этот дом большой зовут,
Как будто предков соблюдая путь,
Сюда идут, чтоб повалиться в прахе
Все воротили, в них такой есть суд.
За пять минут поклонов и вставаний
Хотят, распутны, Бога обмануть.
И музэзин, с утра поющий сладко,
Себе мечтает брюхо лишь раздуть.
Да, этот дом не Дом Небес, а рынок,
Где пред монетой звонкой все падут.

Мальчик:

- Отец, смотри, вон мрачный дом стоит,
Он неприступен и жесток на вид.
Окно черно, дверь словно ров могильный,
Кровь, что ль, на стенах и на тверди плит?

Отец:

- Есть юноша, его зовут «Мечта»,
Он весь из света, с песней на устах.
Его стихи всем дарят вдохновенье,
Жемчужны крылья и любовь чиста.

Его призванье - пробуждать стихами,
Его обитель там, где высота.

Не делит он людей на близких, дальних,
Для всех поет, летая и кружа.
Творец всего он и всего начало,
Им в плоти нашей рождена душа.

Дом этот скорби мир зовет тюрьмой,
Мир - дуб, а смертных я сравню с свиньей.
Злы, этот дом есть для мечты могила,
Иначе, склеп для пламенных душой.

Смотри, вон страж вышагивает как,
Сомкнул он брови, хмурясь, словно мрак.
Безумец, рад Мечту он караулить,
Ей уготовив острожной барак.

Но где Мечта? Она - творец чудес,
По-прежнему посланица небес.
В полете вечном, в души льет надежду,
Чтоб интерес в них к жизни не исчез.

Сей дом - тюрьма, любимица оков,
Насилия и мерзости покров.
Довольных, что Мечту в неволе держат,
Как не смеяться над толпой глупцов?..

МЕШІТ НӘМАБАҚТЫ

Бала:

Әкетай, мынау не үй үзын мойын,
Тым ірі, ұлық ұстал тұрған бойын?
Басына шыккан адам білер еді-ау,
Сырын айтпас қаракек көктің ойын.
Тыл-тыныш бұл үйге, әке, кім берады?
Тыныштықта қасиетті кім қалады?
Біктіе көк құніреніп сыр айтқанда,
Бақытты кім көзінен жас тамады?

Әке:

Бұл үйді мешіт дейді, құлыншағым,
Ерігіп, күған болып ата заңын,
Анда-санда домалап бармақ үшін
Салдырган өзіне арнал «жуан қарын».
Бес минут «жетып-тұрып» жуып алмақ
Былғанған бұзықтықлен үят-арын.
Шығатын жоғарыға молдасы да
Азанмен құттықтайды қарын таңын.
Бұл мешіт – көк үй смес, қарын үй,
Кергің келсе, барып көр мал базарын.

Бала:

Әкетай, анау не үй тусі суық,
Жаңына жібермейді жанды жуық?
Терезесі темірлі, көр – есігі,
Кабыргасын қойған ба қанмен жуыл?
Тас кима, темір қақта, шойын құлып,
Тым-тырыс, жалғыз-ақ жел тұр гой ұлып
Сасықта, каранғы да, аш һәм ауру,
Кім жатыр екен, әке, тірі өліп?

Әке:

Жиһанда бір жас жан бар Қиял аты,
Мәңгі ойнайтын, сөнбейтін сәуле заты.
Жаңға жан беретүғын тәтті жырлы,
Меруерттеген тізілген қос қанаты.
Ұшып жүріп, жырымен жанды ояту –
Жас Қиялдың ежелден бар мұраты.
Тірі жаңға жырламақ тәтті жырын,
Адамзаттың жоқ оған жақын-жаты.
Жиһанда бар нәрсені жаратқан сол,
Тәнді бар бір ғана – Қиял аты...

Анау үйді адамзат абақты дер,
Адам – доныз, еменнің тамырын жер.
Тәндісі, жан жары Қиялға арнал,
Сонау үйді салған ол: болсын деп көр.

Көремісің күзетшіні жүрген жарап,
Қабақ туіш, терезеге қойған қарап?
Есалан ғалданып жүр: «Қиялды ұстап,
Тарихтың танында деп, қойдым қамал!»

Есалан! Қиял қайда?.. Қиял кезбек,
Жиһанда ақ қанаттис ылғи жүзбек.
Жердегі жары – «жанды» жұбатуга,
Тоқтаусыз Көк үніненәндегер тізбек.

Балам, енді білдің ғой, ол – абақты,
Ашуменен түйіл түр ол қабақты.
«Қиялды ұстап, жалтым!» деп бос ғалданған
Ақымақ деп болмай ма адамзатты?!

КОЗЁЛ

Козел с козлиной бородой
Замекал как-то, горд собой,
Вскочил он на забор.
Ходил он важно, как петух,
Туда-сюда да стук-постук,
Беды не чуя взор.

И до того вдруг стал он горд,
Ему мешать стал небосвод.
Боднуть решил он, зол.
С отрыжкой мекнув на «врага»,
Он думал, что вонзил рога.
Упал во двор козел.

Стоял там грозный жеребец,
Не хуже, чем козел, гордец.
Не знающий седла.
Козел наш грохнулся пред ним
И пукнул, робостью томим.
Тут конь и пнул козла.

Что было делать жеребцу?
Копыт таких изведав стук,
Козлу ли ныне встать?
Козел с козлиной бородой
Всего за миг обрел покой,
Остался там лежать.

КӨК ТЕКЕ

Айыр сақал көк теке
Деді де бір: «Меке-ке!» –
Шыңты секіріп қорага.
Жүрді басып алашаңдал,
Карның керіл талғандап,
Қаза айдаса, бола ма?

Керді теке көкірек,
Көрінді оған жақын көк,
Сүзейін деп ойлады.
«Меке-ке!» – деп кекірді,
Тұқырып басын секірді,
Қора ішіне құлады.

Корада айғыр тұр еді,
Мінілмеген құр еді,
Жана ұсталған үйірден.
Текені көріп дурс еткен,
Бірденесі бырс еткен,
Тепті келіп бүйірден.

Қайтсін жануар күйген соң,
Тастай түяқ тиген соң,
Көк теке мал бола ма?
Айыр сақал көк теке,
Деді де бір: «Меке-ке!» –
Қалды сулап қорада.

М. ДУЛАТОВУ НА ВЫХОД ИЗ ТЮРЬМЫ

Какая радость - мрак ночной прошел,
Золотое утро всходит на престол.
Господь услышал горестный наш плач
И к нам на помощь в доброте пришел.

Свободы птица к нам вернулась вновь,
Ей удалось уйти от всех стрелков.
Взошло вновь Солнце в радостных лучах,
Спасибо Богу за его любовь.

Светила лик порой покроют тучи,
Но через миг разогнан рой летучий.
Так и джигит, он лишь крепчает в бедах,
Он как скакун, его камча не мучит.

К нам вновь лицом удача повернулась,
Пусть поздновато, но она вернулась.
Что ж, прошлое прошло, теперь в дорогу,
Быстры, сильны, нас не украдутить.

М. Д. АБАҚТЫДАН ШЫҚҚАНДА

Зор қуаныш қара түн өткеніне,
Алтын танды ашық күн жеткеніне.
Қан аралас төгілген көп кез жасты
Тәнірі қабыл, мейірім еткеніне;

Ерік құсы қайта ұшып келгендіне,
Душар болмай дүшпанның мергеніне.
Қайта шықты батқаң Күн, нұр шашылды,
Мың шүкірлік Тәнірінің бергеніне.

Күннін бетін ежелден бұлт жаппак,
Жапса да, ұзақ түрмай жөнін таппак,
Қайғы көрсө, ер жігіт қайраты аспақ,
Қамшы тисе, шын жүйрік үдегей шаппак.

Оңдан есті жел біраз қырын ескен,
Соң туса да, он туса, қалмас көштен.
Өткен іске – салазат, күтіл қалдық:
Өткір қимыл, ескі үміт, жана күшлен.

ПРОШЛОЕ – МИЛО

Каждый прошлое рад восхвалить,
Оно словно пора золотая.
Или это привычка любить
Невозвратное что-то, не знаю...

Старики лишь о прошлом твердят,
Они хвалят его, превозносят.
Новизна не чарует их взгляд,
На всё новое пыжатся косо.

Только в прошлом - всего образец:
И суда, и закона, и чести.
Там и ангелы сходят с небес,
И шаманов сбываются вести.

Все прошедшее дорого нам.
Так и мать, про покойного сына
Вспоминая, не верит глазам,
Что он умер, что нет его ныне.

Он как лучший из лучших, хоть мал,
И умен, и приветлив, и сладок.
Он в два года такое сказал,
Что секреты раскрыл всех загадок.

Новизне редко дарят почёт,
Пусть в былом нет ни правды, ни чуда,
То, что рядом, людей не влечет,
Только прошлое нравится людям.

ӨТКЕН – АЯУЛЫ

Откенді мактар эр адам,
Білмеймін, откен алтын ба?
Болмаса, мактау откенди
Адамзаттың салты ма?

Кариялар отырып,
Баяғыны мактайды.
Желкілдеген жас заман
Оларға тілпі-ақ жақтыйды.

Зан да болған соларда,
Тура, әділ, жақсы да,
Аспаннан пері түсірген
Ғайыпты болжар бақсы да.

«Откен артық» дер адам,
Шеше де өлгөн баласын
Аузынан, сөйлем, тастамас, –
Кез ішінде қарасын.

Қылықты да, тәтті де,
Ақылды да ол бала.
Екі жасар күнінде
Пәлен деген – ол дана.

Жалғаны жоқ, адамнан
Жаңаны мактар санзулы.
Не дұрыс шыгар, не теріс,
Әйтеуір откен – аяулы.

ЗАГАДКА

Дол золотой
Ветра игрой
В гул растворен.
Слышится гул,
Едет аул
Ветру вдогон.

Степь вечно спит,
Мальчик молчит.
Две немоты.
Тайна в них - та,
Что немота -
Суть масти.

Дол золотой
Ветра игрой
В гул растворен.
Мальчик и степь...
Кто из них слеп?
Кто из них - сон?

ЖҰМБАҚ

Сал-сары бел,
Еседі жел,
Еседі.
Еседі жел,
Көшеді ел,
Көшеді.

Дала бұйық,
Бала тұйық
Екі үнсіз.
Дала – жұмбак,
Бала – жұмбак
Шешусіз.

Сал-сары бел,
Еседі жел,
Жел есед.
Дала – жұмбак,
Бала – жұмбак,
Кім шешед?

ПОГОНЯЙ ЖЕ КОНЯ, САРСЕМБАЙ!

Погоняй же коня, Сарсембай!
Мы поедем в родимый мой край!
До зари мы уедем с тобой.
Погоняй же скорее коня,
Эх, достала учеба меня,
А так в город бы я - ни ногой!

Оглянись, у тебя позади
Он разлегся, как сумрачный див,
Это город - громада громад.
Он таится в тумане ночном,
Дышит дымом, угаром, огнем;
Его очи недобро блестят.

Столько шума в нем, гама, возни,
Столько всякой дурной болтовни,
Столько вони, что крикнешь «Ойбай!»
Так чего озираться назад,
Нам в аул бы скорее, мой брат,
Погоняй же коня, Сарсембай!

Женщин их ты ничем не проймешь,
Обожают измену и ложь,
Строят глазки на каждом шагу.
Бледнолицы, как немочки взвар,
С тусклым взглядом, забывшим про жар,
Их мужчины - на радость врагу.

Не найти в них горячих сердец
Иdeal их: скорее поесть, -
Кабаны, секачи-хрюкачи.

Дети ночи, им ночь лишь приют,
Лишь в вонючих коробках живут
И общаются только в ночи.
Небесами ты их не возьмешь,
Посмотри, сколько радостных звезд!
Вон Луна улыбается: «Ай».
Во мне город рождает лишь боль,
Быть в разлуке со степью доколь?
Погоняй же коня, Сарсембай!

Потянуло, что ли, ко сну?
Сарсембай, спой хоть песню одну,
Ту, которая нас встрепенет!
Скоро буду в родном я краю,
Где любивших меня я люблю,
Сердце, ну же, отправься в полет!

Сарапка, ты же - светоч души,
Ты - моя бескрайняя ширь,
Я всей грудью к тебе припаду.
Ветерок твой обнимет, как шелк,
Будет дорог мне каждый глоток
Из ключа, что течет на меду.

Не хочу озираться назад,
Мы вдали ли от города, брат?
Успокой же меня, дух придай!
Нам нельзя озираться назад,
Нам в аул бы скорее, мой брат,
Погоняй же коня, Сарсембай!

АЙДА АТЫНДЫ, СЭРСЕМБАЙ

Айда атынды, Сэрсембай,
Ағарып алтын таң аттай
Шығайық қырга, далаға.
Шу-шу-шу...
Әттең ғана бұл оку!
Келмес едім қалага.

Қараши кейін бүрүлып:
Таудай болып созылып
Қала – бір жатқан дәу пері.
Айналасы туман, түн.
Демалысы от, тутін.
Жарқ-жүркетер көздері.

Сөзі у-шу, ың да-жың,
Сасық ис ауыр тым.
Тұншықтым гой, күдай-ай!
Кейін қарап жетеміз?
Ауылға қашан жетеміз?
Айдашы атты, Сэрсембай!

Әйелдері үятсыз,
Күнде сүйгіш, тұраксыз.
Қылмындасар, керілер.
Жүздерінің қаны жоқ,
Көздерінің жаны жоқ,
Еркектері – «перілер».

Оларда отты жүрек жоқ,
Тамақтан басқа тілек жоқ.
Қорсылдаған «доныздар».
Түнбаласы перілер,
Жұмақтан артық көрінер
Оларға сасық үнгір тар.

Көкті көмес көр олар,
Караши, қанша жүддүз бар?
Күліл қана жүзеді ай
Қалаға келіп қанғырдым,
Сер даламды сағындым,
Айда атынды, Сәрсембай!

Әлде үйцын келе мә?
Сәрсембай-ау, сен неге
Шырқап бір эн салмайсың?
Жетесің тұган жерінے,
Еркелеткен елінے,
Жүргегім, неге жанбайсың?!

Сарыарқамның толырағы –
Менің жаным шырағы,
Кеудемді тәсеп жатамын.
Оның жібек желінің,
Тәтті, кәусар көлінің
Казір дәмін татамын.

Кайрылып кейін қараман.
Шықтық па ұзап қаладан,
Айтшы, жаным, ағаттай?
Кейін қарал нетеміз?
Ауылға қашан жетеміз?
Айдашы атты, Сәрсембай!

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Нет сил уже больше, повержено знамя побед,
Герои поникли от тысяч напастей и бед.
Их гордые души страдают теперь в кандалах,
Нет жара в крови, и сердцу, как прежде, не петь!

Какая досада - подрезаны крылья орла!
Могучий народ низведен к положенью вола.
Не помним теперь мы и родину предков - Алтай,
Батыров и ханов забыты святые дела!

Нет больше героев, страна кочеет в беде.
Не встретить теперь единенья и чести нигде.
О, предков язык, словно тень ты тех солнечных дней,
Тебе поклоняюсь я, как негасимой звезде!

Пускай ты в подполье, в себе ты богатство гаишь!
Ты - чистый, глубокий, раздольный и мощный, как клич!
Я верю: однажды разбредшихся, сирых детей,
Позвав, словно мать, ты в объятья свои заючишь.

ҚАЗАҚ ТІЛІ

Күш кеміді, айбынды ту құлады;
Кеше батыр – бүтін қорқақ, бұғады.
Ерікес ұмтылған ұшқыр жаңы кісендे,
Қан суынған, жүрек солғын соғады.

Қыран құстың қос қанаты қырқылды,
Күндей қүшті, күркіреген ел тынды.
Аскәр Алтай – алтын ана есте жоқ,
Батыр, хандар – асқан жандар ұмытылды!

Ерлік, елдік, бірлік, қайрат, бақ, ардын –
Жауыз тағдыр жойды бәрін не барды..
Алтын Күннен бағасыз бір белгі бол,
Нұрлы жұлдыз – бабам тілі, сен қалдың!

Жарық көрмей жатсан да үзак, кен-тілім,
Таза, терен, еткір, қүшті, кентілім.
Тарап кеткен балаларынды бауырына
Ақ колынмен тарта аларсың сен, тілім!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Чье это знамя горит, пламенея?
О, Азия - житель отрогов и скал,
По-прежнему грозен врагу твой оскал.
Того это знамя, кто биться умеет,
Кто счастье в борьбе лишь найдет.
Знать, казах, это знамя - твое!

Чье это знамя горит, опалия?
Того, кто огонь почитает Творцом,
Того, для кого он давно стал отцом!
Того, кто дороже святыни не знает!
Кто счастье в борьбе лишь найдет.
Знать, казах, это знамя - твое!

Чье это знамя горит, полыхая?
Того, кто в степи обескровлен вконец,
Кто к мести готовит свой меч-кладенец,
Того, кто покоя в походах не знает.
Кто счастье в борьбе лишь найдет.
Знать, казах, это знамя - твое!

Чье знамя в кровавых слезах сатанеет?
Того, чьи сыны превратились в рабов,
Того, в чьих мужинах выдохлась кровь,
Того, кто не плакать уже не умеет.
Кто счастье в борьбе лишь найдет.
Знать, казах, это знамя - твое!

Чье это знамя горят, не сгорая?
Того, кто обижен, сгорел раньше срока,
Того, кто обобран, страдает жестоко.
Того, кто от бедствий несчетных стенаст.
Кто счастье в борьбе лишь найдет.
Знать, казах, это знамя - твое!

Чье знамя свободы, как сердце, трепещет?
Того, кто не равен в богатстве со всеми,
Того, кто растоптан, унижен все время,
Того, чей удел не становится легче.
Кто счастье в борьбе лишь найдет.
Знать, казах, это знамя - твое!

ҚЫЗЫЛЖАЛАУ

– Жалынды жалау кімдік?
– Тұрагы тарғыл тас кия,
Арбандаган Азия –
Жалындей жалау сонық!
Ендеше, казақ, сенік!
– Қызыл шоқ жалау кімдік?
– Кім де кім: «Тәнірім – от», – десе,
«Басқа Тәнірім жою», – десе,
Қызыл шоқ жалау сонық!
Ендеше, казақ, сенік!
– Қызыл шоқ жалау кімдік?
– Кім де кім шиікі кан жұтса,
Кан аңсал жүріп шаң жұтса,
Қызыл кан жалау сонық!
Ендеше, казақ, сенік!
– Қанды жас жалау кімдік?
– Кімніңұлы құл болса,
Тұлымдысы тұл болса,
Қанды жас жалау сонық!
Ендеше, казақ, сенік!
– Өртөнген жалау кімдік?
– Кім өртөнген, гүлдемей,
Кім таланған, кім кедей,
Өртөнген жалау сонық!
Ендеше, казақ, сенік!
– Азаттық жалау кімдік?
– Кәре алмаса кім тендік,
Тепкі көрсө кім кемдік,
Азаттық жалау сонық!
Ендеше, казақ, сенік!

НА ВОЛГЕ

1

Пригород, словно прикорнув,
Овечкой съгнуто лежит.
Хвоистых сосен стройный ряд
К вершине, вверх стремясь, бежит.
Гольши, источенный водой,
Как курт, рябинками изрыт.
Игрица горная река,
Красотки нрав в теченье скрыт.
На мелководье деревца
Округлы, словно след копыт.

2

Днем волны бесятся, взыграв,
Их гонят яростный прибой.
А вечером они смирны,
Повсюду в них разлит покой.
Днем верблюжонка был в них пыл,
Брыкались, прыгали горой.
А вечером нисходит тишина
Закатной чудною порой.
Дневные волны так дерзки,
Влекут отваги красотой.
Бездонны вечером они,
Волнуют тайной разум мой.

3

Блестит и пенится ряд волн,
Усыпан жемчугом их путь.
Рождая грохот, шум и пlesк,
Как овцы с привязи, бегут.
Бушуют, бьются о скалу,

Вспенясь жемчужно под скалой.
Стоят, курчавы, деревца,
Понять не в силах стон ивой.
Смотря на волны, я стою,
В печали говоря с собой.
Где Саарка? Она - вдали,
Зачем я здесь и что со мной?

4

В былые дни гремел Едиль,
Здесь были сказочны леса.
Ногайцы жили в чаще их,
Аргынцев зная чудеса.
В те годы шесть больших племен
Сошлись, хоть Бог их разбросал.
Всё было общим: битвы, жизнь,
Забот единых полоса.
Понятно прошлое, оно
И гордость наша, и краса.
Теперь ногайцев не узнать,
Леса исчезли, как роса.

5

Как будто в россыпи гирлянд,
Едиль пестреет белизной.
Нет, это часок пестрота
Над величавою рекой.
Вон что-то воду золотит,
То лучик Солнца золотой.
Наш катер к берегу бежит,
А берег - в зелени густой.
Вон в дельте Астрахань лежит
Курчавой тучкой над землей.

Построен он Асан Кайғы,
Печальным самым из людей
Счастливых ханов обойду
Надгробья важные скорей.
Асана я приют найду
И помолюсь в душе своей.
И если скажет: «Будь как я!»,
Зачем искать других путей?
Пусть трон отдаст вам Жанибек,
Асаном стану в беге дней!

ЕДЛДЕ

I

Бұктетіліп жеткан бел
Сүтке тойған марқадай.
Бүйра қою қарагай –
Белгे біткен шалқалай
Су жеп қойған жұмыр тас –
Түйір-түйір малгадай.
Арнада езен қылықты –
Қылмандаган қалладай.
Тайызға біткен құба тал –
Мойындағы алқадай.
Жер еркесі жер мынау,
Шер қалар ма тарқамай?!

2

Түсте толқын еліріл,
Абыржып еді ойнақтай.
Кешке толқын тыл-тыныш,
Қабыржығая қаймақтай.
Түсте толқын тулап ед
Ойнақтаған тайлактай.
Кешке толқын тынып тұр
Коныр інір бейіуақтай.
Түскі толқын теп-тентек,
Бойлауық, кезсіз қайраттай.
Кешкі толқын тунғиық,
Тек коймас терен ойлаттай.

3

Тізілген толқын – меруерт
Бір-біріне тағылып,
Шұбырган толқын шуменен
Ағытқан қойдай ағылып.

Күніренген толсын долданып,
Көптріп жарға қагылып.
Жағада бүйра бала тал.
Таң болып тұр анырып.
Толқынга қарап мен тұрмын
Қоңыр оймен қамылып.
Сарыарқам кайда? Алыста!
Жүрмін мен мұнда нағылып?!

4

Ерте күнде Еділдің
Ергегі деген тогайын.
Дүлей тогай ішінде
Орманбеттің ногайын,
Арқада жатқан алты алаш
Ол күнде болған агайын.
Жорығы, жолы – бәрі ортақ,
Бірге де жеген уайым.
Откен айсын, ұғымды,
Мынаны не деп ұғайын:
Дүлей тогай тулданған,
Танып болмайд ногайын.

5

Ойнап тұрган оқадай,
Еділдің беті ақ ала!
«Ақ аласы не?» – десем:
Ыңғи шаңдан шагала.
Суды сүйген сары алтын
Сәуле гой сүйген бағана!
Кемеміз көлбеп келеді
Жібектей жасыл жағара.

Шөккен бүйра бүлттай
Астрахан жатыр сағада;
Көргөн соң оны ой көшті,
Ертедегі Асан ағара.

6

Асан Қайғы салдырған
Астраханға жетейін.
Қайғысыз хандар күмбезін
Әдейіт аттап кетейін.
Асанның тауып моласын
Соған тауап етейін,
Моласына түнейін,
Ақ батасын күтейін.
«Жолым кү!» – десе болғаны,
Басқа жолды не етейін?
Әз Жәнібек сендер бол,
Мен Асан болып етейін!

В ПРИВОЛЖЬЕ

1

Поездил по Приволжью я,
Но захотелось домой.
Казахов видел, бояков,
Чьи шеи давит скарб чужой.
И мозеро теперь, как луг,
Пасут тут рыбин над водой.
В селенье ходят к мужикам
За булкой, словно за едой.
По-русски только говорят,
А ведь у них язык есть свой.
Задуматься уже пора,
Тут не до смеха, дорогой.

2

В приволжском дивном том краю
Есть Байулы - известный род.
Не ездят здесь на скакунах,
На лодках мучится народ.
Не жеребцов здесь, а сомов
Острогой ловят целый год.
Жена и то вон как весло,
С нее загар уж не сойдет.
Вода и рыба - пища их,
Что ж, нищета имеет рот.
Боюсь, что скоро и всех нас,
Друзья, такая участь ждет.

3

В аул на лодке добрались
К закату где-то, вечерком.
Подплыв к лачуге, стали мы,
Спросили громко, чей тут дом.

На окрик вышел аксакал,
Вошли в дом вслед за стариком.
Севрюг с пяток нам поднесли,
Их, как овец, молитвой чтем.
Наевшись рыбы, мы легли
Слуной, пошедшей на излом.
«С луной легли» есть просто звук,
Стревогой, словно в горле ком.

4

Нас, бершай, приютил аул,
У речки свой раскинув стан.
С восходом - праздник «курбан-айт»,
Зарезан жертвенный баран.
Но вот юнцы наевшись вмах,
Святой забыли да старжан.
На голове у них - снопы,
Кисет на шее - «сталисман».
Вон вышли дружною гурьбой,
В село на свадьбу, ждет «братан».
И это все - народ родной?
И все, что видел, не обман?

5

Старик, привыкший есть ягнят,
В могилу с рыбой пусть сойдет.
Учтивый, праведный мулла
Пусть в рай свой милый попадет.
Казах, парнишка городской,
Пристал к кишкам уж твой живот.
И все же, прошу я, присмотри
За теми, кто вслед идет.
И если хочешь ты своих
Поднять на жизни небосвод,
Беги из города в аул,
Избавь аул свой от забот!

ЕДІЛДІҢ САҒАСЫНДА

I

Араладым біраз күн
Еділдің сага елкесін.
Қазақты көрдім қуарған
Жүк тасып, тескен желкесін.
Балық аулап бозарып,
Жайлау қылған кел төсін.
Селендейтін селенге
Мұжықтың андып бөлкесін.
Сез сейлесе, сабайтын
Орыстың: «совсем...» «толькесін.»
Ойланбаса мыныу күй
Келтірер кімнің күлкісін?!

2

Салалы соңау сағада
Біраз ел бар Байулы,
Жорғасы мен жүйрігі –
Калтышдаған қайығы.
Күрық салған күлшіні –
Тұлатып шашықсан жайыны.
Калағындай қайықтың
Сіріндеке кара зайдыбы!
Кара су, балық – корегі.
Жоқтыңстан жок-ау айбы;
Бұл күйтеге түспей құтылар
Казагының кай үлі?

3

Ауылға жеттік қайыкпен
Көюжиекке күн бата.
Бір лашыңтың тұсына
Тұра қалдық үн катта
«Қош келдің!» – деп қарсы алды
Ақсақалды бір ата.
Бес бекіресін сектіп,
Алып кеп деді: «Ақбата!»
Бекіресін жеп шүкір ғып,
Біз де жаттық айбата.
Айбата деген жай бір сез,
Жангә бір ауыр ойбата!

4

Бір ауыл беріш ішінде ек,
Конған езек бойына.
Күн шықты, құрбан мейрамы
Басталды құрбан сойыла.
Біраздан біткен бозбала,
Тойыпап құрбан қойына,
Шемеледей шаштары,
Күйектей кесет мойында:
Дүркіресіп жәнелді,
Селенге – Сергей тойына...
Елінің жайы осылай,
Келе ме еш зат ойында?

5

Бағлан жейтін қарт, мейлі,
Балық жеп кірсін көріне,
Аллашыл, айтшыл молдасы,
Шықсын-ақ жұмақтеріне,

Калада жүрген інішек,
Кайыс буган беліне –
Кез кырынды сала гөр,
Қазақтың қыршын төліне.
Мақсатың болса, шерлі елді
Шығару өмір еріне, –
Каш қаладан, қарагым,
Еліңе қайт, еліңе!

БРАТЬЯМ ИЗ СЫР-ДАРЬИ

Огню поклоны бил твой дед,
А ты земле свой шлешь привет.
Огонь есть Бог, и лишь в него
Твой верил дед, как в божество.
И что ж, он бегал от врагов?
Огонь и песнь спасли его.

Огонь и есть наш небосвод,
Лишь он всю землю обоймет.
Над ней нависнет он.
Любовь его - земля одна,
Могилой ждет его она,
Умрет, в нее влюблен.

Твой прадед масло лил в огонь,
Гнал бесов он со всех сторон.
И если дух его - алмаз -
Запятнан был или потух,
Он очищал ослабший дух
Огнем прекрасным, словно страсть.

О, Сыр, ты некогда царил,
Восстань же из своих могил.
Люби огонь, что дед любил.
Кто не скакал, не вздымет пыль,
Кто не скакал, не знает пыл,
Ты сам сгори, чтоб внук твой жил.

Огонь лишь Бог; ты верь в него,
Других не может быть богов.
Вот братьям с Сыра мой завет.
Ваш дух запятнан иль потух,
Очистить чтоб ослабший дух,
Вам лишь огонь даст жар и свет.

СЫРДАҒЫ АЛАШҚА

Аған отқа табынған,
Өзің бірге бағынған.
Тәнірін Оттан болұміт,
Аған – Отқа табынған.
Жан ба еді ол жауға жалынған?!
Сыр бола ма жыр мен От?

От дегенің аспан гой,
Аспан жерді басқан гой..
Теменге алып тенген ол.
Бір дегенің жер гой ол,
Жер дегенің – көр гой ол,
Көрді сүйген, өлген ол.

Аған отқа май салған,
Жан ба еді жынын тайсалған?
Жаһұт жалқан ажыдан
Жаның жасып кірлекен,
Отпен аспанға өрлекен,
Алады екен аластап...

Салық салған Сырдағы ел,
Көрге мулгіп болма кол,
Аған сүйген Отты сүй!
Шаппағанға шаң жұқлас,
Шаппағанға қан жұқлас.
Күйдірем десен, езің күй.

Отқа табын, Тәнір – От,
Оттан басқа Тәнірі жоқ,
Сәзім – Сырдағы алашқа:
Жаның жасып кірлекен,
Отпен аспанға өрлекен
Жанынды, алаш, аласта.

ВНУК И БАБУШКА

- Скажи, бабуся, что есть в выси?
Платок небес пестро так вышит.
Когда, смеясь, мигают звезды,
Луна-старуха крикнет: «Тише!»
Вон тучки, словно козы наши,
Когда пастух на привязь нижет,
Плынут, кучкуясь, друг за другом,
Как будто их спугнули свыше...

- Нельзя так, мальчик мой веселый,
Иди к мулле, пусть примет в школу.

- Послушай, что Лукбек сказал мне:
Земля мяча есть родич дальний.
Еще вдали, - сказал, - есть море,
В нем дна нет даже, - он сказал мне.
Еще сказал, что есть пустыня,
Где ждет песок везде ловально.
Ответь, бабусь, он прав иль врёт он,
Скорей ответь, мне знать охота.

- Я - тёмная, ответить мне ли,
Сходи к мулле ты на неделе.

- Бабусь, бабусь, прости за прыткость,
Скажи, а море густо, жидкo?
Сказали, есть гора далёко,
Грозит макушкой небушибко.
И что там бегает по склонам,
Сайгак иль, может, заяцхлипкий?
Скажи, медведь не выше будет
Быка, смотри, наш мощен бык-то?

- Брось, озорник мой развеселый,
Тебе об этом скажет школа!

НЕМЕРЕ МЕН ӘЖЕСІ

— Айтшы, әжетай, көк деген не?
Тенбіл-тәнбіл көктеген бе?
Жұлдыз көзін жымындағатса,
Ай-әжесі: «Тек!» —деген бе?
Бұлттар берте ешкідей дәл
Мана тізген көк көгөнге.
Қатар көкте шұбырып барад
Ағытып біреу «Шек!» —деген бе?

— Қой, құлыным, обал, обал,
Молда оқытар, мектепке бар.

— Әже-ау, біздің Лұкбек айтад:
«Жер — ойнайтын доп, — деп айтад. —
Тағы алыста те ніз де бар,
Тілті туби жок!» — деп айтад. —
«Шел деген бір жер бар — дейді, —
Ылғы қызыл шок!», — деп айтад.
Айтшы, әже, әже, әже!
Рас па сол? Айтсан қайтед?

— Мен білембे, мен бір надан,
Ертең сұра, бар, молдадан!

— Айтшы деймін, айтшы, әжекем,
Теңіз деген сүйық па екен?
Алыста есken тау бар дейді,
Басы кекке тиіп пе екен?
Тау жағындағы әлгі жүйрік
Қоян ба екен, киік пе екен?
Аю деген біздің мынау
Кек бұқадан биік пе екен?

— Тек! — деп ем гой, — тентек, тентек,
Мұны айтатын мектеп, мектеп!»

ЮНЕЦ

- Мой малычик славный, что ты киснешь,
Тебе грустить ли, мой ребенок?
Ты мал, не будь привязан к мысли,
Она - мираж, что не догонишь.
Придет сама, как повзрослеешь,
А детство - время не для стонов.
Пойди в табун, там изождался
Тебя твой резвый жеребенок!

- В табун идти мне неохота,
Пойду далёко, на охоту.

- Домбру взьми, раз так взгрустнулось,
Слой песню, чтобы встрепенулись
Красотки юные в округе.
Чтоб песнь твою они услышав,
От страсти жаркой захлебнулись.
Во всю щеку горит румянц,
С собой твой стан чинару манит.
Найди себе ты черноглазку,
Она тебе женою станет.

- Мне к черноглазке неохота,
Пойду далёко, на охоту.

- Я мать твоя, рожден ты мною,
Мой сын, ты счаствия достоин.
Зачем собрался в путь далекий,
Печалясь, стану я больною.
Я без тебя, мой светоч милый,
В тоску и грусть себя зарою.
Тебе не надо в путь далекий,
Позволь, тебя я успокою.

- Тебя печалить неохота,
Но все ж, пойду я на охоту.

Дано ли ветру не скитаться?
Он на охоту вышел, дерзок.
Ни скот, ни родич и ни дева
Того, кто дерзок, не удержат.
Пока он ехал, одинокий, -
Попался враг - жесток и мерзок.
В полете - копья, в рубке - сабли,
Упал юнец, в бою ослабнув.
Упал юнец в кровавой пене,
Нашла душа отдохновенье.

ҰЛАН

Нені ойлайсын, құлыншагым?
Не мұның бар, айт, қарагым!
Жассың, ойға әуес болма.
Ой жеткізбес, ол – бір сағым!
Ұлғаярсың, езі-ақ басар,
Жастың – күліп-ойнар шагың.
Ішін пысса – малды арала,
Жүр гой шауып құлыншагың!

– Жоқ, бармаймын, ала, малға,
Кетем алыс, шығам аңға!

Шерің болса, домбыранды ал
Домбыранды ал, эн шырқал сал,
Даусынды естіл, жас сұлупар
Талып жұтсын тәтті улы бал.
Беттерінен кан тамыш түр,
Тал қызығады бойына тал.
Неге ойлайсың, еркө марқам,
Бір кара кез болмай ма жар?

– Қарамаймын, ала, жарға,
Кетем алыс, шығам аңға!

– Сені тапсан мен анаң гой,
Карашибігім, сен балам гой!
Алыс жолға кетсен, қозым,
Күтіл, күйіл мен жанам гой.
Карт кунімде сенсің сөүлем,
Сагынып сені, сарғаям гой.
Мені дессен, еркетайым,
Кетпе алыска, қой, балам, қой!

— Ренжіме, ала, күтпе, жанба.
Кетем алыс, шығам аңға!..

Кетті алыска – шығып аңға!..
Жолаушылық, желгетаң ба?
Малың, жарың, туысқаның
Байлау болмас жүйрік жанга!
Кетіп бара жатқаныңда,
Жау кез келді жалғыз жанга.
Найзаласты, қылыштасты, –
Ұлан өлді батып қанға.
Ұлан өлді батып қанға,
Тыныш талғы асau жанда.

Я ВЕРИЮ ТЕМ, КТО ЮН!

Они, как львы, грозны,
Как тигр в броске, сильны,
В полете, как орлы,
Я верю тем, кто юн!

Огонь блестит в очах!
Есть сердца жар в речах!
Их честь для них как флаг!
Я верю тем, кто юн!

Люблю их, как орлят,
Что в небо лишь спешат!
Они лететь хотят!
Я верю тем, кто юн!

Сердца их так чисты!
Возвышенны мечты!
Их души как цветы!
Я верю тем, кто юн!

Горды своей страной,
Аркою золотой.
Они пойдут на бой!
Я верю тем, кто юн!

Они - «Алаш» сыны,
Ради своей страны
Готовы пасть они.
Я верю тем, кто юн!

Я верю тем, кто юн!
Величие страны
Они поднять должны!
Я верю тем, кто юн!

МЕН ЖАСТАРҒА СЕНЕМИН

Арыстандай айбатты,
Жолбарыстай қайратты –
Қырандай күшті канатты.
Мен жастарға сенемін!

Көздерінде от ойнар,
Сөздерінде жалын бар,
Жаннан қымбат оларға ар,
Мен жастарға сенемін!

Жас қырандар – балапан,
Жайып қанат ұмтылған.
Көзделегені кек аспаң,
Мен жастарға сенемін!

Жұмсақ мінез жібектер,
Сүттей таза жүректер,
Касиетті тілектер –
Мен жастарға сенемін!

Тау суындай гүрілдер,
Айбынды алаш елім дер,
Алтын Арқа жерім дер,
Мен жастарға сенемін!

Қажу бар ма тұлпарға,
Талу бар ма сұңқарға,
Иман күшті оларда,
Мен жастарға сенемін!..

Алаш – айбынды ұраны,
Қасиетті Кураны,
Алаштың олар құрбаны,
Мен жастарға сенемін!

Мен сенемін жастарға:
Алаш атын аспанға
Шығарар олар бір таңда,
Мен жастарға сенемін!

О, ГУЛЬСУМ!

О, Гульсум, чыи пленительны очи и речи медовы,
Пусть уж нам впечатления мира не новы,
Почему же волнуюсь при встрече я с Вами,
На безумства любые окунуться готовый.

О, Гульсум, чыи пленительны очи и речи с намеком,
Пусть смеется не солнце, Гульсум, - Ваше око.
Ах, Гульсум - это солнце, плывет себе в небе
И не знает, что кто-то тут страдает жестоко.

ГУЛСІМХАНЫМҒА

Бота кез, сиқырлы сез, Гүлсім ханым,
Әр жерде еткізек те өмір танын,
Кей уақыт кезіңізге кезім түссе,
Ойнайды аласурып неге жаным?!

Бота кез, сиқырлы сез, ханым Гүлсім,
Кектегі күн күлмесін, Гүлсім күлсін!
Гүлсім – Күн, көкте ақырын жүзе білед
Сүйдіріп, күйдіргенін қайдан білсін!

ГУЛЬСУМ

Из нежного ветра, что дует в райо,
Из лучших соцветий в родимом краю
Красивая женщина сотворена.
Но сослана в быт, не на время – навек,
Она – подневольный теперь человек,
Загублена этой судьбою она.
Прекрасной той женщины имя – Гульсум,
Она, как загадка, тревожит мой ум.

В райо есть родник, чья вода горяча,
Клубится вверх пар золотой из ключа,
И ангелы Богу осанну поют.
Из вод серебристых того родника,
Из шепота листьев на всех языках,
Из божьего света, вся нега, уют,
Из ангельской сути она рождена,
Лишь небо ее есть родная страна.

Алмазные крылья ее так чисты,
Страна ее – небо, обитель мечты,
Но землю увидев потопшой в крови,
Она, как кинжалом, была пронзена.
Увидела степь, что страданья полна,
Где люди, как волки, живут без любви.
Людей пожалела, на землю сошла,
Сошла и исчезла в обители зла.

Людей пожалела, на землю сошла,
Летала повсюду, блистали крыла.
Любила того, кто страданьем томим.
Смеялась, когда людям нужен был смех,
Делила и смерть, если все шли на смерть.
Она согревала дыханьем своим.
И, вытащив многих из пыли и ям,
Прошла по бедовым житейским морям.

Жемчужною пеной чаруя наш взор,
Обманом морской привлекает простор.
А бросишься в воду, пучина там ждет.
Жизнь - это море, где сверху волна,
А в глуби - пучина без края и дна.
Кто хочет в пучину - стать жертвою вод?
Пучина смеялась, она и вошла,
Войти не успев, в тот же миг умерла.

Она умерла, пролетали года,
Она умерла, нет от песен следа.
И, в сумраке сером блестая крылом,
Она пролетала над гречной землей,
Тоскуя о небе ночную порой,
С печалью песнею, что о былом.
Хоть крыльев был твердым все так же алмаз,
Горючие слезы струились из глаз.

Люблю я стихи, что волненья полны,
Меня восхищает сиянье луны.
Поэт я, наперсник возвышенных грез.
В опасное время, на гиблом пути,
Я шел, полагая, что нужно идти.
И, вечером как-то, в час неба без звезд
Я словно увидел зарю иль закат,
Души ее свету, увидев, был рад.

Был голос ее словно дивный хорал,
Лицо ее чистое nimб oзарял,
И слуху, и зренью в усладу дана,
Она покорила собою меня.
К ней я подошел, словно к снопу огня,
Сказал: «Уведи меня в небо, Луна!»
Она на меня не взглянула никак,
Мое юное сердце окуталось в мрак.

Сказала: «Я смерти заложник живой,
Оплакали ангелы смерти день мой!»
Взглянула на миг и исчезла, ушла.
Но свет этот райский, сиянья овал,
И голос прекрасный, в котором - печаль,
Остались со мною, как горстка тепла.
Пусть будут манить меня сотни чудес,
Навечно со мною теперь эта песнь.

Из ангельских песен, чарующих слух,
Из моря любви, возвышающей дух,
Красивая женщина сотворена.
Но сослана в быт, не на время - навек,
Она - подневольный теперь человек,
Загублена этой судьбою она.
Прекрасной той женщины имя - Гульсум,
Она, как загадка, тревожит мой ум.

ГҮЛСІМГЕ

Жұмактағы жібек желден,
Мәнгі жайрап тұрған гүлден
Жаратылған әйел сұлу!
Тұрмыс деген бір тұзақта,
Азға емес, тым ұзақта
Кез болыпты – ішілті у.
Әйел атын Гүлсімдейді,
Тұрмыс атын тылсым дейді.

Жұмактағы кәусар судан,
Бетіндегі алтын будан,
Періштелердің жырынан,
Жұмак суы сылдырынан,
Жалырағының сыбдырынан,
Тәнірінің дәл ез нұрынан
Жаратылған періште еді,
Мекені оның гарышта еді.

Алмас қанат періште еді,
Мекені оның гарышта еді,
Жерді көрді қанға батқан,
Журегине канжар кіріп,
Жапан түзде аңдай ұлып,
Елді көрді зарлап жатқан.
Елді көрді – жерге түсті,
Жерге түсті – көрге түсті.

Елді көрді – жерге түсті,
Қақты қанат, кезді, ұшты.
Кім зарласа, соны сүйді.
Күлгеннемен бірге күліп,
Өлгеннемен бірге еліп,
Күйтгеннемен бірге күйді.

Жабықданға жәрдем етті,
Қара да, ақ та теңіз етті.

Алдаң меруерт кебік шашар,
«Кел, – деп, – бері!», қойнын ашар,
Тұрмыс – теңіз бір тұнтыңқ.
Тенізге кім басар қадам,
Басса басар оған адам,
Жанын сатып, жанын қыл!
Тұрмыс – теңіз сылқ-сылқ күлді.
Сұлу суға кірді де өлді.

Өлді сулу – өтті жылдар,
Өлді сулу – бітті жырлар,
Жалғыз ерте кешкі танмен,
Қанды жерге кезін салып,
Кекті ойлаң күйіп-жанып,
Қоңырлатқан мұнды әнмен
Ұшады екен қанат қағып,
Кезінен ыстық жасы тамып.

Жан толқытар жыр іздеген,
Әдемілік нұр іздеген,
Қиял құлы – мен бір ақын.
Тұрмыста тар тайғақ жолға
Түсіп келе жатып зорға,
Күні кеше кешкі жақын
Батқан күниң танын көрдім,
Сол сұлудың жанын көрдім.

Күні кеше жанның жырын,
Жүзіндегі жұмак нұрын
Естіл, керіл, елжіредім.
Жан жүргегім, қолым беріп,
Қан аралас жасым тәғіп:
«Жолым баста, келші!» дедім.

Қайырылып та қарамады,
Жас жүргім жаралады...

«Мен бір жанмын өлгөн» – деді, –
«Перштегер көмгөн!» – деді.

Бір қарады, кете барды.
Жүзіндегі жұмақ нұры
Аузыңдағы мұнды жыры
Жүргіме сіңіп қалды.
Жүргімнен кетпес бұл жыр
Кұбылса да мынға өмір.

Перштегер лебізінен,
Шын махаббат теңізінен
Жаратылған әйел сұлу!
Тұрмыс деген бір тұзаққа,
Азға емес, тым ұзакқа
Кез болышты – ішілті у!
Әйел атын Гүлсім дейді,
Тұрмыс атын тылсым дейді...

ЛУНУ И ЗВЕЗДЫ В УКРАШЕНЬЯ ДАМ

Твой лик как Солнце, верить ли глазам?
Целуй, от страсти умереть – бальзам!
Как шелк в полете, ты приди ко мне,
Луну и звезды в украшенья дам.

Туманит разум слов твоих игра,
Мне морем стать бушующим пора.
Твой смех есть россыль жемчуга, мой свет,
На плоском диске, что из серебра.

Волнуясь, волосы волнуют сердце м'е,
Волнуясь, шло посланье я волне.
Любимая, вот сердце, вот стихи,
Даря их вместе, я люблю вдвойне!

Возьми стихами вышитый платок,
Мое дитя, ты – сладкий лепесток.
На мед, обычно, мухи все летят,
Платком взмахнув, их вызовешь отток.

Когда придешь, в полете словно шелк,
Из света дам на голову венок.
Из слез своих я жемчуг нанижу,
Не смейся, что без слез любить не мог.

Твой лик как Солнце, верить ли глазам?
Целуй, от страсти умереть – бальзам!
Как шелк в полете, ты приди ко мне,
Луну и звезды в украшенья дам.

ЖҰЛДЫЗДЫ – ЖҰЗІК, АЙДЫ АЛҚА ФЫП БЕРЕЙИН

Келші, көзім, күн бетінді көрейін,
Сүйші, сәулем, тұншығып мен өлейін.
Жет, жұлдызыым, жылжып қана жібектей,
Жұлдызды – жұзік, Айды алқа ғып берейін.

Сезің – сиқыр, есті тұман басқандай,
Ессіз жүрек дария болып тасқандай.
Күлкін, Күнім, күндей күміс табакқа
Мінсіз сұлу меруертті шашкандай.

Шашың – толқын, жүргімнің жарына
Соғылды да, батты улы зарыма.
Айнам, саған арнап жырлар жазамын,
Қаламымды малып жүрек қанына.

Жырларыммен кестелейін орамал,
Бұлдыргендей, бебектайым, бетің бал.
Балға талай шыбын қонуга үмтүлар,
үмтүлғанда орамалмен қағып қал.

Еркетайым, келсең егер қасыма,
Саулелерден шоқ қадар ем басына.
Кез жасынан меруерт тізіп берер ем,
Келші, күлмей кезден ақкан жасыма.

Келші, көзім, Күн нұрына көмейін,
Сүйші – өлейін, «неге өлейін?» демейін.
Жет, жұлдызыым, жылжып қана жібектей,
Жұлдызды – жұзік,
Айды алқа ғып берейін!

ШОЛПЫ

Звон-звон, перезвон...
Я звоном этим возбужден.
Как россыпь, что из серебра,
Стучится тонко в сердце он.

Звон-звон, перезвон...
В крови моей горит огонь.
Снаружи слышен, как вблизи,
За девушкой звучит вдогон.

Звон-звон, перезвон...
Берет звон сердце в свой полон.
Освачен пламенем, горю,
Войди же, ангел, звону в тон.

Звон-звон, перезвон...
Пропал теперь я, обречен.
Я тако от медовых слов,
Дай руку мне, губами тронь.

Звон-звон, перезвон...
Я звоном этим покорен.
Звон в тихий шепот перешел.
Звон-звон, перезвон...

ШОЛПЫ

Сылдыр, сылдыр, сылдыр...
Канымды қайнатты құрғыр.
Шық-шық жүрекке тиеді,
Күлпара талқан бол сынғыр!

Сылдыр, сылдыр, сылдыр...
Өзекті ертеді құрғыр.
Әдейі іргеден жүреді
Сұлу қыз саңадан солғыр!

Сылдыр, сылдыр, сылдыр...
Жүректі жандырды құрғыр.
Кеудені кернеді жалын,
Сәулем, періштем, тез кір!

Сылдыр, сылдыр, сылдыр...
Есімнен аудырды құрғыр.
Лебізіңнен еріп барамын,
Жаным-ай, жакында, қол бер!

Сылдыр, сылдыр, сылдыр...
Талдым, калды сүлдер.
Сыбырга айналды сылдыр,
Сылдыр, сылдыр, сылдыр...

ТЫ ГУРИИ РАЙСКОЙ МИЛЕЙ

Ты гурии райской милей,
Красивей ее, горячей
Объятья раскрой мне сильней.
Дай впиться мне в шею твою.
Ты - свечка, а я - мотылек,
Я - жертва, а ты - огонек,
Тебе нипочем коготок.
Приникну к тебе и сгорю.

ХОР СИПАТТЫ ҚАРЫНДАС

Хор сипатты қарындас,
Оттай сұлу, ыстық жас.
Күшақта да қойнынды аш,
Бұғақтан бір сүйейін!
Мен – кәбелек, сен – бір шам,
Өзі келген мен құрбан,
Шамга одан не зиян,
Сүйейіп де күйеңін!

ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?

Что есть любовь? Колочка, шип,
Вонзенный прямо в сердце.
Любовь есть рана для души,
Чья боль - причина бедствий.

Излечит быстро эту боль
Лишь поцелуй медовый.
Иначе ждет другая роль -
Ты истекаешь кровью.

Любовь - отрава, сладкий яд,
Пьянящий сердце разом.
Не привлечет ничто уж взгляд
И не пробудит разум.

Лишь пьешь и пьешь и слезы льешь,
И не проснешься даже.

МАХАББАТ НЕ?

Махаббат – бір тікенек,
Жүрекке барып қадалар.
Бақытсыз гой бұл жүрек,
Тамшылап одан қан ағар.

Тез жазылмақ бұл жара,
Бал тілімен сүйсө жар.
Сүймесе жүрек, дарига,
Өлер жүрек, қансырапар.

Махаббат – бір тәтті у,
Ішер жүрек, болар мас.
Дүниедегі у мен шу
Мас жүректі ояппас.

Махаббат – бір тәтті у,
Ішер жүрек, төгер жас!

СТРУИ ЧЕРНЫХ ВОЛОС

Струи черных волос,
Брови, в коих вопрос,
Лоб - окружной дугой.
Блеск горячих очей,
Кожа - снега белей...
После встречи с такой,
Страсть познав, словно смерть,
Можно и умереть,
Можно и на покой.

ТӨГІЛГЕН ШАШЫ

Төгілген шашы,
Күйлған қасы,
Керілген мандай да.
Тістері – меруерт;
Бейне кар – мамық ет;
Кез келсен мұндаға.
Жалындал күйіп,
Бір ғана сүйіп,
Өлсөң де болмай ма?

Г...

Не радуя солнца игрой,
Не теша цветов красотой,
Прошло ты, лето, скорей.
Увяли деревья, цветы,
Озера, усохнув, пусты.
Не слышно даже гусей.

Ты - диво меж явью и сном,
Мне встретилась в круге земном.
Сгораю от страсти теперь.
Была ты гостьей с небес,
Я жаждал, чтоб сон не исчез,
Но в небо закрылась мне дверь.

Г... ГЕ

Күніңмен алтын куантпай,
Гуліңмен жібек жұбатпай
Жеттіде тез еттің, жаз.
Ағаш, шептер қуарған,
Айдын да құрып суалған.
Канкылдар қайда қоңыр қаз?
Өң мен түстей перизат,
Көріндіде, болдың жат,
Жандырдың, міне, жанымды.
Қараган көктен хор едің,
Кәбірек көрсем деп едім,
Көк есігі жабылды..

ПРОЩАЛЬНОЕ

Моя любовь отравою была,
Зачем меня любила, не гнала?
Зачем и сам не думал я уйти,
Зачем в любви сгорели мы дотла?!

Меня любя, не видела других.
А я не видел горьких слез твоих.
В них чувств чистейших были жемчуга,
Зачем не умер в жертву я за них?!

Я знал: сегодня бросишь ты меня,
Уйдешь по Волге, волн сребро гоня.
О, ангел мой, я полуброшен здесь;
Отринула, сумей и жизнь отнять.

Ну, все, прощай, в знак дружбы руку дай;
Моя рука дрожит, не замечай.
О, Гуль... нет силы дописать стихи,
С горчащим сердцем вывожу: «Прощай!»

АЙРЫЛҒАНДА

Бір жыл болды сені сүйдім, уладым,
Бауырыңа алдың, неге мені кумадың?
Ессізбін мен: айрылуды ерте ойлаң,
Қанды жаслен көзім неге жумадым?!

Сүйдің мені, басқа жанды көрмедин,
Жасың тәктің, қадірінді білмедин.
Мелдіреген шыны меруерг жасынан
Салага бол сорлы неге өлмедин?!

Білдім: бүтін мені тастал кетесің,
Күмсіс кебік Ақ Еділден етесің.
Бота көзім, өлтіріп кет қолынан!
Тірі тастал кетіп мені нетесің?!

Көрісінше қош бол енді, бер қолды...
Қалттырайсың, қолым, саған не болды?..
Жазуға енді, Гүлім, халім қалмады...
Кезіме жас, жүргімс у толды...

БЕЗ ЦВЕТКА

Без цветка в гуле дней
Замолчал соловей.
Он стал так... - серый птах, стал нелеп.
Жизнь в молчанье - тоска,
Печь, где нет уголька.
А без пламени сердце как склеп.

БОЛСА ГУЛСІЗ...

Болса гүлсіз,
Бұлбұл үнсіз,
Үнсіз бұлбұл - бір сұр құс.
Үнсіз әмір
Сөнген көмір,
Отсыз жүрек - бос қуыс.

Я - ПОЭТ

Я – поэт, я, как поток,
Теку, в себя влюбляя.
Я – поэт, огня приток,
Я неба достигаю.

Черноглазка, прячь свой взор,
Не требуй поцелуя.
Увлечет тебя напор,
Лаская и милую.

Я – поэт, я – ветерок,
Я весь – полет, стихия.
Я – игривый мотылек,
Люблю цветы любые.

Не печаль свой ясный лик,
Нет ветру в сердце места.
Соблазна полн его язык,
Лишь степь – его невеста.

Я – поэт, в стихах горяч,
Когда я вдохновенен.
Я – поэт, мой горек плач
В печальный день осенний.

Не дари мне этот взгляд,
Не обнимай, не надо.
Не целуй меня, мой яд
Отравит твою радость.

Пойми, с тобой меня уж нет,
Мне даже мир весь тесен.
Я – лишь ветреный поэт,
Источник слез и песен.

ЖАС СҰЛУҒА

Мен ақынын – ағынын,
Сылдыраймын, сүйемін.
Мен ақынын – жалынын,
Шалшып көкке тиесін.

Қаракат кезің мәлдіреп,
Көп қарама, жас сұлу.
Сылдырап сипап, сүйген боп,
Алып кетер ағын су.

Алма ернің елбірел,
«Сүйші, сүй» деп жалынба!
Отты ойынши, дос біліп,
Жақындама жалынға!

Мен ақынын – жел жүйрік,
Гүлдеймін, ұшамын.
Мен – ойынши кебелек,
Көрінген гуллі құшамын.

Бұлдірген бетің сұрланып,
Желге сенбе, жас бала!
Сыбырлар, кетер ұрланып,
Шын жары оның – сар дала.

Кебелекке «кел!» деме,
(Елжіреу сонша не керек?).
Кетер ұшып өнгеге,
Балыңдан татса кебелек.

Мен ақынын, жырлаймын,
Жүрекке жүйрік жел кірсе.
Мен ақынын, жылаймын,
Жүрекке ауыр шер кірсе.

Жанышларсың, жыларсың,
Күшактама белімнен,
Жас денегіңді улармың,
Сүйгізбеші тілінен.

Жас періштем, сұлу қыз,
Сүйимеші, сүйме, сүрәймын!
Мен ақынының тұрлаусыз,
Жырлаймын да, жылаймын!

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Он и она и не виделись долго,
И ждали в тоске столько дней.
Однажды вдруг встретились ночью промозглой,
Счастливей нельзя быть, пьяней.

Бросая друг другу счастливые взгляды,
В молчанье читают по ним о любви.
«Ты рад, - она спросит, и скажет: «Я рада!»
И снова молчат, лишь волненье в крови.

Сойдясь в поцелуе, протяжном и сладком,
Пьют радость и негу, к друг другу припав.
Смеживши ресницы, играются в прятки,
А в воздухе запах цветов или трав.

Дыханье горячее, в миг опалая,
Им лица, и губы, и кожу ожгио.
И было так близко до самого края,
Но их пробудило от страсти тепло.

Проснулись, но нет продолжения дальше,
Нет милого рядом и милой с ним нет.
Во сне целовал их солнечный зайчик,
Надеясь свести их хотя бы во сне.

Зевнув, потянувшись, с досады красотка
Сказала: «Пригрело. Наверно, к весне»,
И снова заснула уютно и кротко,
И больше не видела страсти во сне.

Проснулся в тюрьме и джигит наш знакомый,
Он горько вздохнул, улыбнулся потом.
Ему солнечный зайчик напомнил о доме,
А также о той, что забыла о нём...

СӘУЛЕ

Көріс алмай зарығып,
Саргайыскан еік жас.
Әлдекалай кездесіп,
Көріседі – көніл мас.

Мәлдіресіп кездері
Бір-біріне қарайды.
Қысқа болды сөздері
Жылы у бойға тарайды.

Ауызга ауыз тиісті –
Денелері балқыды.
Тілден тәтті сүйісті –
Жүрек жанды, шалқыды.

Ыстық лебіз, сүйгенде,
Ортегендей жүздерін,
Енді дене күйгенде
Алты екеуі кездерін.

Оянғанда адам жоқ,
Тұс алдайтын жау ма екен!
Бір-бірін түсте сүйін деп,
Ойнап сүйген сәуле екен.

Есінеп, бір керіліп,
Кайта тагы жұмып көз:
«Үйқымды сәуле бұздың!» деп,
Жатты жамылып сұлу қыз.

Абақтыда оянып,
Жігіт «Yh» деп дем алды.
Көрген түске жұбанып,
Сәулеге алтын қуанды.

ЛЮБИЛ Я В ТОТ МОМЕНТ

К тебе я как-то подошел,
Тебя красивой я нашел.

«Люблю тебя, ты как из грез,
Сгорает сердце, жар в крови,
Ты верь, люблю, и в знак любви
Беру в свидетели я звезд!»

За пояс я тебя схватил,
Мой поцелуй тебя пронзил.

Дрожа, волнуясь, ты стоишь.
Ко мне ты близко подошла,
А подойдя, ты не ушла,
Вошла в объятия мои.

В глазах твоих такой был свет,
Ты не могла сказать мне: «Нет!»
Нам стало страсть не побороть.
В какой-то миг, сойдя с ума,
Ты прошептала: «Я сама!»
И мы слились к плоти плоть.

Но путник я, мне нужно в путь,
Скакун успел уж отдохнуть,
Чего же сиднем мне сидеть?
Я ветром был, я полетел,
Я многих полюбить успел,
А вот тебя забыл, мой свет.

Меня сегодня увидав,
Ты подошла и, руку взяв,
Сукором смотришь на меня.
И говоришь: «Ты не любил,
Зачем меня ты поманил,
Ты обманул меня, маня».

«Ах нет, тебя я не манил,
Тебя я в тот момент любил,
Поверь мне, дева, что из грез.
Клянусь, я в том тебе не вру,
Любил тебя я в ту пору,
То подтвердят вон сонмы звезд!»

СҮЙГЕННІМ АНЫҚ

Көрдім де келдім,
Қолымды бердім:
«Сүйем сені, сұлу қыз.
Жүргегім жаңып,
Сүоіманық,
Куә болсын көп жүлдyz!» –

Дедімде, тілден,
Күшактап белден,
Қысып сүйе бастадым.
Жақындай бердің,
Қойныма кірдің,
«Кет!» демедің, қашпадын.

«Сүйем!» бол сезің,
Мәлдіреп көзің,
Тақадың сен бетке бет:
Айрылдың естен,
Күндізгі күштен,
Тиіп ыстық етке ет...

ұшуға інкәр
Тұра ма туулар,
Бір жerde ылғи шаңжұтып?!

Жел едім, ұштым,
Талайды құштым,
Кетіппін сені ұмытып.

Бұтін сен көріп,
Қолынды беріп,
Қайғыменен қарайсың:
«Сендім мен жазған,
Сүйенің жалған,
Алдадың!» – деп жылайсын.

Алдаганым жок,
Арбаганым жок,
Сен сезімс, сұлу қыз!
Тап сол сағат
Сүйгепінім жақ,
Күэ мынау көп жүлдіз!

ОТРЕЗВЛЕНИЕ

Я легкомыслен, легко мыслил,
Без чувств, без мыслей, как осел.
Как мотылек, летал без зрея,
Везде и всюду новосел.

О, юность, ты есть опьяненье,
Ты вся загадка и кульбит.
Ты неживую, словно кукла,
Как мог когда-то я любить?!

ЕС КІРГЕН СОН

Бұртан-бұртан, жыртан-жыртан
Ой, сезім жоқ көк есек,
Бұка мойын, тұтам бойын
Көрмеген мен – кәбелек.

Шіркін жастық, ессіз мастық,
Не айла бар, бетім-ау:
Жаңсыз жанды, сол соңқанды,
Соны да сүйдім дедім-ау!

ОБМАНУТАЯ КРАСАВИЦА

Еще вчера сияла ты полною луной,
Взгляд черных глаз всех поражал игрою колдовской.
Была ты белокожа, как тололиный пух,
Казалось, виноградной вьешься ты лозой.

В поре своей невинной была ты так чиста,
Дарили исцеленье слова в твоих устах,
Следам пророка были подобны и следы,
Была в них та же святость и та же высота.

Но ныне и в помине нет красоты былой,
Маральей самкой смотришь, что сражена стрелой.
Ты очень сожалеешь, сгораешь от обид,
Поддавшись жаркой страсти, беспутной и хмельной.

Была уловкой лисьей соблазнена ты в миг,
Забыла ты о завтра, впадать не стала в крик.
Ни чести нет отныне, увяла и краса,
Теперь в беде ты вечной, покрыт позором лик.

Теперь тебя в народе распутницей зовут,
Никто с тобой не хочет пройти совместно путь.
Не плакать ты не в силах, ты вся ушла в свой плач,
Как будто можно плачем красу и честь вернуть.

АЛДАНГАН СҰЛУ

Күні кеше толғанай жүзің еді,
Сиқырлы қара нәркес көзің еді.
Мал-майда мамық қардай мінсіз денен,
Бейне бір бакшадагы жүзім еді.

Жел тимей, кірсіз тұрган кезің еді,
Жандыға жақсы дәру сезін еді.
Басып кеткен пайтамбар іздеріндей,
Қадірлі аяқ басқан ізің еді.

Ал бүтін ол көріктің бәрі де жоқ,
Ақмарал, аяғына дәл тиген оқ.
Өкіндің, жастық, мастық ісің әтті,
Аһ үрдің, сыртың – жалын, ішінде – шоқ.

Тіліне ку тулкінің тез алдандың,
Ойламай таңдағыны, тез күп алдың.
Тап-таза ат, көркем көрік – бәрі кетіп,
Өміріңшे құтыла алмас отта қалдың.

Таралды жұрт аузына жаман атың,
«Бұзылған!» дейді енді жақын, жатын.
Ызылдарап ол да, бул да сол сезді айттар,
Жастекпей нағып сонда шыдар дәтін?!

НА ЗИМНЕЙ ДОРОГЕ

Я в бескрайней степи понукаю коня,
Одного, без друзей, ночь застала меня.
Завывает буран, гонюшится метель,
Жидкий снег превратил всю дорогу в кисель.
Конь поводит ушами, знать, видно, невмочь,
Беспокоит его эта темная ночь.
Разгребая свой путь, он рысит и рысит.

Взбеленилась метель, дует ветер дурной,
То он ангельски тих, то он бешено-злой.
То фырчит, то свистит, то завоет, как зверь,
То хохочет, смеясь, то молчит, изувер.
Снег же бьет мне в лицо, хлесток, словно из сит.

А буран прихотлив - то замедлит свой бег,
То клонится к земле и целует там снег.
А то, грусть напустив, очень скорбен лицом,
Что-то шепчет себе, как растерянный гном.
Снег вокруг для него, словно саван... И хмель
Позабыв, «Отходнюю» читает метель.

Ух, крепчает буран, начинает душить,
Еду я одинок, нет нигде ни души.
В тело холод проник, стало жутко от дум.
Я, возможно, не тою дорогой иду?
Сердце бьется мое от тревоги такой,
И виденья проходят немой чередой,
И мне кажется, верно, ужасен мой вид.

Пред бураном таким стал бессилен и Бог,
Уж не видно пуги, мрак - конец всех дорог.
И ни проблеска света, мрак сплошной, словно ил,
Каракок, бедный конь мой, уж явно без сил.
Заблудившись в степи, в хладный саван одет,
Может, в этой степи я найду свою смерть.
И умру я в степи, снежным саваном скрыт.

ҚЫСҚЫ ЖОЛДА

Каранты түн, сар дала,
Көрінбейді айнала.
Боран соғып тұр борап,
Жолды басқан күр сорап.
Астымдағы жануар
Құлагын қайшыландырып,
Зорға борт-борт желеді.

Ызгарлы жел долданып,
Екі иинен дем алып,
Ішін тартып осқырып,
Кейде қатты ысқырып,
Андай ұлып бір мезгіл,
Екі санын шалақтап,
Біресе сақ-сақ күледі.

Кейде кенет бауулал,
Жер бауырлап жаяулал,
Аузы-басы жыбырлап
Асып-сасып сыйырлап,
Жерді жапқан кебінді,
Сүйіп ақырын күшактап,
«Әпсүн» оқып үреді.

Барады үдең бұл боран,
Жанымда жок тірі жан.
Тоназыды деңемде,
Адаслай дұрыс көлем бе?
Корқып жүрек ойнайды,
Кез алдыма елестеп,
Элденелер келеді.

Боранын Тәнір ашылады,
Жол білінбей бастады.
Көрінген бір жирық жок
Босаңсиды Каракек...
Сардалада адасып,
Сұңқа кебін жамылып
Калармын, кім біледі.

НА ЛЕТНЕЙ ДОРОГЕ

Иду по бескрайней степи, одинок.
Я – черная точка, вокруг лишь – песок.
И нет никого, я – единственный путник.
Ни друга со мною, кто шел бы за мной,
Лишь я и земля, небосвод голубой.
Готов я заплакать в песках бесприютных.

Июльское солнце гнетет здесь мой дух,
А степь, словно труп, и низвука вокруг.
Земля и сама задыхается в зное.
Лишь вьется дорога, змеюю стелясь,
Лишь пыль, оседая, здесь грудится в взъ.
И душно в безветрии, полном покоя.

На небе ни тучки нет, ни – облачка,
Багрянцем окрашено небо слегка.
Вокруг погрузилось все в некую тайну.
Вот кто-то как будто вздохнул, застонал...
Иль демоном вдруг овладела печаль...
Иль ведьмы гуляют, безудержны крайне?

Там сопки уснули тягучей грядой,
Там озеро светится дивной дугой.
И сон ее мирный так сладок, покон.
В воде отражаясь, как в зеркале, весь
В своей наготе, без всяких завес
Камыш, ветерочка колеблем игрою.

Прибой загудел, всюду только шум волн,
Пошли миражи вдруг с разных сторон –
То озеро зыбится, город иль туча?
Иль войско в доспехах блестящих, как лед,
В поход на кого-то державно идет,
Из копий щетинясь покровом летучим?

Земля исстрадалась в надежде, что дождь
Из тучки, что праздна, полет на «авось».

Закатное солнце смеется далече.

Цветы обожая – красавиц степных,

Вниманье своим покоряет он их,

Целую с небес, опаляет навечно.

Вокруг только смерть, и ни звука окрест,
Один я в степи всей, один я, как крест.

Чего же не видно русалок из сказки?

Чего ж не смеются они, хохоча,

Златыми власами меня щекочая,

Нагие русалочки-голубоглазки?

Чего же они все таятся кругом,
Смеются и шепчутся, ходят малчиком,

И крутят свои вокруг меня хороводы?

Им трудно ли выгнуться гибким бедром,

Прижаться, ласкаясь, всем естеством,

И дать мне, целую, пьянеть от свободы?

Лишь вьется дорога, змеюстелясь,

Лишь пыль, оседая, здесь грудится в вязь,

И душно в безветрии, полном предчувствий.

Владая в беспамятство, пленник тоски,

Слезами тоски ороша пески.

Я рад здесь скорей умереть от удушья.

ЖАЗФЫ ЖОЛДА

Дала. Дала. Сар дала!
Жаплан түзде бір қара –
Келем жалғыз, жаяумын.
Жаным арген жолдас жок,
Төрт жағым дала – жер де көк.
Жылауға да таяумын.

Шілде. Оттай ыстық күн,
Дала – өлік. Жоқ бір үн.
Жер де жетыр тұншығып.
Жол жыландаій ірілген,
Шаң ерініл, үйрілген.
Ешбір леп жоқ, тып-тымық.

Көктеге жалғыз бұлт жоқ,
Кектің туңсыз кызылт кек.
Дүниені тылсым билеген.
Ыңыранғандай әлде кім,
Жылай ма екен әлде жын?
Перілер ме күйлекен?

Созылып үйіктап бел жатыр,
Тесін керіп кел жатыр,
Тыныш тәтті түс көріп.
Суга – айнаға қаранып,
Салқынша лепшен таранып,
Қамыс та түр тербеліп.

Толқынға толды төрт жағым,
Әлде жүзген бұл сағым
Көл ме? Көшкен шаһар ма?
Мұз көк темір киініл,
Найзасын көктеге үйріп,
Әскер жауға шабар ма?

Ақ бүлттар тұр жусап,
Күніренеді жер сусап,
Алыстан ақырын Күн күлер.
Кызыл жұзді гүлдерді,
Бурандаған белдерді
Сүйемін деп күйдір.

Айнала – елім, ешбір үн...
Жапан түзде жалғызыны.
Перісі неге келмейді?..
Денесі алпақ жаланаң,
Кекпенбек көз, сары шаш
Сақ-сақ неге күлмейді?

Сыбыр-сыбыр жүргендей,
Сылк-сылқана күлгендей,
Көрінбей неге билейді?!
Жібектей жетпіс оралып,
Жыландай жүзге буралып,
Бетімнен неге сүймейді?!

Жол жыландай ірілген,
Шаңерініп үйірілген,
Ешбір леп жоқ, тыл-тымық.
Аңсалесім жия алмай,
Кезімнің жасын тыя алмай,
Өлсемекен тұншығын!

МЕНЯ ТОЖЕ, О, СМЕРТЬ, УПОКОЙ!

Нет сил моих больше, устал я вконец,
Клубятся и тучи, что цветом в свинец,
И ветер лениво нам взвоет о том,
Что кто-то вот умер: как жизнь коротка,
Мы также все бренны, как те облака...
О, ветер, не надо жалеть ни о ком.
Прошу, успокойся, и плач свойуйми,
Ведь смерть – это радость, ты это пойми.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Одна на опушке, дрожа на ветру,
Росла молодая березка в бору.
Ее донимал только ветра напор.
Вся в листьях, как в серыгах, звеня, шелестя,
Пленяла собою она, как дитя.
Так что опечалить могло ее взор?
Упала березка однажды вповал,
Один только ветер над нею рыдал.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Подняв над собою трепещущий флаг,
С клинком, от которого в ужасе враг,
Напором, подобный разливу реки,
Юнец черноглазый, насуплен и хмур,
С врагами сражался, чтоб выбить в них дурь.
И в битве со звоном встречались клинки.
Погиб тот юнец, хоть возрастом мал,
Над ним только ветер молитву читал.

Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Убогая степь, всюду пустошь одна,
В убогой степи только тропка видна.
Там путник идет по тропе, одинок.
Идет день и ночь, ему важно дойти,
Вся обувь истлела на этом пути.
И вот, наконец, зашел вдруг восток.
Но путник наш умер, хоть близок был дом,
Занес его ветер прохладным песком.

Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

С румянцем на щечках, что очень к лицу,
С чутвию речью, ласкающей слух,
С кудрями, что выются лозой смоляной.
А смех ее звонкий, как жемчуг вразброс,
Она как цветочек, что только пророс,
Пятнадцать ей лет стало этой весной.
Она в тишине пролила столько слез,
Уйти ей из жизни в печали пришлось.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Ребенок лопотущий, ангел земной,
Он всех рассмешил, такой милый, смешной.
О чем-то толкует, что нам невдомек.
Он крохотней ягод, нежней тростника,
О горечи жизни не знает лока.
Источник надежды, любви родничок.
Но спазили, видно, не стало мальца,
Лишь ветер госкует о нем без конца.

Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Волнуется озеро в дальней дали,
Жемчужные волны на катом пошли.
На дне этих волн, не поймешь толком где,
Воздвигнуты юрты – числом шестьдесят,
Завесы из шелка сверкают, блестят.
А там, за завесой, в прозрачной воде,
Волнистые волосы в юртах видны,
С нагими телами повсюду они.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Отрада для глаз, удалой мальчуган,
Любовью родительской он осиян.
Спустился наш мальчик на самое дно.
Пошел он по юртам, к красавицам тем,
Он их обнимал... да и умер затем.
И ветер об этом от волн лишь узнал,
А скорбь поглотила бескрайняя даль.
Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Идя с мальчуганом сквозь чистый поток,
Возьму я красавицу под локоток.
С юнцом удалым навсегда подружусь.
Сквозь волны шагая с березкой младой,
Мальца приласкаю с отцовской тоской,
И с путником я разделю его грусть.
Пусть тоже умру я скорей, как они,
Не стану жалеть свои юные дни.
Душа моя млеет от блажи такой!

Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Возьми на колени меня как мальца,
Целуй меня сладко, целуй без конца.
Приди же, о, смерть, прошу, поскорей.
Вот замерло сердце, лежу не дыша,
Взлетать перестала бунтарка-душа,
А некогда не было духа бодрей.
Возьми на колени меня и целуй,
Баюкая волнами, шепотом струй.
Душа моя илеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

МЕНИ ДЕ, ӨЛІМ, ӘЛДИЛЕ

Кажыдым енді, күш бітті,
Көнілсіз, салқын, күн бұлтты,
Жел бұйырып тербелген,
Әлдеқімнің әлгениң,
Оны қалай көмгениң,
Әңгіме ғып күніренген.
Жел, күніренбей, жасынтый,
Өлім күйі – тәтті күй.
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Қара орманның шетінде,
Нағыз желдің өтінде
Өскен жалғыз жас қайын
Былқ-сылқетіп билеген,
Сылдыр-сылдыр күйлеген,
Болсын онда не уайым?
Сол жас қайың құлапты,
Жанында жел жылапты.
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле..
Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Колына ала ту алып,
Қылышын канга суарып,
Тау суында жасынан.
Карақат кезін қан жауып,
Кабагынан қар жауып,
Ойын салған жас үлан –
Майданды үлан қайтыпты,
Жел иманын айтыпты...
Балқиды жаным бұл күйге.

Мені де, өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Әлдекайда бетпақ шел,
Бетпақ шелде жалғыз жол,
Сол жолменен жалғыз жан
Түн бойы талмай журілті,
Табанын тастар тішілті,
Келгенде атып алтын таң
Сорлы шелде өлілті,
Жел күмменен көмілті.
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Бетінен алма қан тамған,
Тілінен тәтті бал тамған,
Бүйра толқын шашы бар,
Күлкісі меруерт шашылған,
Өзі – гүл жана ашылған,
Дәл он бесте жасы бар –
Сұлу көп жас төгілті,
Тұншығып жасқа өлілті...
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Талпынған жана нәресте,
Ақ қанатты періште,
Былдырлаған бұлактай.
Керінген жанды күлдірген,
Жана піскен бүлдірген,
Балауса наэзік құдрактай,
Қайтылты қозы кез тиіп,
Бетінен кейде жел сүйіп..
Балқиды жаным бұл күйге.

Мені де, өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Алыста айдын шалқыған,
Кебігі меруерт балықыған.
Сол айдының астында
Бар екен алпыс ақ отау,
Алтын уық, жибек бау,
Бері он алты жасында, –
Отау сайын толқын шаш,
Толқын шаштар жаланаңшы...
Балқиды жаным бұл күйге,
Мені де, өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Жаңа біткен балдырган,
Сүйсе мейір қандырган,
Айдынға барып түсілті.
Отауларды аралап,
Жас жүрегін жаралап,
Сұлуларды күшілтты.
Күшілтты да өліпті,
Жел толқыннан білілті...
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Балдырганмен бастасыл,
Сұлумен қол ұстасыл,
Жас ұланмен жолдас бол,
Жас қайынды қолға алып,
Баланы сүйіп бір қанып,
Жолзушымен мұндас бол,
Мен де тезірек елейін,
Әлі жастын демейін,
Балқиды жаным бұл күйге.

Мені де, өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Бетімнен тэтті бір сүйіп,
Алдыңа алшы әлдилеп,
Келші, өлім, тезірек.
Жан үшудан токғады,
Жынданып енді соқлады
Кешегі асай жас жүрек.
Бетімнен тэтті бір сүйіп,
Алдыңа алшы әлдилеп...
Балқиды жаңым бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!

ВОЛНА

Из волны рождается волна,
Догоняет подружку она,
 Друг за дружкой вдогонку бегут.
И, как будто тоскуя о ком,
В нескончаемом споре лихом
 До утеса в раздоре их путь.

Там волна поверяет волне
Свои тайны, что были на дне
 Их ранимых и нежных сердец.
Жемчуг пенны блестит, как венок,
Извиваясь в воде, как выонок,
 До утеса дойдут, наконец!

Детским лепетом дивным журча,
Серебром став в потоке ключа,
 Ударяются, выдохнув «Цок!».
Серебром, что по вкусу, как мед,
Золотым истечением вод
 Омывают утесу лицо.

Ожемужены каплями слез,
Омывая слезами утес,
 Засмеются, целуя его.
Этот смех их веселый есть плач,
Он – предвестье больших неудач,
 Смех и плач – это смерть ведь всего.

Порождая трезвон золотой,
Одну тайну крадя за другой,
 Серебрится волна за волной.
Мед отдавши тому, кто им мил,
Умирают без страсти и сил,
 На дне моря находят покой.

ТОЛҚЫН

Толқыннан толқын тудалы,
Толқынды толқын куады,
Толқынмен толқын жарысад.
Күнірекіл кеңеспен,
Бітпейтін бір егеспен
Жарысып жарға барысад.

Толқын мен толқын сырласып,
Сырларын ешen ұрласып,
Толқынга толқын еркелеп,
Меруерт көбікке оранып,
Жыландаі жүзге бұралып.
Жарға жетер ентелеп.

Ерке бала былдырлап,
Сылдыр, сылдыр, сылдырлап,
Толқынды толқын қуады.
Күміс кәусар суымен,
Суының алтын бұымен
Жарының бетін жуады.

Мәлдіретіп кез жасын,
Жасымен жуып жартасын,
Сүйіп сылқ-сылқ күледі.
Жылаганы – күлгені,
Күлгені оның – өлгені,
Жылай, күле өледі.

Сылдыр, сылдыр, сылдырлап,
Бірінші сырын бірі ұрлап,
Толқынды толқын қуады.
Жарына бал береді,
Береді де өледі,
Өледі толқын, тынады.

ВЕТЕР

Вон ветер – мальчик озорной,
Стель любит пламенной душой.
Ему покой наведом.
Губами будто шевеля,
Зашепчет из-под ковыля
Или завоет следом.

Нет ветру равных тут и там,
Вот он забегал по горам,
Смеясь, он брал преграды.
Не прячьтесь, все равно найдет,
Плевком в лицо вам попадет
И убежит, неладен.

Он беспокойный баламут,
Пораньше встанет он и в путь.
И ну ползти по полу.
Пристанет к озеру, что спит,
Его измучит, изрядит,
С ним поиграет вволю.

Потом разбудит древний бор,
Утешит чем-то, резв и скор,
Приветит старца, ласков.
И, умеряя свою прыть,
Стараясь чувства свои скрыть,
Заглянет к черноглазке.

Дыша в лицо ей горячо,
Схватив легонько за плечо,
Он скажет, скорбей слишком:
«Я прилетел к тебе с зарей,
Дай поцелуй мне, ангел мой,
Приветь меня, глупышку!»

Она молчит, а он взахлеб
В глаза целует, в губы, в лоб,
 То в грудь запустит руку.
Я рад, красотка, за тебя,
Ах, почему не ветер я,
 Все остальное — скуча!

ЖЕЛ

Жел – тым тентек бір бала
Жан сүйгөні – сар дала,
Дамыл алмай жүгрер,
Ерні өтірік қыбырлап,
Сыр айтқан боп сыйырлап,
Кейде өгіз бол өкірер.

Желге еш нәрсе тен емес,
Тау да жолын бөгемес,
Сақ-сақ күліп секірер.
Жүйрік желімтым сотқар,
Біреу бетін жапса егер,
Әдейі бетке түкірер.

Мазасы жоқ жел ерке
Оянып алтын ерте
Жорғалай басып кетеді.
Тыныш жатқан тус көріп,
Көлдің бетін кестелеп,
Оны ауре етеді.

Кәрі орманды оятып,
Бірденең деп жұбатып,
Жымылып күліп өтеді.
Жұрттан ойын жасырып,
Алқынып езі асығып,
Қарақат көзге жетеді.

Демала алмай асығып,
Күрсініп ауыр, бас ұрып,
«Саган, сұлу сәулеге
Келдім ұшып, ғашықтын,
Бір суюғе асықтын,
Мойның бүр мендей әүрөгө!» –

Дейдіде сүйіп көзінен,
Шашы, алма жұзінен,
Кол жіберді кеудеге.
Бақыттысың, еркекшан!
Уа, дарига, жасаған,
Жел емеспін мен неге?!

НЕМНОГО ПО ФЕТУ

Ночи шелк,
Ветер смолк.
Он, она.
Тишина.
Они – вон,
Смеха звон.
Так пьяны,
Влюблены.
Месяц тих
У реки.
Соловей,
Ветер вей.
Остуди
Пыл в груди.
«Ах, не тронь!»
Губ огонь.
Тихий бор,
Разговор.
Сопок ряд,
Жаркий взгляд.
Шепоток,
Чувств поток
Туч моря,
И – заря.

БІРАЗ ФЕТШЕ

Жібек тұн –
Бәрі тың.
Сайраған,
Жайыған,
Екі жас –
Екі мас:
Жүрек мас,
Кездे жас!
Сүтгей Ай,
Терен сай:
Бұлбұл,
Гүл-гүл.
Екі жан
Ыстық қан.
Жанессіз,
От сүйіс.
Орман
Тыңған.
Белдер
Гүлдер.
Күбір,
Сыбыр.
Тұман
Таң, таң!..

СВОБОДА

Когда землю покрыл всю кровавый потоп,
Когда пена взлетала до неба взахлеб,
Когда бес человека попутал, и он
Позабыл, для чего ему разум был дан,
Когда Библию рвали, топтали Коран,
Когда равенства, братства был попран закон,

Когда люди ходили по локоть в крови,
Когда сердце застыло, забыв о любви,
Был в почете предатель, почитаем был лгун.
Когда резали все, всех косили подряд,
И верблюдицу дойную, мать верблюжат,
Когда Тенгри исчез, превратившись в тангу,

Когда только шайтан правил миром, жесток,
Когда всюду вражда нам затмила исток,
И казалось, что все: жизнь в добре лишь мечта,
Отворились врата, и с высоких небес,
В райском свете покожа на райскую весть,
Прилетела Свобода, как ангел, чиста;

Ее лик ослеплял, словно солнечный смерч,
Была словно из шелка, волшебная речь,
И белели, лучась, два алмазных крыла.
Все живое вокруг, чтоб увидеть живьем,
В удивлены большом окружило ее,
А она, улыбаясь, им рада была.

Осиянны светом, почтенья полны,
Затаивши дыханье, стояли они.
И, казалось, что счастью не будет конца.
Те, кто света не видел, был жертвой невзгод,
Неодетый, голодный и бедный народ,
Для веселья открыли умы и сердца.

Загорается быстро и гаснет легко,
Человек на решенья глупые скор,
Не за это ль был изгнан из рая Творцом?
Вот пришел он в себя, вновь достаток обрел,
И так к свету привык, так вошел в эту роль,
Что за старое взялся к стяжанию влеком.

Снова побоку честь, нагулял аппетит,
Божий суд и людской вновь его не страшит,
Про свободу забыл, что так тяжко далась.
Снова топчет других: всюду плач или вой,
Снова всюду резня, кровь повсюду – рекой,
Снова ложь и грабеж, вновь убийства и грязь.

Вновь подонки в ходу, коих выгнали вон,
Чьи сердца, словно гниль, источают лишь вонь.
Вот кто ныне достиг своей цели опять.
Жуткой массой ползут тараканы, жучки,
Снова хрюк издают кабанов пятаки,
Снова гостем с небес они жаждут изгнать.

И ругают ее, и зовут сатаной,
И идут на нее дружной в злобе стеной,
Вновь повсюду вражда восстает из золы.
У посланницы рая поблек ореол,
Над священною гостью – толпы произвол,
В пятнах грязи и крылья, что были белы.

Жуткой массой ползут тараканы, жучки,
Снова хрюк издают кабанов пятаки,
Торжествуют, смеются: сбылась их мечта.
А свобода, расправив два белых крыла,
Приготовилась взмыть в край, не знающий зла,
Как и прежде, невинна, как и прежде, чиста.

БОСТАНДЫҚ

Жер жүзін қан басқанда,
Көбігі шығып аспанға,
Жын жолдас боп адамға,
Туралық, тендік ұмытылып,
Інжіл, Күран жыртылып,
Жатқанда жерде – табанда.

Кызыл қанға мас болып,
Жүреі кара тас болып,
Айрылып естен адамзат,
Ұмытып мейірімді иесін,
Сойып сауын түйесін,
Тәнірісі бол Лат, Манат,
Жүргізіп ібіліс әмірін,
Жауыздық жайып тамырын,
Өршіл етірік, душпандық..
...
Кекесігі ашылды,
Жұмақ нұры шашылды.
Келді ұшып бостандық.

Фарыш нұрлы жүзі бар,
Кеусар жібек сезі бар,
Әдемі, алмас ақ қанат.
Жануарлар жердегі
Бынтасы – жақын кермегі,
Танырқады анталап.

Алтикаңүрга оранып,
Ақырын гана дем алып,
Күрметпенен тұрысты;
Сәулө көрмей, шеккен зар
Аш-жалаңаш сорлылар
Куанысты, күлісті.

Тез жалындал суынған,
Жұмақтанда күлған,
Адамзат бір әуреде.
Есін жиып қүйленіп,
Әбден бойы үйреніп
Алғаннан соң сәулеге –

Баяғысын бастады,
Үжданды былай таstadtы.
Бостандықта жок жұмыс
Зар еніреді талай жан.
Сел болақты қызыл қан.
Өтірік, талау, елтіріс.

Шірік жүрек сасыктар,
Арамдықса асықтар
Жетілді, жетті муратка.
Қыбырлаган қоныздар,
Корсылдаган доныздар
Көктен келген қонақ да
Тілін, қолын тигізді,
«Сасық сайтан» дегізді.
Жауыздық тағы өрледі.
Ізгі елшісі жұмақтың,
Касиетті қонақтың
Ақ қанаты кірледі.

Қыбырлаган қоныздар,
Корсылдаган доныздар,
Тілегін boldы – қуан, кул.
Бостандық – ізгі періште
Кетпекке үшіп гарышка
Ақ қанатын қомдал түр.

¹ 1918 жылы Сібірде реакция дәуірінде жазылған.
(М. Жұрабастың ескертесі)

АЛЕКСАНДР БЛОК

Александр Блок,
Сердцем, как уголек,
В надежду лишь верил одну.
Погружаясь в печаль,
Он все Даму искал,
Терзая ночами луну.

Он искал ее днем,
Ночью – чуть не с огнем,
Покоя и сна он не знал.
Александр Блок,
Сердцем, как уголек,
Пытал молчаливую даль.

Звал ее – «Идеал»,
В грезах к ней лишь взмывал,
Был Блок заморочен, ей-ей!
Если Дама – цветок,
Соловьем ей был Блок,
Без устали пел соловей.

Заливался все Блок,
Пел ей гимн свой, как мог.
Вплетал и страданье, и свет.
Вот и жизнь уж прошла,
Плохи Блоха дела,
От Дамы известий все нет.

Дни за днями бегут,
Ночи молча текут,
Закончился сладостный гимн.
Болен, сир, одинок,
Что же видит наш Блок?
Старуха стоит перед ним.

Вот тебе идеал,
Вот что ты все искал,
Развеялось это все в дым.
Сердце, как уголек,
Только плачет наш Блок,
Он понял, что был нелюбим.

Идеала-то нет,
А старуха есть смерть,
Как смотрит, карга, из-под век?!
Жизни свет в нем угас,
Гимн заглох в тот же час,
Только «Дама» осталась навек.

АЛЕКСАНДР БЛОК

Александр Блок –
Мәңгі жас жүрек
Умітін бір үзбеген.
Батып алтын ойға,
Талмай қарал Айға,
«Әдемі әйел» іздеген.

Көрінер деп кунде,
Табылар деп түнде,
Шарқұрудан талмаган.
Александр Блок –
Мәңгі жас жүрек,
Қай жерге ол бармаган?

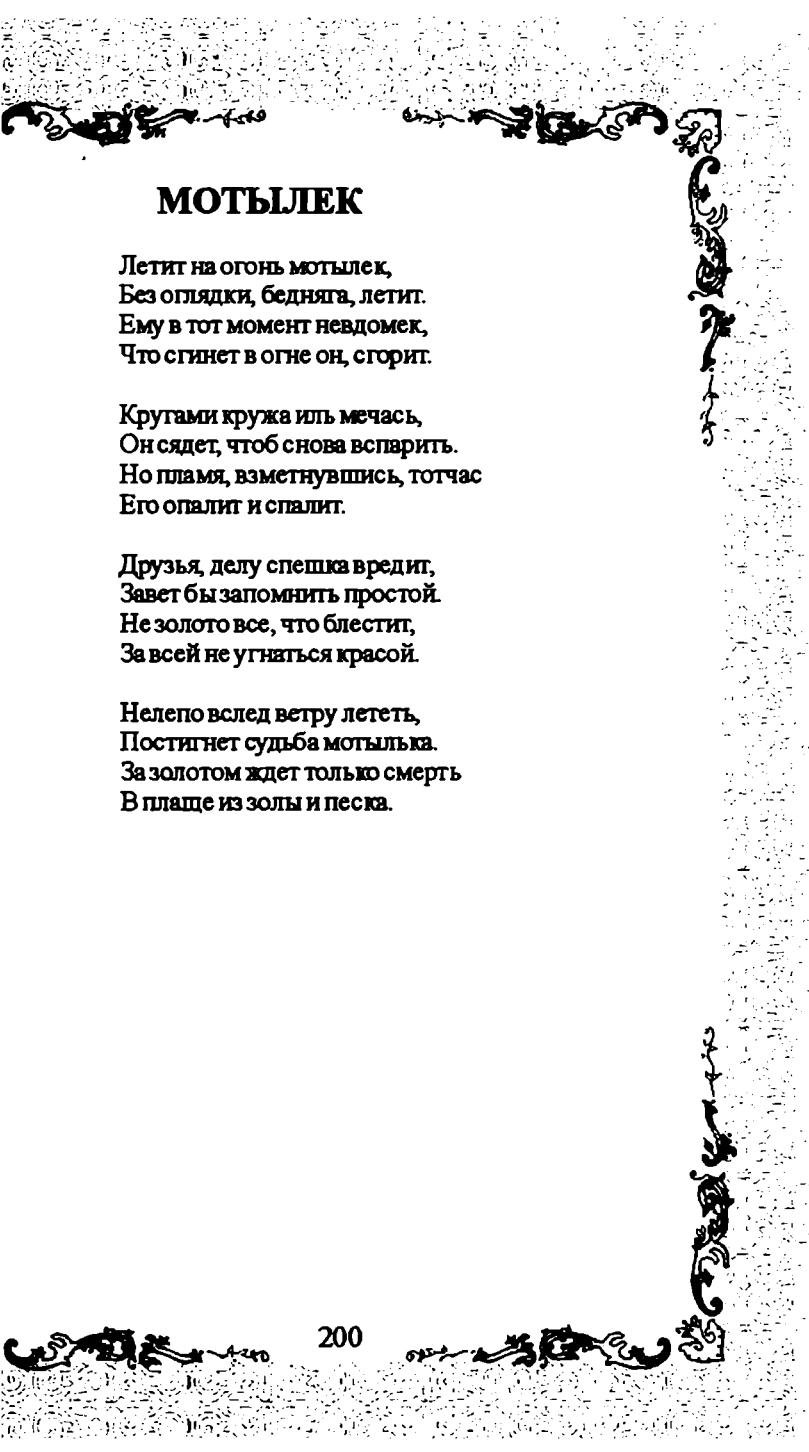
«Әдемі әйел» – идеал,
«Әдемі әйел» – бір киял,
Блоктың басын байлаган.
«Әдемі әйел» бір гүл,
Блок – бір бұлбұл,
Блок – бұлбұл сайраган.

Сайраган Блок,
Ойнаған жүрек –
Кейде уміт, кейде зар.
Өтеді өмір,
Бітеді жыр,
«Әйелден» бірақ жок ошар.

Күндерде бір күн,
Түндерде бір түн
Улы балды бітті жыр.
Төсекте Блок
Кез ашып көред, –
Алдында бір кемпір түр.

«Әдемі әйел» – идеал,
«Әдемі әйел» – бір киял,
Идеал, киял бір сағым.
Жанады жүрек,
Жылады Блок,
Керіп сөнгөн шырагын.

«Әйел» – идеал,
Кемпір – ажал
Түр Блокқа үніліп.
Сөнді енді өмір,
Бітті енді жыр,
«Әйел» қалды жыр болып.

МОТЫЛЕК

Летит на огонь мотылек,
Без оглядки, бедняга, летит.
Ему в тот момент невдомек,
Что сгинет в огне он, сгорит.

Кругами кружка иль мечась,
Он сядет, чтоб снова вспарить.
Но пламя, взметнувшись, тотчас
Его опалит и спалит.

Друзья, делу спешка вредит,
Завет бы запомнил простой.
Не золото все, что блестит,
За всей не уgnяться красотой.

Нелепо вслед ветру лететь,
Постигнет судьба мотылька.
За золотом ждет только смерть
В плаще из золы и песка.

КӨБЕЛЕК

Отка ұшар көбелек,
Карамай сорлы алды-артын.
Ойына кіріп-шыңдайды,
Күйдірер деп от-жалаңы.

Шырқайналып ентелеп
Жүрер де, бір уақ ол қонар.
Үмтүлған оты сорлыны
Күйдірер де, тез тынар.

Курбылар, іске бет алсақ,
Ойла май қанат қақпалақ.
Анзу жарық – алтын деп,
Керінгенге шапталық!

Желмен кетсек, қанатты
Көбелектей күйерміз.
Аlam деп алтын барғанда,
Күлден кебін киерміз!

ТЕМНАЯ, БУРАННАЯ НОЧЬ

В бескрайней степи – буранная ночь,
Повсюду – лишь смерти унылое царство.
Я факел зажег, чтобы свету помочь
Осилить покрытое мраком пространство.

Пусть черные тучи нависли с небес,
Пусть вынога ярится, вздымая метели,
Но в слабых руках слабый свет не исчез,
Он виден в ночи, хоть и теплится еле.

Пусть светом таким и нельзя удивить,
Надеюсь, он выдержит долгие годы.
Я с Солнцем, Луной мог его бы сравнить,
Без коих во мгле бы осталась природа.

Возможно, его гордецы не поймут,
Обидят насмешкой живущие прахом,
Не стану на это смуштаться ничуть,
Уверен, есть те, кто поддержит мой факел.

ҚАРАНГЫ, ДАУЫЛДЫ ТҮН

Қарангы, дауылды түн сар далада
Патшалық күрган елім айналада.
Шыраққа қолымдағы от тұттатым,
Үмітпен бір азырак деп: «Жана ма?»

Тұрса да қара бұлттар кектен төніл,
Соқса да жел долданып, ершеленіп,
Мың шүкір, әлсіз қолда әлсіз шырақ
Жылтырап жаңған бол түр, қалмай сөніп.

Бұйырса, шырак сөнбес, ұзак жаңар,
Жарығы болмаса да жан тан қалар.
Сәулелі аспанды алтын, күміс нұрлы
Айбынды Күн мен Айға дәл паралар.

Менсінбес жөпшендіні көл манғаздар,
Тең таптай кекел, мұхар сансыз пандар.
Кайрылып қарамасың, – «қап!» демеймін,
Табылар шыраққа кез салар жандар.

ВСЕ ГУЩЕ МРАК НОЧНОЙ

Все гуще, гуще мрак ночной,
В печи уж уголь стал золой.
Раздуть пытаясь уголек,
Смеется мальчик, что со мной.

Вот искра вспыхнула в свой срок,
Вот показался огонек.
Но разгореться не успев,
Погас он сразу, одинок.

Тихонько гаснет угль в печи,
Смеется мальчуган в ночи.
Слезами полнится мой взгляд,
А тьма таится и молчит.

ҚАРАНГЫЛЫҚ ҚОЮЛАНЫП КЕЛЕДІ

Қарангылық қоюланып келеді,
Пеш ішінде шоқ ақырын сөнеді.
Күлімсіреп жанымдағы жас бала
Қызық көріл сөнген шоқты үреді.

Шоқустінен кішкене үшқын үшты да,
Біразырақ шоқ қызара түсті де,
Дерен сөніп, тезірек күлгे айналды,
Астындағы ыстық күлді құшты да.

Пеш ішінде шоқ ақырын сөнеді,
Сөнген шоқты үріп бала күледі.
Ой басты ма? Элде кезім талды ма,
Мәлт-мәлт етіл кезіме жас келеді.

СТАЛ ГУЩЕ ТЕМНЫЙ ЛЕС

Стал гуще темный лес
Из сосен и берез.
Друг вечных он небес,
Молчанием в полный рост.

Завернут в саван, скрыт,
Спит старец, как дитя.
Буран, воля, скорбит,
Молитвой старца чтия.

Немотствует старик
И спит неколебим.
А я взгрустнул на миг
И грежу вместе с ним.

Заснуть, как он, без муки,
Забыть про грусть-печаль.
Чтоб ветер вил вокруг,
Меня бы отпевал.

ЖИЛЕНДІ ҚАРА ОРМАН

Жиленді қара орман,
Қарагай, қайың аралас.
Мәнді мылқау кәрі орман,
Көктегі күнмен шамалас.

Алпақ кебін бүркеніл,
Мылқау орман тұс көрер.
Желаза бол, өртенил,
«Әпсүн» оқып үшкірер.

Мәнді мылқау кәрі орман,
Былқ етпейди, тұс көрер.
Жел мінезді ессіз жан –
Маган түрлі ой келер.

Үйықласам мен орман бол,
Тәтті-тәтті тұс көріл.
Бетімнен тұрса жел жүріп,
«Әпсүн» оқыл үшкіріл.

МЫСЛЬ

Мысль – это яд,
Так уголяетажду.
Мысль – это яд,
А яд снесет не каждый.
Мысль – это яд,
В нем столько опьяненья,
Мысль – это яд,
Готовься к омертвению.

Подобна морю мысль,
Валы натужно гонят.
Подобна морю мысль,
Волнуется до стона.
Подобна морю мысль,
Без края дна теченье.
Подобна морю мысль,
Цена лишь жизнь влеченью.

Отравлен мыслью я,
Теряю, значит, разум,
Отравлен мыслью я,
Знать, в сердце есть зараза.
Отравлен мыслью я,
Горю я чисто, ясно.
Отравлен мыслью я,
Увяну и погасну.

Портрет Магжана Жумабаева.
Художник Анатолий Бургаев

Памятник
Магжану Жумабаеву в г. Петропавловске

Группа казахской интеллигенции в г. Ташкенте, 1923 год

М. Жұмабаев в г. Ташкенте, 1922 год

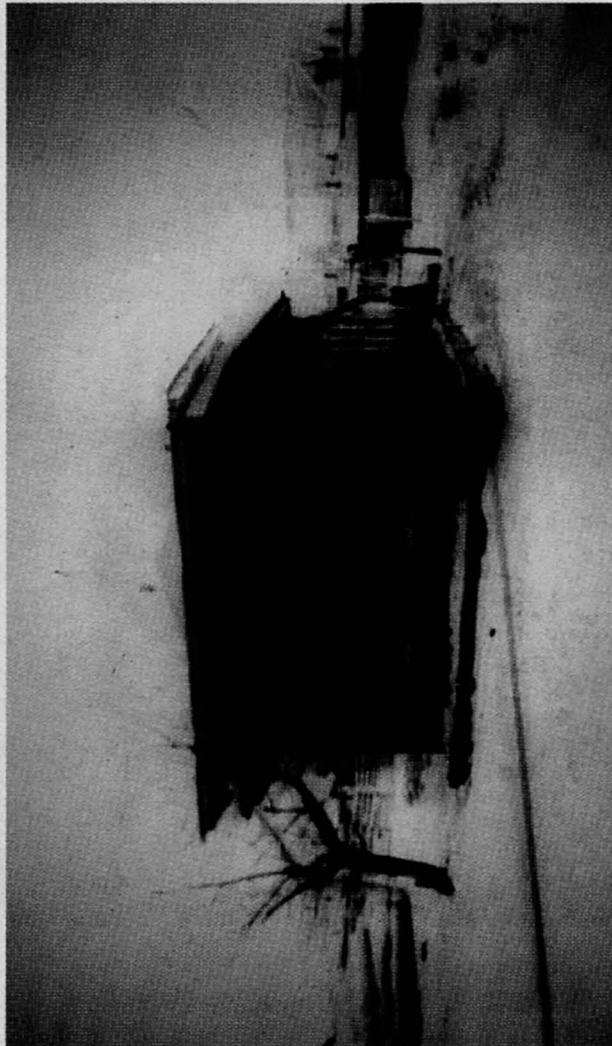

Супруга Магжана Зулейха

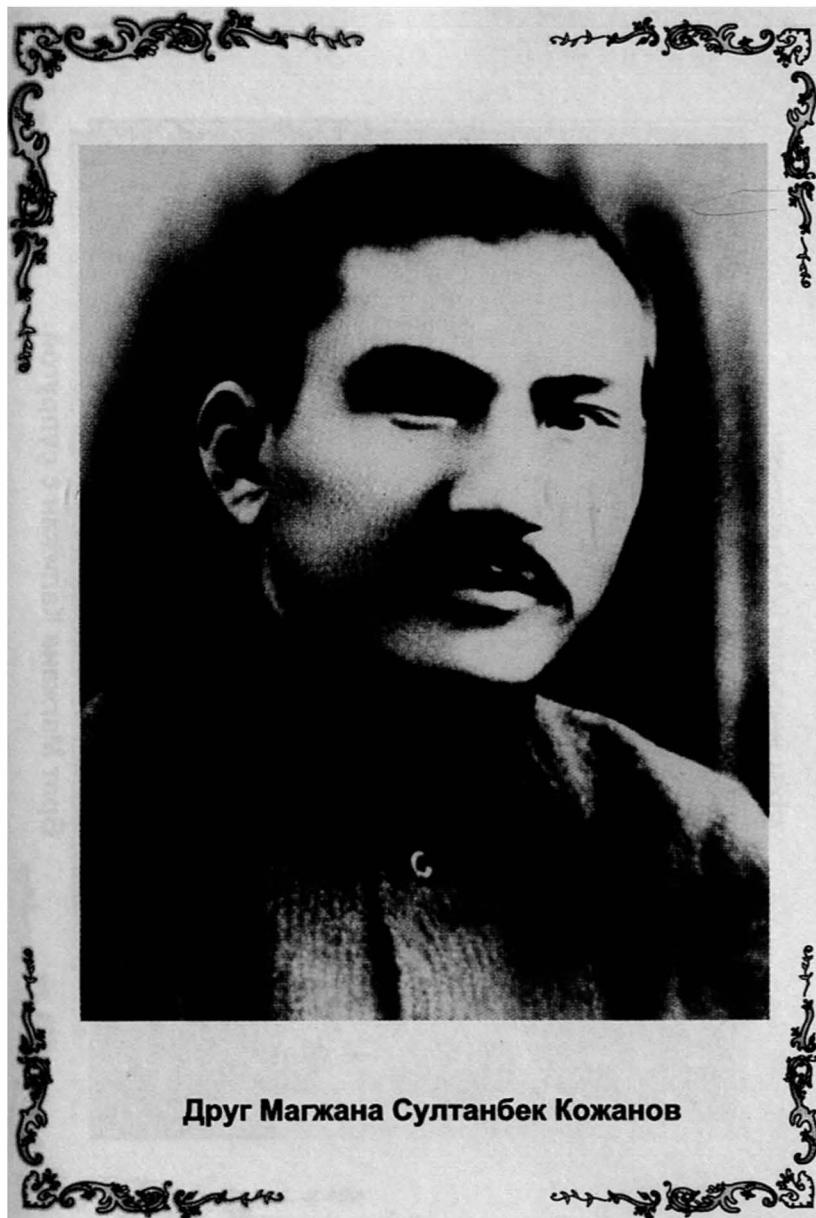
Зулөйха в юности (в середине)

Дом Магжана Жумабаева в г. Петропавловске, 1929 год

Учитель Магжана Ахиеддин Аханов

Друг Магжана Султанбек Кожанов

Брат Магжана Калижан с супругой

Брат Магжана Мухамеджан

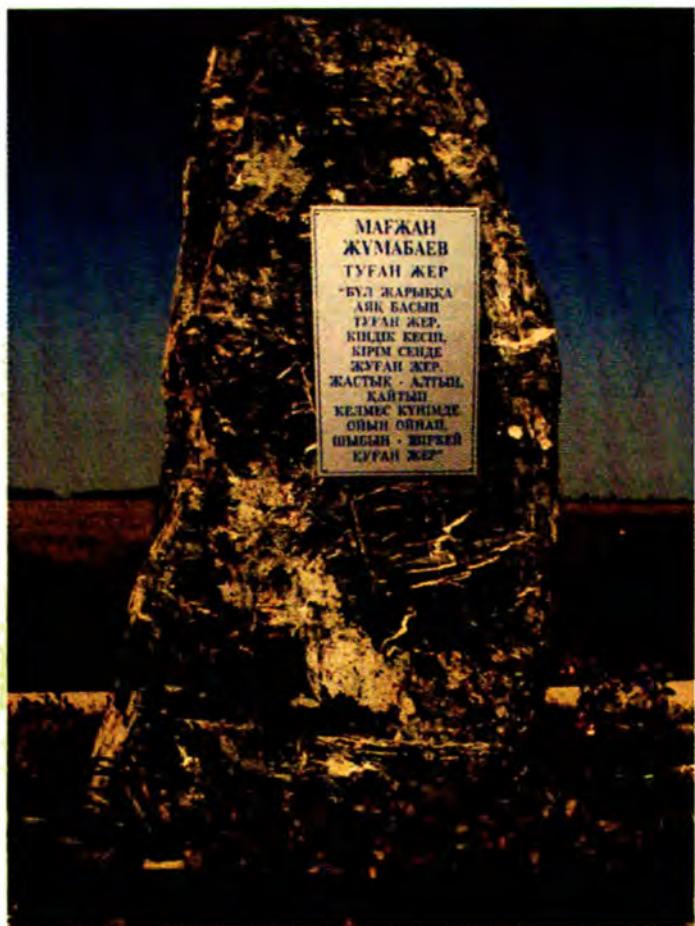

Брат Магжана Сабыржан

Близкий родственник Магжана
Султангази Билялов с сыновьями

Здесь родился Магжан Жумабаев

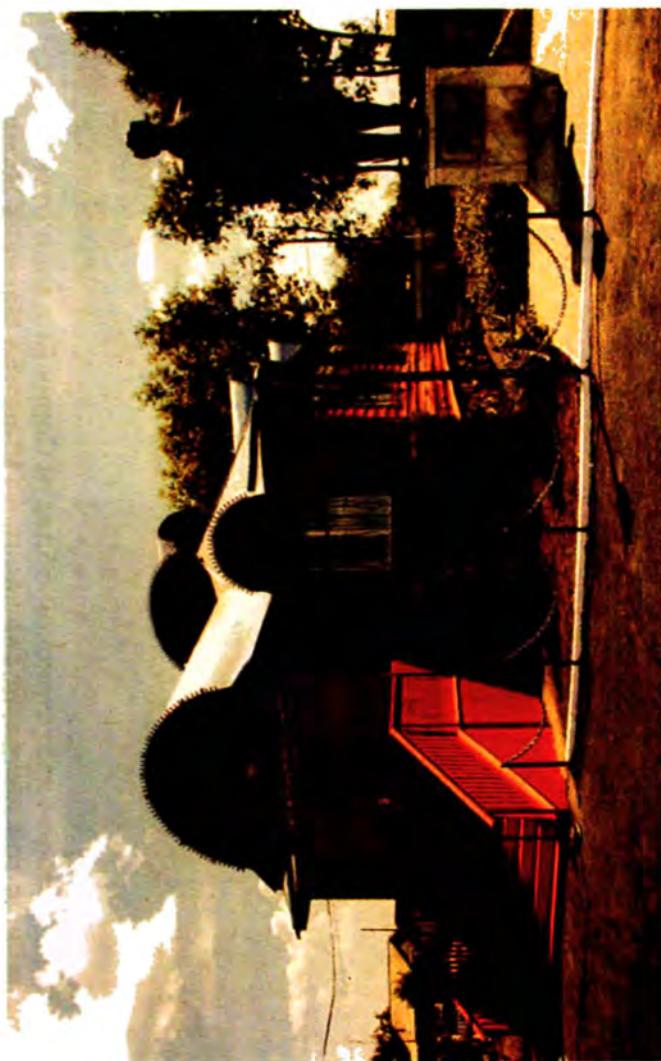
Памятник
Магжану Жумабаеву в г. Булаеве

Памятник Батыру Баяну в г. Булаеве

Аким Северо-Казахстанской области Сөрик Билялов открывает
юбилейные торжества, посвященные 115-летию Магжана Жумабаева,
с. Сарытомар, июнь 2008 года

Музей М. Жумабаева в с. Сарытомаре, июнь 2008 года

Открытие музея М. Жумабаева в с. Сарытомаре, июнь 2008 года

В музее М. Жумабаева

В музее М. Жумабаева

Родственники М. Жумабаева
у памятника поэту,
с. Сарытомар, июнь 2008 года

Дом культуры в с. Сарытомаре, июнь 2008 года

Юбилейные торжества, посвященные 115-летию М. Жумабаева,
с. Сарытомар, июнь 2008 года

ОЙ

Ойдеген-у,
Ауызга алсан, жандырар.

Ойдеген-у,
Жанды есінентандырар.

Ойдеген-у,
Ішсей мас боласын.

Ойдеген-у,
Ішесің де соласын.

Ой-бір теніз
Қалп-қара боп тебіренер.

Ой-бір теніз
Толқындана күнірекнер

Ой-бір теніз
Шетсіз, тұпсіз, тұнғылық.

Ой-бір теніз
Жан туследі, жан қылп.

Ойулады –
Жаным ессіз, жаным мас.

Ойулады –
Жүректе зар, кездे жас.

Ойулады –
Кемір болды жүргім.

Ойулады –
Сарғаямын, сөнемін!

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЬ

1

Смотри с волнением, вдали
Жемчужных волн волы.
В них чья-то боль болит.
Жемчужных волн волы.
Сумеешь их язык понять,
Не знать тебе золы.
Смотри с волнением, вдали
Жемчужных волн волы.

2

Мать

На землю молоко сдоив,
Грустит ли мать моя по мне?
Грудь рукавом большим прикрыв,
На землю молоко сдоив,
Как объяснит такой порыв?
Меня ли видела во сне?
На землю молоко сдоив,
Грустит ли мать моя по мне?

3

Мать и младенец

Младенца нежный локоток,
Ласкаясь, мать целует.
Зарыв желания в песок,
Кляня свой локоть и висок,
Стоит с лопатою сынок,
Безмолвен, строг; горюет.
Младенца нежный локоток,
Ласкаясь, мать целует.

4

Какой-то черный силуэт
Как будто скочет вдалеке.
Вон мальчик, ждущий лунный свет,
Какой-то черный силуэт,
Луны все нет, все нет, все нет,
Когда ж доскочет друг тоске?
Какой-то черный силуэт
Как будто скочет вдалеке.

5

Жизнь

Ты – глупый пес, а жизнь – лиса,
Бежишь ты радостно за ней.
Схвати ее, иначе сам
Пойдешь к праотцам в небеса,
Тебя пасут, собак краса,
Найдут, отдашь лису скорей.
Ты – глупый пес, а жизнь – лиса,
Бежишь ты радостно скорей.

6

«Повинное» слово

Ни Бога нет, ни веры нет,
Как душу мне очистить?
Где страсти нет, не мил мне свет,
Ни Бога нет, ни веры нет,
Жизнь только гнили жалкий цвет.
Как без надежды мыслить?
Ни Бога нет, ни веры нет,
Как душу мне очистить?

7
Звук в ночи

Подавший голос мне в горах
Был Тенгри или филин был?
Познал тогда я скорбь и страх.
И, если, Тенгри, это ты
Подал свой голос мне в горах,
Осуществи мои мечты,
Не будь скупым ты, как Аллах!
Подавший голос мне в горах,
Скажи мне всё же, кем ты был?

8

«Завтра», «вчера», «сегодня»

Все ясно с «завтра» и «вчера»,
Сегодня – это только миф.
А «завтра» – это туч игра,
Все ясно с «завтра» и «вчера»,
Прошедших дней прошла пора,
Оставив в памяти нары.
Все ясно с «завтра» и «вчера»,
Сегодня – это только миф.

ҚОНЫР ЖЫР

I

Тізілген толқын – меруерт,
Толғанып оқы, тербетер.
Күнірентер оймен кім білед
Тізілген толқын – меруерт.
Оқи білсөң күніренил,
Ойынның бойын өрлөттер
Тізілген толқын – меруерт,
Толғанып оқы, тербетер.

2

Шешем

Жерге сауып емшегін,
Шешем қайғы жей ме екен?
Орамал қылыш кең жеңін,
Жерге сауып емшегін,
Теріп журіп шөлшегін,
«Күлінім қайда?» – дей ме екен?
Жерге сауып емшегін,
Шешем қайғы жей ме екен?

3

Ана мен бала

Бебектің балын білегін
Анасы сорып сүйеді..
Кеміл жерге тілегін,
Каргал талған білегін,
Таяныш қып күргегін,
Баласы оймен күйеді...
Бебектің балын білегін,
Анасы сорып сүйеді..

4

Элдекайда бір кара
Елбен-елбен етеді.
Айды күгін жас бала.
Элдекайда бір кара.
Күте-күте жан жара...
Дарига, қашан жетеді?!
Элдекайда бір кара
Елбен-елбен етеді!

5

Өмір

Өмір – тұлқі, сен – тәбет,
Арсаландап келесің.
Такымда, тез дөнгелет,
Өмір – тұлқі, сен – тәбет,
Артынан андып кім келед?
Тұлқінді соган бересің..
Өмір – тұлқі, сен – тәбет,
Арсаландап келесің...

6

«Күнә» айтсызды

«Тәнірі» де жоқ, «тәубе» жоқ,
Жаным қалай тазарсын?
Тұрмыста нәпсіз сәуле жоқ,
«Тәнірі» де жоқ, «тәубе» жоқ
Өмір деген – шірік шөп,
Қай үмітпен қазарсын?
«Тәнірі» де жоқ, «тәубе» жоқ,
Жаным қалай тазарсын?

Түн айткызды

Тауда түнде үн берген
 Тәнірі ме, алде байтыз ба?
 Үяді естіл жаным күніренген,
 Тауда түнде үн берген
 Тәнірі болсаң, кел бермен,
 Қолымды көкке жайтызба!
 Тауда түнде үн берген
 Тәнірі ме, алде байтыз ба?

«Келешек», «Кеше», «Бұғін»

«Келешек» пенен «кеше» – анық,
 «Бұғін» деген бір бу гой.
 Бұлғасқан бетін нұрланып,
 «Келешек» деген күн анық.
 Откен «кеше» ұрланып,
 Естен кетпес бір у гой...
 «Келешек» пенен «кеше» – анық,
 «Бұғін» деген бір бу гой.

ПАПИРОСА

В руке – папироза,
Стряхаю вопросы
Вместе с пеплом в горшочек, что пуст.
Забывши порою,
Я в дым весь заросся
И дымом, что густ, захлебнусь.

Жизнь – речки быстринка,
Надежда – тростинка,
Я поплавать в быстринке решусь.
Но только я – в воду,
Хоть мелко здесь вроде,
Неожиданно я захлебнусь.

Забывши порою,
Я в дым весь заросся
Буду кашлять от дыма, что густ.
Жизнь – хрупкость тростинки,
Надежда как льдинка,
Яд приму и умру, задохнусь.

ШЫЛЫМ

Қолда шылым,
Тартып, күлін
түсіремін табақта.
Кейде ұмытып,
Түгін жұтып,
жіберемін тамакта.

Өмір – бұлак,
Үміт – құрақ,
Жүзейіндеп түсемін.
Дәл түсерде,
Су кешерде
Ұмытып су ішемін.

Кейде ұмытып,
Түгін жұтып,
Шашаламын, жетелем.
Өмір – құрақ,
Үміт – жырақ,
У ішемінде елемі

КТО УТЕШИТ?

Чтобы душу взбодрил,
Чтобы понял твой пыл,
Нет друга, который с тобой.
В дни, когда одинок,
С болью, что как ожог,
Утешен ты только мечтой.

Краше гурий с небес,
С речью, полной чудес,
С возлюбленной милой живешь.
Ты милуешь ее,
Ты целуешь ее,
На тень или призрак похож.

КӨНДІЛДІ АШАР

Көнілді ашар,
Жалынды басар,
Жоқ жанында жолдасын.
Отырсан аулақ,
Дертбасса қаулап,
Жүбетар киял – мұндасын.

Бейне хор жүзі,
Бейне бал сезі,
Жан жарынмен тұрасын.
Күшактап белдең,
Жалындал тілден
Сүйіскендей боласын.

СОН

Мой взор не видит ни луны, ни солнца,
Свет дня давно погас в моем оконце.
Я не пойму, чему так рады люди,
Лишь жду тот миг, когда свой срок закончу.

Я полон сил, напрасных и нелепых,
В тюрьме зачем мне эти мощь и трепет?
Я сна лишь жажду, словно утешенья,
И то смыкаться не желают веки.

ТҮС

Жарық соуле, Айды, Күнді көрмеймін,
Жарты елік, толық өмір сурмеймін.
Куанышты, азат жүрген халықтың
Не істегенің, не дегенін білмеймін.

Қор болды ғой қалың қайрат, есіл күш!
Абактыда қолдан келер қандай іс?
Үйкы тілеп, кеоді зорлап жұмамын,
Амал қаниша, жұбанышым жалғыз тус.

ОДА ГЛАГОЛЬНОЙ РИФМЕ

Бедняга ивёлый – «пропустил»,
В раздумьях что-то – «отпустил»,
Отраву пил – «не закусил»,
В кустах играя – «не грустил».
Надежду вечно он – «растил»,
Был одинок, но всех «простили».
Что за стихи с концом на «сти»?
К чертам! Пойду овец пасти!

ӨЛЕНДІҢ ҮЙҚАСЫ

Талапсыз сорлы – «ойлаған»,
Ойга терең – «бойлаған».
Есалан, уга – «тойлаған»,
Қажып бір ойын – «қойлаған».
Есер жүрек – «ойнаған»,
Өлгөнше үміт – «жойлаған»,
Жындыңдай жалғыз – «тойлаған»,
Жалыңтырды – «ой» да «ған»...
Кұрысын өлең!
Қой бағам!

ДРУЖБА И СЛЁЗЫ

Рождает дружбу пьянства транс,
Два пьяных – это дружбы шанс.
Как выпьешь, сердцу горячо,
И слезы льются в диликанс.

Болезнь рождает дружбы цвет,
Больного лучше друга нет.
Жалея, плачем вслед ему,
И слёзы капают в кювет.

А тот, кто трезв, тот зверь лесной,
Здоровый – это не больной.
И трезвый дружбу не поймет,
Он слезы лить не станет, злой.

ДОСТЫҚ ҢӘМ КӨЗ ЖАСЫ

Достыкты мастық тұғызад,
Шын-шын достар – екі мас.
Журекті мастық өртейді,
Теккізіл көзден ыстық жас.

Достыкты ауру тұғызад,
Ауру адам – адап дос.
Ауру кез жис тәккізед,
Ауырсанғана жүрек бос.

Айықадам – аң адам,
Дені слу адам – бейне тас.
Достықта баға берे алмас,
Тәкпес ол көзден ыстық жас.

«Шын дос бол ыстық жастексін»,
Десен, доска арақ бер,
Неболмаса, Тәнірден
Ауру бер деп тілей көр!

ПОЭТУ-СОВРЕМЕННИКУ

Смотрю в окно и вижу Вас,
Лизку потом я карандаш.
Размеры, строки подсчитав,
Иду спокойно я на марш.

На стих нацелен я всегда,
Не дописать стихи – беда!
Не знают люди, Бог простит,
Краду у Фета без стыда.

ЗАМАНЫМЫЗДЫҢ АҚЫНЫ

«Терезеге қараймын,
Карындашты жалаймын.
Келтіремдеп елшеуге
Сөздерді іштен сараймын.

Басқага мойын бүрмаймын,
Бітірмей жазып, тұрмаймын.
Не керек, жүргө сезбейді, –
Ақырын Феттегиң үрлаймын».

О, ГОСПОДИН НАШ, ГОСПОДИН

О, господин наш, господин!
По дому видю, важный чин
Тут проживает... Энгтый дом!
Какая роскошь! Блеск один!
Берете, видно, Вы с людей,
Охоч давать простолюдин.
Не перейду я к Вам на ты,
Скажу, как чёрту, только: «Сгинь!»

БІР БИГЕ

Ә, биіміз, биіміз,
Түрленіл қалпы үйініз,
Көріл тұрмын кезіммен.
Тым-ақ тәуір күйіңіз,
Байқаймын, мол ғой тегінде
Алатын селден сыйыңыз.
«Сен» деп сізге не дейін,
Тамұста мәңгі күйіңіз!

НЕДУГ

Врачам ли это вызнать,
Шаман тут slab, поверьте.
Мне смерть дороже жизни,
Я сам прошу о смерти.

Шаман и доктор нужен
В болезни человеку.
Когда душа недужит,
Найдется ли ей лекарь?

Телесной боли можем
Помочь - прервать мученье.
Так отчего, о, боже,
Душа нет излеченья?

АУРУ

«Дәрігер, дәрі, бақсы!» – деп,
Алмандаршы мазаны.
«Тірліктен елім жақсы!» – деп,
Сүраймын езім қазаны.

Дене ауырса, дұрыс-ак,
Дәрігер, бақсы ем кылар.
Жан ауырса, ойлаң бак,
Жангә емді кім кылар?

Уланды жүрек, жан күйді,
Ішім толған қызыл шоқ.
Не себептен, тәнірі ие,
Денеге ембар, жангә – жоқ?

ЗВЁЗДАМ

Как много вас, глаза небес,
Не стройте с неба глазки.
Я не смогу быть в гости к вам,
Эй, туча, скрой их сказку!

Бедняга я, что обречен
Рабом земли быть вечно.
Туда-сюда меня ведя,
Мной ветер правит желчно.

Покореня, и, всё ж, Аллах,
Я нахожусь в смятенье.
Мой дух так тонок, так пыглив,
На что душе горенье?

Раз создал ты меня рабом,
Дай духу кротость, робость.
Но всё не так... О небеса,
Откуда же я родом?

ЖҰЛДЫЗДАРҒА

Көктің сансыз кездері,
Алдамандар ойнаңтап.
Шакырганмен бара алман,
Бұлғ, тез шық та, бестің жал!

Қара жерден кете алмас
Мен бір сорлы байлаулы:
Жердің жауыз желімен
Ерсіл-карсыл айдаулы.

Амал не кеңбей? Соңда да
Бір өкілем бар Аллама:
Сезгіш жүрек, үшкыр жан
Неге бердің пәндене?!

Жаратқан соң жерден сен,
Берсөнші жердей тыныш жан.
Болар іс болды Сураймын:
Не дейді, білдір, бул аспан?!

ЧАСЫ

Часам покоя нет,
Стучат они: «Вон-вон!»
Пришли мы в белый свет
Небытию вдогон.

В обмане порожден,
Рад жизни человек
Но вот прозреет он,
И жизнь чужда навек.

С порога уж кричат
Ему «вон-вон!» уйти.
Жизнь – череда утрат
Без счастья на пути.

Пришел и твой черед,
Часов супров приказ.
«Вон-вон!», иди вперед,
Настал твой смертный час.

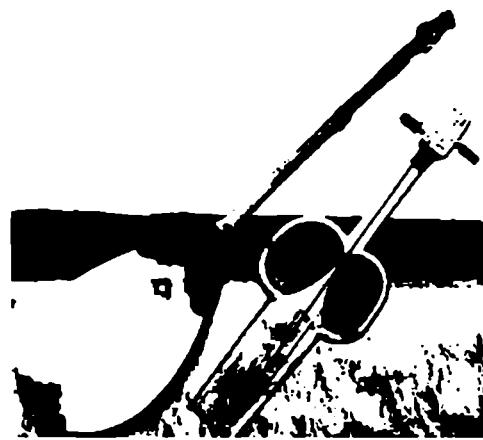
CAFAT

«Шық-шық!» деп соғылтүр
Токтаусыз бұл сағат.
Дүниеде негылтүр
Адамзат бір сағат!

Сорлы адам туғанда,
Сүм жалған көнілі шат.
Кез ашыл түрганда
Көрінер оған жат.

«Шық-шық!» – деп жүз шытар,
Есіктен кірмestен.
Сорлы адам тез жытар,
Дәнракат кірмestен.

Мінекей бұйырып түр
Бұл сағат деп: «Шық-шық!»
...мойның бүр,
Сенде шың, сезін үк!

ПОЭМЫ

КОРКЫТ

Нет гор в этом мире прекрасней Алтая,
Алтай окружает ковыль золотая.
Здесь в давние дни обитали алаши,
На склонах Алтая живя-процветая.

Те дни непроглядны, как утро, что в дымке,
Где всеми играет герой-невидимка.
О, да, эти дни не поймать, словно призрак,
Летучая мысль лишь способна к поимке.

О, да, эти дни превзошли бы и сказку,
Алашей величью найду ли я краски?
Мы были подобны архарам летучим,
Со скал на отроги взмывающих в распуск.

В те дни был герой средь беспечных алашей,
По крови – их родич, но духом – иначе.
Ничто не влекло его помыслов строгих,
Чурался он сверстников слишком горячих.

Назвали «Коркыт» при рожденье героя,
Зовем мы героями тех, кто достоин.
Однако для многих казался он странным,
Во всем отличаясь от многих собою.

Коркытом с отрочества мысль овладела,
Она, как отрава, не знала предела.
Во власти той мысли, ушел от людей он,
«Безумец!» - смеялись над ним то и дело.

Толпы изначально известно стремленье.
Толпе уподобившись, станешь лишь тенью.
Когда же ты, споря, вдруг с ней не сойдешься,
Тебя назовут дураком, без сомненья.

«Ушибленный джинном» прозвали Коркыта,
Понять не трудясь, презирали открыто.
Так что же его от людей отдалило,
Какой же идеи он стал прародитель?

Он издавна думал над этой лишь мыслью,
Она лишь одна его мучила, грызла.
«Жизнь так быстротечна... за что эта кара –
Мы в прах обратимся, едва лишь родившись!

Дается нам жизнь для забавы, обмана.
В нас сердце стучит для того, чтоб увянутъ.
Смириться возможно ли с горькою мыслью,
Что мы рождены для того лишь, чтоб кануть.

Что реки текут для того, чтоб иссякнуть,
Цветы распускаются, чтоб больше не пахнуть.
Дано человеку прожить только малость,
А дальше он станет вонючим лишь прахом.

Даны тебе кровь, чтоб сукровицей стынуть,
Язык и мышление, чтоб тело покинуть.
А тело, которое чтил и берег ты,
Чтоб пылью развеяться в шире пустыни.

Жизнь так коротка, как мгновение ока,
И если ты смертен, что в жизни сей проку?
Раз жизнь коротка, что в ней толку смеяться,
Что толку от дум и стремлений высоких?

Дается нам жизнь для забавы, обмана.
В нас сердце стучит для того, чтоб увянутъ.
Смириться возможно ли с горькою мыслью,
Что мы рождены для того лишь, чтоб кануть».

Вот мысли, что молнией в нем пронеслися!
Свинцом придавившие, тяжкие мысли!
Он с юности ими раздавлен был, распят
И сам из себя в неизвестность был выслан.

В их власти Коркыт стал людей сторониться,
Забыл о веселье, любви и девицах,
Себя никому отвлекать не давая,
По склонам Алтая один стал носиться.

Бродил одиноко по кручам Алтая,
Души своей боль донести как не зная.
Ушел от родных, от друзей и от близких,
Как будто звала его доля иная.

В ком пламя огня, тот играет с огнем,
Без устали гонится за миражом.
Коркыт, одичав, стал бродягой угрюмым,
Один был вопрос неустанно при нем.

«Что жизнь?» - спросил он, пробравшись к горе,
Он первым пришел к ней на самой заре.
Гора из камней как смогла бы ответить,
«Что жизнь?» - повторила, как будто в игре.

Свернувшись с горы, в лес вошел он большой,
«Что жизнь?» - задает он вопрос роковой.
Но заспанный лес не тревожат вопросы,
Лишь сосны стоят удивленной толпой.

«Что жизнь?» - у воды вопрошают Коркыт,
Но что ей ответить? Бежит и бежит.
И ветер не знает на это ответа,
Все шепчет чего-то, листвою шуршит.

Вон Солнце в безмолвии полном плынет,
Луна – как воды вдруг набравшая в рот.
Вон звезды мигают, распутницы неба,
Кто в сердце отраду ответом вольет?

Что делать, Коркыт все бродил и бродил,
Все тайны земные хранил он, как ил.
И озеро немо, нема и округа,
Как тут разобраться, где небыль, где былъ?

В уныньи Коркыт стал мрачнее, чем прежде.
Проносится жизнь, отнимая надежду.
Что толку к чему-то стремиться по жизни,
Когда это только какое-то «между»?

Раскроешь глаза, закрывать уже надо,
Жизнь как ледоход, принуждающий падать.
Нельзя ли управу придумать для смерти?
Нельзя ль для безносой поставить преграду?

Возможно, найдется страна, где нет смерти,
Возможно, и смерть что-то лечит на свете?
Возможно, земля есть, где травы и воды
Свободны от смертной везде круговерти?

Где воздух не знает о запахе тлена,
Где смерть, если есть, то в колодце забвенья.
Когда не найдем мы лекарство от смерти,
Что толку в науке людским поколеньям?»

С такою вот думой, мол, смерти не верьте,
Меня не достанут ни муллы, ни черти,
С Алтаем поспешно Коркыт рас прощался,
Чтоб землю найти, где не было бы смерти.

Коркыт гюспешил в направленьи к Востоку,
Непросто тому, кто идет одиноко.
То дождь, то буран, то враги нападают,
Коркыт все идет, словно движим зароком.

Без сил уж Коркыт, но упрям его норов.
Пустыня повсюду как мертвое море.
Когда устает до последней немоги,
Вдруг что-то вдали зачернело на взгорье.

Нет, это в степи что-то смутно чернеет,
Сдаваться бессилью Коркыт не умеет.
Шаги ускоряя, он движется к цели,
Но к ней подойдя, он стал тучи мрачнее.

Из глаз его слезы текут вниз ручьями,
Он видит доску, а под ней видит яму.
Нет, это не яма, а видно, могила
Ничем не засыпана, молча зияет.

В степи кто-то, вырыв, оставил могилу.
На черной доске чья-то надпись застыла.
«О, бедный Коркыт, не избегнешь ты смерти,
Ложись вон в могилу, твоя она, милый!»

Прочтя эти строки, стал ночи он горше,
Рыданий же мог уж он сдерживать больше.
Однако слезами поможешь ли горю?
Оно безысходно, морщись, не морщись.

Вновь думы его охватили пожаром,
Тяжелые мысли ворочались яро.
Поскольку пред ним оказалась могила,
Назад повернул он, готовый к ударам.

На Запад теперь он бежит, как в погоне,
Не знает он устали, гонит и гонит.
В пустыне бескрайней идя одиноко,
Твердит он слова той доски непреклонной.

От смерти неужто нельзя найти зелье?
Без зелья такого, какое веселье?
Не тело, а дух уж устал от метаний,
Так, где же земля – та, что смерть не приемлет?

Вокруг ни души, всюду только пустыня,
Пустыне плевать ты в тоске иль в уныньи?
Коркыт изнемог весь, год целый в пути он,
Но вдруг, как мираж, снова та же картина.

Вновь видит Коркыт силуэт темноватый,
Теперь не спешит он – что силы зря тратить?
Вновь та же доска, та же надпись, могила,
Господь, не жестока ль такая распятая?

Могилу глубокую вновь кто-то вырыл,
На черной доске вновь надпись он вывел.
«О, бедный Коркыт, не избегнешь ты смерти,
Ложись вон в могилу, твоя она, милый!»

Отчаянья мгла охватила героя,
Куда ни пошел бы, везде ямы роют.
Что толку лечить в себе ту же все рану,
Когда разверзается рана та втрое?

Как будто разорван раздумьями в ключья,
Как лев, что свалился с луны этой ночью,
Он встал еле-еле, забывший про дерзость,
Которая с небом соперничать хочет.

Где только он ни был, скитаясь по свету,
Где слезы ни лил он зимою и летом.
Куда ни пришел бы, пред ним лишь могила
Зияла, бесстыдница, чтоб его встретить.

Пойдет он направо, могила ждет справа,
И слева — могила, и сзади, и прямо.
И та же доска, и та же все надпись,
Как коршунов стая, склонились над ямой.

Куда ни пошел бы, повсюду могила,
На черной доске, корчась, надпись застыла.
«О, бедный Коркыт, не избегнешь ты смерти,
Ложись вон в могилу, твоя она, милый!»

Нет, смерть обуздать не получится, право,
Без трупов сей мир возможно ль представить?
О, бедный Коркыт, готовься же к смерти,
Вон всюду могилы смерть твою славят.

Что толку слезою кровавой умыться?
Что толку о камни главой бедной биться?
Нет смерти сильнее могущества в мире,
Придется тебе в свой черед убедиться!

С душою, едва пребывающей в теле,
Иссохнув, как будто святой в своей келье,
Вернулся Коркыт на Алтай свой, рыдая,
В тоску повергая горы, и землю.

Все тот же Алтай он увидел чудесный,
Где горы и небо целуются вечно.
Тому, кто в объятья возлюбленной тучи,
Как может быть чья-та печаль интересна?

Все тот же вон лес в бесконечной дремоте,
Все тот же родник вон о чём-то лопочет.
Все тот же вон ветер все ищет невесту,
Тоскуя о ней на надрывнейшей ноге.

Все тот же народ за скотиною ходит,
И, как та скотина, доволен всем вроде...
Нет мысли ни в ком — ни в печали, ни в смехе,
Подобно коровам, мыча в непогоду.

Вернулся Коркыт, как безумием скован,
Ни с кем не обмолвясь ни звуком, ни словом,
В отчаяньи лег он, от всех отвернувшись,
И, глаз не смыкая, стал думать он снова.

Проснулся Коркыт, сон увидевший словно,
Кобыз из сосны вырезать стал любовно.
Приделал к нему конский волос струною,
Алтай задрожал, когда звук он исторгнул.

Кобыз застонал очень скорбно и грустно,
Пошел иноходцем он в беге искусном.
Вот он, словно неук, порывист и резок,
Вот он, как верблюд, продвигается грузно.

Со взгорий, как будто нацелясь на землю,
Вдруг вихрем помчавшись, пески он подъемлет.
Потом, успокоясь, он тихо смеется,
Как будто врага, потешаясь, треплет.

Взлетает порою он ветра быстрее,
Летя над вершинами, в реках дурея.
Порою, как будто к кому обращаясь,
Он шепчет в листве, словно что-то лелеет.

Порой выше неба взметается грозно,
Порой, словно заяц, бежит он тревожно.
Порой он вздыхает, скорбит или плачет,
Как будто печаль превозмочь невозможно.

Кобыз так играл, словно плакал, стеная,
Как будто кого-то в ве^ках про^клиная.
Как будто кого-то обрызгивал кровью,
Во гневе, не знающем дна или края.

Тоской были полны напевы кобыза,
В них был и огонь, и волненье, и вызов.
И плакал Коркыт, слезы льются тогда лишь,
Коль плачет душа, вся в мягких порывах.

Кобыз продолжал истергать скорбно звуки,
В них были и лед, и признанье, и мука.
Полно инструментов для радости в мире,
Коркыта кобыз – это исповедь духа.

Пути не найдя как со смертью бороться,
Бороться со смертью – на грусть напороться,
Отравой его разъедавшие мысли
С кобызом Коркыт разделял, скорбно морщась.

Когда на закате садилось светило,
Когда на рассвете оно восходило,
Когда скопом спали, печали не зная,
Навроде скотины сородичи мило,

Когда богачи важно, грунно ступали,
Батыры на робкий аул нападали,
Когда ишакам лишь подобны в усердье,
Люд бедный был рад, если что перепало,

Коркыт был один, кто печалью охвачен,
Играл на кобызе Мелодии Плача,
Чем жизнь все быстрей и быстрей проносилась,
Кобыз его плакал все чаще и чаще.

Предстала пред ним жизнь кровавою ямой,
Не смог разгадать этой жизни он драму.
Себя утешая лишь звуком кобызы,
С кобызом и в вечность он смертную канул.

Прошедшие дни словно сказка, как утро,
Как будто лишь там пребывает вся мудрость.
Никто не почтил путь Коркыта хвалою,
Кобыз освятил его путь, словно сутра.

Поэт словно ветер, в себе его жребий,
Поэт как пожар, что взметнется до неба.
Сны, грезы его словно пламя пожара,
Он создан для их беспокойной потребы.

Другому зачем возлетать на вершины,
В печали поэт там, где нет и причины.
И если ничто, кроме грез, не лелеет,
Предстанет и жизнь ему гиблой пучиной.

Без бури и море лежало б недвижно,
Смерть мучит поэта, любителя жизни.
Когда б не делился с другими он скорбью,
За что бы он был так обласкан и признан?

И если поэт в состояньи трагичном
Откроет всю душу как будто вамлично,
Не стоит с толпой наседать на поэта,
Послушай его в отдаленьи приличном.

Летучая мысль не нуждается в близких,
А скорби издали благостны искры.
Поэта ты лишь в отдалении слушай,
Иначе проклятъя подвергнешься риску.

Кобыз – деревяшка, но, все ж, для поэта
Она – и жена, и душа, и планета.
И струны ее – продолжение сердца,
Связуют поэта со всем белым светом.

Нажмешь на струну, звук волшебный польется,
Из сердца он льется, струясь, словно солнце.
Порвется струна, но сердца неразрывны,
Ты издали чти, не беги к нему тогчас.

Чем глубже душа, тем подверженней грусти,
Поэт свой кобыз никогда не опустит.
Чем жизнь быстротечней, тем больше в кобызе
Печали, как тьма нарастающей густо.

Коркыт – всех поэтов прпрадед великий,
Пред ним всюду ямы безмолвною кликой.
Кобыз свой обняв, он покон в могиле,
Без слез и стенаний, в величии тихом.

Те дни непрглядны, как утро, что в дымке,
Где всеми играет герой-невидимка.
О, да, эти дни не поймать, словно призрак,
Летучая мысль лишь способна к поимке.

Те дни – для души колыбель золотая,
Где мысль возлетит до отрогов Алтая.
Ты вслушайся в степь, сколько звуков там скорбных,
Коркыта напевы повсюду витают.

Не ухом ты слушай, а всею душою,
Степь – эко кобыза, с ним вместе вон воет.
Я с детства влюблена в этот плач, в эту горечь,
Душа моя – в них, если что-то я стою!

Я был обуян миражами степными,
Слезами захлестнут, я бегал за ними.
К могиле теперь, чем к бесику, я ближе,
Лишь ямы даря, жизнь проносится мимо.

Безумному сердцу доверясь надолго,
«Верь сердцу! – я думал, – к чему муки долгa?»
Жизнь в радость была, что же ныне с ней сталоось?
Куда ни взгляни, увядание только.

Когда-то дружил я с прислугой бывало,
По жизни своей забавлялся немало.
Нет ныне забав, и друзья все исчезли,
Лишь мыслей колючих вонзается жало.

Единственный друг мне – кобыз мой, однако!
Играй же, кобыз, отряхни нас от праха.
Смотри, мой кобыз, плачу вместе с тобою.
Коль плачет душа, то глазам как не плакать?

Нет лучше пути, чем идти за Коркытом,
Пройти, как и он, в страданья зарытым.
Слезами омыв смертных горькую участь,
С кобызом уйду под могильные плиты!

КОРҚЫТ

Алтайға жер жүзінде тау жоқ жеткен,
Алтайға бетегедей алтын біткен.
Бейіштей алтын Алтай етегінде
Ертеде алаш елі мәкен еткен.

Ол күндер көз жетпейтін ерте күн гой,
Ерте күн ертегідей ерке күн гой.
Откен күн – ұстаптайтын сулу сагым,
Жалғыз-ақ желден жүйрік жетеді ой.

Откен күн ертегімен таласқандай,
Уа, дүние, ол күндерде алаш қандай?!

Ой-қырдан оргыл-карғыл еріккенде,
Алтайда ойнак салып жүрген андай.

Сол күнде бір ер болғы алты алашта,
Қаны бір қалың елмен, жаны – басқа.
Елікпей ес білгелі еш нәрсеге,
Өзіндей үйрілмеген албырт жасқа.

Корқыт деп қойған екен ердің атын,
Оңған ел ер деп атар азаматын.
Талайлар таңданылты күнде көріп,
Корқыттың мінезінің тым-ақжатын.

Корқытқа ес білгелі бір ой түскең,
Айнымас сол ойымен күнде у ішкен.
Ой билеп үйден, елден безіп кетіп,
Жұрт оны әуезі гып жынды дескен.

Ежелден белгілі гой көптің сыры,
Боласың көптей болсаң, көптіңері.
Көпке егер ісің, ойың үйлеспесе,
Күмән жоқ, кім болсаң да согар «пері».

Коркыт та ерте атанды «пері соккан»,
Коркыттың жан болмады жайын ұқсан.
Ой есен қандай гана Коркытты уал,
Айырган дос, туыстан, елден, жүргттан?

Коркыттың мынау ой ед есіналған,
Жанына ерте күннен жара салған:
«Топырақ бол ертең шіріп қалмақшымыз,
Өміріміз неге шолақ тәтті балдан?

Әншейін өмір деген ермек үшін,
Күні ертең гүл гүлденед солмақ үшін.
Ойланып қалай гана уланбассын.
Берілсе адамға өмір өлмек үшін?

Бір кезде көл тасиды құрымақ үшін,
Күні ертең гүл гүлденед солмақ үшін.
Біраз күн адам тұрады, өмір сүреді,
Құртқа жем шіріп, сасып болмақ үшін.

Сары суға қан берілген айналмақда,
Ой менен тіл берілген байланбақда.
Әлпештеп, ардақтаған денең шіріп,
Жел менен топырақ бол айналмақда.

Кез ашып жүмгандай-ақ өмір шолақ,
Алдынды кез ашсан-ақ ажал қамап.
Өмірде мынау шолақ неге керек
От-ұміт, ойын-кулкі, таудай талап?

Әлдекім адам деген ермек үшін,
Жүректе от ойнайды сөнбек үшін.
Ойланып қалай гана уланбассың,
Берілсе адамға өмір өлмек үшін».

Коркыттың жүйрік жанын жай тасындаі
Жанышқан осы ойлар ед корғасындаі.
Паршалалтілім-тілім, ерте өртег,
Кіршіксіз жас жүргегін кез жасындаі.

Ой билеп, жап-жас Коркыт елден безді,
Түгел ол ойын-кулқ, қойды сөзді.
Елікпей, үйірлімей еш нәрсеге
Алтайдың алаптарын жалғыз кезді.

Алтайдың Коркыт кезді алаптарын,
Ешкімге ұқытра алмай жанның зарын.
Ата-ана, дос-туысқан бәрін тастап,
Талақ қыл кара көзді қарақтарын.

От-адам оттеп ойнал сынар бағын,
Жүйрік жан қажу білмес, куар сағым.
Тағы бол, күнрекіл кезіл кетті,
Коркыт та шешпек болды жан жумбагын.

Аяндал алдыменен тауға келді,
Аскарға: «Өмір не?» – деп сұрау берді.
Жаны – тас, жүргегі – тас тау не десін,
Өзінен: «Өмір не?» – деп сұрады енді.

Бұрылып таудан ақырын орман барды,
Оған да: «Өмір не?» деп сұрау салды.
Ежелден ой білмеген мәніреу орман
Қакып қарагайы аң-тан қалды.

Сұраса суға келіп: «Не – деп өмір?»
Беті құр соғылғанинан жыбыр-жыбыр.
Желгे айттып еді, ол не деуші еді,
Басы жоқ, аяғы жоқ сыйыр-сыйыр.

Күн анау, ешбір уңсіз алас ұрган,
Ай да бір – өгіз де бір аузын буган.
Қылмындал қар қатындаі көзін қысан,
Жұлдыздар тазартға ма жүректі удан?!

Не керек, Қорқыт кезді тыныш жатпай,
Ешбір зат тастамады зарын шақпай.
Кел мылқау, жері мылқау бәрі – мылқау,
Өрткенді ер жұмбағына жуап таппай.

Тұнерді бұрынғыдан Қорқыт бетер,
Есалан ескен желдей өмір етер.
Күмәнсіз елерінді біле тұрып,
Дүниеде талаптану, тұру бекер.

Кез ашып, өмір шолақ, жұмумен тен,
Тағы да ез өмірің сокқандай сен.
Арандал қарсы алдында аузын ашқан
Жоқла екен шыныменен ажалға ем?

Кім білед, өлмейтүгын ел бар шығар,
Кім білед, ажалға да ем бар шығар.
От-суы, топырағы қасиетті,
Кім білед, өлтірмейтін жер бар шығар.

Әуесі уланбаган өлімменен
Сез де жоқ елу түгіл, «өлем» деген
Адамзат тапласа егер ажалға айла,
Не қылмақ пайдасы жоқ білімменен?! –

Деп ойлаң қайрылмай ешбір затка,
Ажадан қашып шығып күтылмақта,
Айрылып Алтайынан кетті Қорқыт,
Олшінен аман-есен жер тапшакта.

Түзеді күншыгыска Корқыт бетін,
Адамға жаяу, жалғыз жол тым шетін.
Арыңды, ұшырасты сансыз жаумен,
Сонда да ол үзбеді еш үмітін.

Талса да токтамады, Корқыт журді,
Беттақ шел етті талай қырды, ерді.
Қажыған, қаны кепкен мезгіліндегі
Алыстан мұнарланған қара көрді.

Жаланды бір буалдыр қарандаган,
Жасаган Корқыт жаңынтындырымған...
Қарага жылдам басып жетіп келді,
Корқытты қайғы басты түннен жаман.

Кезінен сорғалады жас бұлақтай,
Жаланды қагулы бір қара тақтай.
Тақтайдың түбінде бір қазулы кер,
Тастаган үндерігіп бетін жаштай.

Әлдеқім жалан түзде бір кер казған,
Басына тақтай қойып, сездер жазған:
«Өлімнен құтылмайсың қашқанменен,
Мынау көр – сениң көрің, Корқыт жазған!»

Мына сезді оқып ол түн бол кетті,
Басқандай жүргегіне болды шокты.
Кел болып кездің жасы тәгілгенмен,
Заулаган баса ала ма ол жаңдағы өртті?!

Ой есті, қалың өрттей уын шашты,
Ауыр ой корғасындей жаңды жаңышты.
Қарсыдан қазылған көр шыққаннан соң,
Бұрыллып Корқыт кейін қадам басты.

Түзеді енді бетті батыс жакқа,
Кайғылы, қажу бар ма, ол бейбақда?!
Жапанды жалғыз есі күбірләйді,
Сөздерді тақтайдағы алған жатқа.

Алым-ай, табылмас па ажалға айла,
Өмірден табылмаса қандай пайда?!
Жүрістен дене түгіл жан шаршады,
Өлімнен аман ел мен жері кайда?

Бір жан жоқ қыбырлған, дала, дала...
Келеді Қорқыт сорлы жаны жара.
Ай-жыл етіп, ер әбден арыған шақ,
Алыстан бұлдырлайды тағы қара.

Корқыттың ынтасы өлтөн, көнді қаяу,
Қарага баю басып келді таяу:
Тағы кер, тағы тақтай, тағы жазу,
Тәнір ие-ау, тегі сенде бар ма алу?!

Терен ғыл тағы біреу бір көр казған,
Басына тақтай қагып, жазу жазған:
«Өлімнен құтылмайсың қашқанменен,
Мынау кер – сенің көрің, Қорқыт жазған!»

Корқыттың қайғысы енді болды басым,
Жаздың не, жазбадың не жан жарасын?!
Есі ауып байтақ уақыт жеткеннан соң,
Кетеріл бір мезгілде алды басын.

Ойменен, пара болған, жан жыртылып,
Мерг болған ессіз жүрек айға үмтүлыші:
Кеудеде күр эншіейін шықылған жан,
Тұрды да кетті Қорқыт сүйретіліп.

Алыста сөнгөн оттай уміт өлді,
Сүм тағдыр катты қакты созған қолды.
Сонда да қажу білмес ойлы Қорқыт
Дүниенің төрт бұрышын кезбек болды.

Қалмады жер жүзінде бармаган жер,
Қорқыттың қанды жасы тамбаган жер.
Басса да қайда қадам сорлы Қорқыт,
Алдынан қарсы шығады қазылған көр.

Қазылған онға барса, онда да көр,
Қазылған солға барса, солда да көр.
Шондышп көрге қонған күшігендей
Көресің, кара тақтай қағулы түр.

Алдынан кез келеді бір көр қазған,
Басына тақтай қағып, жазу жазған:
«Әлімнен күтылмайсың қашқанменен,
Мынау көр – сениң көрің, Қорқыт жазған!»

Дарига, табылмақ па ажалға айла?!

Жерде бір ешк көрмес болу қайда?!

Алдынан қайда барса көр шығады,
Өлімге, сорлы Қорқыт, белін байла!

Не пайда шомылғанмен қанды жасқа?!

Не пайда басты үрганмен тау мен тасқа?!

Дүниеде ажалдан еш күшті болмас,
Көмессің, кезгениңде керден басқа.

Шықпаган кеудесінде шыбын жаны,
Қасықтай кеүіп, бітіп қалған қаны:
Аяндал, аруақ бол Алтайны
Күнірентіл, қайтты Қорқыт, жерді зары.

Қайтса Алтай, баяғы Алтай күнірекен,
Аскарга аспан төніп емірекен.
Керіліп бұлтпенен бал алысан,
Еркенің не ісі бар ой-шерменен?!

Мелшиген баяғыдай меніреу орман,
Ойнаған асау бұлақ шашып ордан.
Жел анау көрінгенді бір сүйсе де,
Жар таптай жаңы бірге «мәңгі» он ұрган.

Ел мынау баяғыдан малын бақсан,
Малындай алдындағы жусап жатқан:
Қайғысы, куанышы бәрі де ойсыз...
Сырдай бәрі өкіріп, бәрі шапқан.

Қайтты да айналғандай есаланға,
Ләм-мим деп бір сез қаттай тірі жантага,
Күнірекіп жер беуырлап жетып алып
үйкесіз қости Қорқыт танды-танға.

Бір куні шошып тұрып көргендей түс,
Кесіпап қарагайдан қылды қобыз
Қыл тағып қобызына сейлестіп ед,
Алтайды күнірентіп шықты лебіз.

Қобыздан мұнды дыбыс сорғалады
Майландалап ә дегендеге жорғалады,
Бірсесе асау тайдай ойнақ салды,
Бірсесе сары нардай ыргалады.

Дұылдалап қырдан жерге туйлгендей,
Долданып дауыл құмды үйіргендей,
Басылып біраздан соң сылқ-сылқ қулед,
Дүшіланын мұқатқанға сүйінгендей.

Бірсөң жүйрік желдей кетеді есіп,
Аскарды аттал өтті, дария кешіл:
Бірсөң алде кімге тіл қатқандай,
Желменен жапырактай кубірлесіп.

Бірсөң от сыйылды аспанга асқан,
Жоқәлде ор коян ба оргыл қашқан?!
Бірсөң күрсінгендей, күніренгендей,
Жандай-ақ қал-қаранды қайғы басқан.

Қобыздың сарнағаны зарлағандай,
Қан шашып элдекімді қарғагандай.
Журегі мың жара боп паршаланып,
Күйніп кезінен жас парлагандай.

Күніренді, жылады зарлап қобыз,
Жанды ертеді толқынды, мұнды лебіз.
Жасыны төкті көл қылып шерлі Қорқыт,
Жан жыласа, жыламай қала ма көз?!

Қобыздан осылайша шықты сарың,
Бірде муз, бірде дауыл, бірде жалын.
Қарагай мен қыл сырнай не деуши еди,
Шыгарды сарынменен Қорқыт зарын.

Таба алмай жерді кеziп ажалға айла,
Дарига, ажалға айла болу қайда?!

Азырақ улы ойларын бөлмес үшін,
Жабысты шерлі Қорқыт қарагайға

Қызарып ашуменен күн батқанда,
Ерініп еркеленіп таңатқанда,
Қарны тоқ, қайғысы жоқ, жаны тыныш
Малдай-ақ кор-кор үйыктап ел жатқанда...

Байлары малман-малман мал бакқанда,
Батырлар балпана-балпана ел шашқанда,
Ішкені – мас, жегені – ток, бері де мәз,
Кедейлер кекесектей зыр қаққанда...

Коркыттан серпілмейді қалың уайым,
Қолынан тастамайды қарағайын.
Қобыздың лебізіндегі мұң молайды,
Зымырап өмір шіркін озған сайын.

Өмірде жүрген жерін қанды орғып,
Шеше алмай жан жұмбагын шерлі Коркыт.
Жұбанды қолындағы қобызымен,
Көрге де қобызымен кірді Коркыт.

Откен күн ертегі гой, тамаша таң,
Ойласаң откен күнді жұбанар жан.
Байқасаң, адамзатта болған ба ақын,
Коркыттай атасынан бета алмаған?

Ақын – жел, есер, гулер жүйрік желдей,
Ақын – от, лауал жаныр аспанга өрлей.
Киялы, жан жүрегі – ойнаған от,
Ақынды аласұртар тыныштық бермей.

Жай адам қияға ондай қол сермей ме?!
Ақынға аз нәрсе ауыр ой бермей ме?!
Киялмен арманға ұшқан, сағым күшқан
Жүйрік жан алдында ылғи көрмей ме?!

Жел журсе, терен теніз тебіренбей ме?!
Керсө көр, ақын жаны күніренбей ме?!
Көргөнің кеңес с қылыш күніренсе ақын,
Тындаған тірі жаңға шер бермей ме?!

Күштакташ карагайын сарнаса ақын,
Толғаныл, жасын төгіл, зарланса ақын,
Шеткөрек тұрыл біраз тыңдағайсын,
Баспалап, төніп, жаншыл келме жақын.

Жақындық қажет емес жүйрік ойга,
Шер-сикыр, алыстан-ақтарамай ма?
Ақынды алыс тыңда, кептілейтін
Қағылып кете көрмे карагай!

Ақынның карагайы – жары да сол,
Ата-ана, малы-мұлқі, жаны да сол.
Сезімлаз қарагайдың назік қылы
Ақынның жүргегіне жалғанған ол.

Сорғалап сиқырлы үн шығар ішектен,
Шықлақышы ішектен емес, үн жүректен.
Үзілсе ішек, үзілмес наэік жүрек,
Сондықтан, сұраганым тында шеттен.

Серпілмес терен жанда калын уайым...
Түсірмес қолдан ақын карагайын.
Үнінде қарагайдың мұн молаяр
Зымырап өмір, шіркін, өткен сайын.

Атасы ақындардың – ақын Қорқыт
Өмірде жүрген жерін қанды ор қып...
Шомылып кез жасына сарнай, зарлай,
Күштакташ карагайын жатыр Қорқыт.

Ол күндер кез жетпейтін ерте күн гой,
Ерте күн ертегідей ерке күн гой...
Откен күн – ұстаптайтын сулу сағым,
Жалғыз-ақ жедден жүйрік жетеді ой...

Откен күн ойды элдилеп тербеткендей,
Ойынды Алтай бойына өрлөткендей.
Тындасаң қулагың сап сар даланы,
Коркыттың сарыны, эні күніренткендей...

Тындасаң, есітесің жаңынменен,
Сар дала күнірекнеді сарынменен.
Ерте естіл сол сарынды, ерте улап,
Мен сорлы көптен әуре зарынменен.

Ес білдім – аласұрдым сағым құып,
Жете алмай, бетті талай жаспен жуып.
Артымда – ор, алдымда – көр, етеді өмір...
Дарига, бесігімнен көрім жуық.

Көп заман жетеледі жынды жүрек,
Ойладым: «Жүрек жетер, ой не керек?!»
Тәтті у еди, сол удан неге айнайдым?
Дарига, үміт елмек, жүрек сөнбек...

Бір кунде жолдас болдым құлынменен,
Өмірді алмақ болдым ойынменен,
Ойын тыңды, жолдасым жоқ бол кетті,
Бұл кунде уланамын ойымменен.

Енді менің жолдасым – жалғыз қобyz,
Сарна қобyz, мұң-зарлы шығар лебіз!
Сен жыласаң, жылармын мен де бірге,
Жан жыласа жыламай қала ма кез?!

Өмірде арманым жоқ – Коркытқа ерсем,
Коркыттай жанды жаспен жуа білсем.
Жас тегіп, сүм өмірде зарлап-сарнап,
Құшқатал қобызымды көрге кірсем!..

БАТЫР БАЯН

Первая глава

О, сердце мое, тот, кто ранен, к страданью привязан.
Жестокая жизнь, как тюрьма, для имеющих разум.
В оковах – не руки, языки мой закован в оковы,
Вот я и горюю, без всякой веревки повязан.
Без радостей жизнь скучной смертной своей утомляет,
Вот я и ищу в днях прошедших святую пропажу.
О, там так легко все узлы развязать и разгладить,
Лишь в сказке прекрасной такое случается разом.
Я только в прошедшем способен отвлечься от грусти,
Ведь жизнь для меня не жалела оправы и сажи.

А сказка, она и ребенка утешит миражем,
И рану излечит словами любви вместо мази.
Поэт, как ребенок, луну захотевший потрогать,
В огонь с головой, без раздумий бросается сразу.
Вон след от людей, словно треск от езды по тақыру,
Поэт же бесстрашием в служении истине важен.
В раздумьях, волнуясь, поэт не находит покоя,
Слезой омывая рожденные грезами фразы.
Поэт не имеет друзей в этом мире подлунном,
И только перу поверяет он сны фантазий.

Я тоже с пером в сокровенной, интимнейшей связи,
Смотрю на Отчину я глазом, не знающим слаза.
Моя Сарарка – золотое, бескрайнее море,
Ее не окинешь с орлиною зоркостью даже.
Как остров, чарующий взор среди волн золотистых,
Стоит Кокшетау, возвышаясь, как горный оазис.
Здесь только недавно так много зверя обитало,
И волки, и лоси, маралы, как будто из сказок.
Кокше, потеряв своих милых и вольных любимцев,
В тоске каменея, ни слова о прошлом не скажет.

Нет мест, Бурабаю подобных своею красою,
Сосновые чащи курчавятся зеленою хвои.
И если Кокше, как придавленный думами, дремлет,
Его Болектау окликает в тумане рукою.
Скала Окжетпеса – орлов занебесных гнездовые –
Стойт, возвышая всех тех, кто величья достоин.
И в их окружении озеро светится дивно
Прозрачно-округлой луноподобной дугою.
Как остров в Арке, Бурабай – баловник всей округи,
Здесь ставка была Аблайхана прошедшей порою.

Таит Бурабай в сердцевине сосновую чащу,
Та чаща Кокше продолжением стала манящим.
Здесь сосны, березы в своем бело-красном кипенье,
Как в косах девиц драгоценные камни, дразняши.
Когда-то и ветер не мог здесь проникнуть сквозь ветви,
Однако гола эта чаща теперь в настоящем.
И все же, она мне могилы святого дороже,
Когда-то Аблая здесь ставка стояла блестяще.
И шли, словно в Мекку, алашов сыны в эту ставку,
О, где ты теперь, мой божественно-царственный прапур?!

Тяжелые дни наступили тогда для казахов,
Бежали они от калмыков в паническом страхе.
«Исход белых пятою» был назван исход тот бесславный,
В насмешку за бегство гурьбою – без боя и схваток.
Россия, Китай, один – молот, другой – наковальня,
Теснили казахов с невиданным прежде размахом.
И в эти бедовые, черные дни наши предки
Аблая почтили доверия высшего знаком.
Не будет чрезмерным пред ханом, свой край отстоявшим,
Когда от души дань почтенья отдашь его праху.

Грозят издалёка Россия с Китаем, как кобры,
Под боком – калмыки, густой, беспокойною кодлою.
И сзади, и спереди пропасти смертная бездна,
Куда же казахам пойти в этом мире недобром?

Аблай стал защитой в те дни для несчастных казахов,
Врагов побеждая то в битве, то в хитрости бодро.
Однажды задумал устроить калмыкам он взбучку,
Их стан разорить и пройтися копьем по их ребрам.
Вскричал: «На коней!» – он, и тут же в мгновение ока
Из юрт всех под знатный пред ханские очи был собран.

Здесь все из отборных, их лучше нигде нет уж ныне.
Здесь бий Толыбай, Байжигит, Тасболат крепкостинный.
Канай – златоуст, тот, что сделал владыкой Аблая,
Он вождь Кауала, известного рода аргынов.
Во гневе, как реющий снег, весь громадой подобен верблоду,
Батыр Богенбай, старый вождь рода канжигалинцев.
Сним рядом юнец Жанатай, его славный братишко,
Себя ощущающий тигром, заблудшим в пустыне.
С копьем, возжигающим молний пучки над врагами,
Батыр Сармалай, барс рычащий из басентинов.

Вон Оразымбет, что огонь превосходит напором.
Батыр Ельшибек вон со стрелы метающим взором.
Гордец Жанибек, никого не считающий ровней,
Пред Богом и то не смирял он свирепый свой гонор.
Жабек вон, который с Аблаем в плена был калмыцком
И вместе с Аблаем отпущен на волю был вскоре.
Батыр Сырымбет, во врага посылающий стрелы,
Как будто огонь изрыгая, на вольном просторе.
На ханский совет собрались сивогривые волки,
Готовые биться с врагом, самым хитро-матерым.

Поэт и батыр Карабужр вон прошел на почетное место,
На небо взлетал он порой, вдохновляемый местью.
Бужар, Таткара если песни, горячаясь, слагали,
Подобно пучине, вздымаясь, лились эти песни.
Вот так проходили их дни тут в лирах и веселье,
Но стало батырам вдруг скучно в кругу своем тесном.
Аблая теперь сами стали склонять они скопом
В поход их послать в направлении, всем им известном.

Однако Аблай ничего не ответил на это,
И слухи пошли, пересуды пошли повсеместно.
Совет собрался в Бурабае – святыне казахской,
И люди, и виды здесь были как будто из сказки.
Батыры слонялись, как львы, заточенные в клетках,
Аблай был в раздумье, с лицом словно скорбная маска.
Батырам негоже в бессилье лежать, словно трусым.
Решили к Аблаю Каная направить все наспех.
Ему поручили сказать, что все готовы к походу,
Врага не осилишь, пока не задашь ему встряску.
Когда бий Канай стал расспрашивать хана Аблая,
Аблай вопросил: «Где Баян, отвечай мне, будь ласков!»

Я знаю, Канай, острословом ты зваться достоин,
Но где же Баян, мой самый известнейший воин?
Любимец народа, врагам, как шайтан, досаждая,
Он целого войска в атаке безудержной стоит!
Пред славой его разбегаются в страхе калмыки,
Как зайцы пред тигром, трусливою, жалкой толпою!
Блистая, как молния, носится в битве с врагами,
Как я воспарю, если нет его ныне со мнюю?
Так знай, бий Канай, никуда не поеду, покуда
Баян не приедет, чтоб сердце мое успокоить!»

Бий зная, что хан понапрасну речей не заводит,
Вернулся тихонько к батырам, сидящим на взводе.
И чтоб не зажечь средь славнейших огонь раздражения,
То туда, то отсюда он к теме опасной заходит.
«Ох, этот, этот юнец!» - выражали досаду батыры,
Одни недовольно, другие восторженно вроде.
Что делать, пришлось им и дальше продолжить безделье,
Не радуясь вовсе довольно приятной погоде.
Так что же с Баяном, чего же он так задержался,
Ведь он, говорят, не из трусов был жалкой породы?

Ему ль в удивленье с врагами на саблях рубиться?
Вонзаясь, как сокол, сметал он сарbazов калмыцких.
На поле сраженья вбежав, словно хищник голодный,
Один против сотен любил он с рычанием биться!
Стрелою – доспехи, копьем пробивая грудь насмерть,
Не знала пощады его роковая десница.
И если по-честному, кто из других средь батыров
Мог так за Отчизну в безудержной удали биться?!

И если сегодня не видно его на Совете,
Не мог без причины с дороги знакомой он сбиться!

Река Обаган приютила колена Уаков,
Их горстка была, но тревожили многих, однако.
Имея в вождях полководцев Кокше и Косая,
Они не боялись ни схваток, ни битвы, ни драки.
Баян был потомком Кокше, предводителя рода,
Как будто Кокше в нем восстал из забытого праха.
Сары, старший брат, был опорой в бою для Баяна,
Как крылья орла, они были в едином размахе.
Но если по-честному, наш разговор - о Баяне,
Казалось, рожден он один был на радость казахов.

В ту пору калмыки казахов объяли, как пламя,
Казахи Аблая подняли тогда, словно знамя.
И бились они, как орлы, со стервятников стаей,
Под знаменем белым казахского хана Аблая.
Батыры казахские были орлам все подобны,
Но только Баян среди лучших отборным был самым.
Баян из похода вернулся однажды с красоткой,
Плененной им в битве с одной из враждующих армий.
Ей было тринадцать, возможно, чуть больше, да, больше,
И, все ж, ее юность не знала греха и изъяна.

Краса той красотки цвела предрассветною зорькой,
Как будто весь цвет искушенья сошелся в ней только.
Белокожа, с румянцем, с зубами как жемчуг чистейший,
Как речка, текла ее речь с расстановкой и толком.

Ласкаясь, мерцали, как звезды в ночи, ее очи,
То рай обещая, то ядом травя своим стольких.
Дыханье ее – дуновенье из райских соцветий,
Родник, чье теченье влечет колыханием шелка.
Баян был не слаб, если смог, не теряя сознанья,
В свой край привезти ту красотку с калмыцкою челкой.
Баян завладел той красоткой с заветною целью,
Как сокол, хотел овладеть он калмычкой всецело.
Как беркут, с глазами налитыми кровью по брови,
Хотел закогтить он ту серую утку умело.
Однако есть дичь, не подвластная стрелам порою,
Хоть как ни стреляй, убежит она из-под прицела.
Поскольку в отказе она оказалась упрямой,
Сестренкой назвав, он хоть чуточку зла ей не делал.
Однако внутри подавлял он задетую гордость,
Как море в вершинах из айсбергов, прячущих тело.

Упрямая калмычка, не знает она схожденья,
Не знает и устали в дерзости сопротивленья.
Коварна красотка, хоть с виду она и приветна,
Но вам ли узнать тайну мыслей ее сокровенных?
Со всеми сроднившись, став будто обычной казашкой,
Мечтала в тоске о калмыцких степях драгоценных.
К Баяну бежала, как будто сестренка родная,
Ласкаясь и ластясь, как будто сметая сомненья.
Однако Баян оставался спокоен и ровен,
Никак не давая собой овладеть возбужденью.

Так прятал Баян под спокойствием целую бурю,
Алашам известна Баяна степная натура.
Был брат у Баяна пятнадцати лет, его звали
Ноян, и Ноян был готовым к боям бахадуром.
Весь разум Нояна – в плечах его, мощных и сильных.
И в сердце его, закипающем страстью иль дурью.
Едва заприметив калмыцкую девушку, витязь
Сражен был мгновенно красотки коварным прищуром.

Та искра теперь разгоралась в нем буйным пожаром,
Ноян то пыпал, то ходил всюду грустно-понурым.

Как в юности сладко в любовной гореть лихорадке,
Рыдать, как дитя, сотрясаясь, как будто в припадке.
Не видя любимой, скорбишь, словно в саване мрачном,
Как будто на траур потрачена жизнь без остатка.
Но стоит увидеть, вновь жизнь возгорается в сердце,
Как будто рассвет наступает твой, заново сладкий.
Как сердце трепещет в приливе эмоций горячих,
Как будто готово в избытке любви разорваться.
Что скажешь ослам длинноухим, прошедшим по жизни
Не зная любви, как волы, что на жвачку лишь падки.

Ноян очарован красавицей медоточивой,
Смотря на нее, ощущал себя очень счастливым.
Смотрел и смотрел, опьяняясь не телом – душою,
Как будто выхлопная зефира с небес переливы.
Однако был чист он в воззвышенном чувстве любовном,
Он ей поклонялся, как веруют в дивное диво.
А что до красавицы..., видя страданья Нояна,
Она избегала признаний его молчаливых.
И, все же, иногда по лицу полонянки прекрасной
Пробегало волненье горячею краской игриво.

Луна золотеет в отражении солнечных бликов,
Любовь как пожар, до небес полыхающий дико.
Кто любит, сумеет в другом пробудить то же чувство,
И камень растиет пред страстью многоязыкой
Красотка была равнодушна к нему лишь в начале,
Теперь не до шуток, осталось ей горе лишь мыкать.
Любя, не отводят с Нояна теперь она взгляда,
Страдая, как он, без всякого прежнего щика.
Лишь встретившись вечером в тайном логу за аулом,
Признались друг другу в любви они нежно и тихо.

В лошине, покрытой ковром из мельчайших цветочков,
У речки ревущей они провели тогда ночку.
Серебряный месяц, купаясь в объятиях речки,
Ее целовал, словно деву в белейшей сорочке.
В такой вечерок как не встретиться паре влюбленной?
Они и пришли, чтобы слиться – тут две одиночки.
Увидев вдали, как целуются двое, возможно ль,
И вам удержаться от милой такой заморочки?
В любви признаваясь, клянется до гроба быть вместе.
Как будто вошли вы в мир вышний, не знающий точки?
Ноян близ нее так и всыхнул, как порох возжеченный.
Глаза, словно уgli, горели его восхищенно.
Все было в тумане, кроме лика прекрасной калмычки,
И небо кружилось в созвездьях, мигающих томно.
В горячем признании он тут же ей выплеснул душу,
И к ней потянулся, красой ее завороженный.
Бросало его то в озноб, а порой, в лихорадку,
То плакал Ноян, как ребенок, в вине уличенный.
Не мог не возжечь он огнем своим этим красотку,
В объятиях его задышала калмычка неровно.

- Мой милый Ноян, ты теперь для меня как святыня.
Ты любишь меня, и я тебя тоже отныне!
Тебе подарю я не тело одно, но и душу,
Поверь, для тебя я и стыд свой девичий отрину.
Но есть у меня к тебе просьба одна, мой любимый, -
И дева примолкла, как будто пытая мужчину.
Ах, сколько значенья она в это слово вложила,
Не выдав волненья, как море скрывает пучину.
Вдруг слезы блеснули в прекрасных глазах полонянки,
И тут же улыбкой она расцвела без причины.

- Ах, я, мой любимый, как будто заблудшая лебедь,
Я стала казашкой, но съездить на Родину мне бы.
Она вдалеке, но из сердца нельзя ее вынуть,
Поверь, для меня даже воздух Отчизны целебен.

Там детство мое, там младенчества дни пролетели
По склонам пригорков, чья бархатом стелется зелень.
Как грозные львы, что резвятся в пустыне безлюдной,
Калмыки мои там живут под неласковым небом.
Пригорки, калмыки – какое до них-то мне дело,
Там мама моя уж спровадила доченьку в небыль.

Баян-бахадур к нам пришел тогда с войском суровым,
Как волк по овчарне, прошелся по нашим становьям.
Забрал он меня, что рыдала в могучих объятьях,
Родители, плача, за мной потянулися оба.
Сдоив молоко в равнодушное квелое небо,
Взяла с меня мать нерушимое твердое слово.
Сказала она: «Если замуж когда-нибудь выйдешь,
Сама не увидев, ты знай, не одобро любого!»
С тобой я обязана в край наш родимый поехать,
Знай сам, как решать, подчиниться тебе я готова.

У умных глаза не похожи на гной или чирей,
Будь зорок, мой милый, и ямы себе ты не вывой.
Баян полюбил меня с первого взгляда, подумай,
Сойдясь, не обидим ли мы тяжкой обидой батыра?
И если сяйтак на вершину взойдя не спасется,
Лев гневный его пожалеет ли в яростном мире?
Твоя Саарка – ныне гибель для нас, для обоих,
Пределы нужны нам отныне, пожалуй, пошире.
Казахи, калмыки – единый народ ведь по сути,
У нас ты себя не почувствуешь жалким иль сирым.

Вот так оплела словесами Ноян я красотка,
В речах ее искренних трогала каждая нотка.
К Нояну лицо поднесла, обдавая любви своей жаром,
Как было не сдаться ей после такой проработки?
Как было Нояну сдержаться, когда она страстно
Сжимала его в объятиях, в общем, не кротких.
«Давай, я готов!» - он сказал, не подумав минутки,
Решение было поспешным и очень коротким.

Скрепив обещания клятвою самой суровой,
Они до утра миловались в логу, что под сопкой.

Под утро не стал дожидаться рассвета наш витязь,
В табун побежав, скакунов себе выбрал рысистых.
Ему не терпелось уехать с прекрасной калмычкой
В ее распектасную, милую ей так обитель.
Украсив коней серебром и роскошным убранством,
С оружием, пищей, помчались без всяких пожиток.
«Прощай, Сарарка!» - только крикнул Ноян, пролетая
Над степью родимой, которой он больше не житель.
Умчались они. Аул только в полдень проснулся.
Весть первым к Баяну пришла о несчастном событии.

Баян возлежал в белой юрте, один на всю юрту,
Как тигр, что валяется, грязь на солнце под утро.
Вошел аксакал: «Ох, недоброе ночью случилось,
И все рассказал – обходительно, веско и мудро.
Вовсю проклинал он отступников юных и, все же,
Нояна оправдывал, глупым считая проступок.
Он сваливал все на калмычку, мол, подлая дева
Юница соблазнила, который поддался ей тупо.
Баян побледнел, но сказал только: «Ладно, идите,
Подумаю я...» и задумался, видимо, круто.

Остался один в белой юрте Баян наш усталый,
Как раненый тигр, заметался по юрте онshalо.
Поникла его голова под свинцовою ношей,
И гнев поднялся в нем жестоко бушующим валом.
Окуталось все серо-сизым саднящим туманом,
И замерло сердце в предошущении шквала.
Вдруг гнев овладел помрачневшим в раздумьях батыром,
И лампа погасла. В нем разум сразу не стало.
В нем разум погас. Он вскочил и понесся из юрты
Гадокую серой, в которой торчало лишь жало.

Баян как ушел, так ушел навсегда вовсюси,
Коня отвязав, на скаку он был очень ужасен.
Ни шлема не взял, ни щита, ни хотя бы доспехов,
За ним лук с колчаном, взлетая легко, был прекрасен.
Прыжком одолев Обагана просторные степи,
Бросал дробь копыт, словно топотом лишь опоясан.
Несясь, словно буря, дошел к Жолдузеку он в пору,
Где за полдень солнце жарою округу всю красит.
И там вдалеке две чернеющих точки приметив,
Батыр усмехнулся, до цели своей проносяся.

Здесь жили всегда Атыгай в своем Жолдузеке,
В бесплодной земле, в солончаках погрязшей навеки.
Узек – это речка, но речка без трав, без цветенья,
Враг первым являлся здесь, чтоб править этим узеком.
Здесь род Атыгай обнищал от страданий премногих,
Слезами своими наполнив пустыни и реки.
Великий Асан Горемыка назвал ее точно
«Кровавою речкой» – бедствием для человека.
На этой земле, изначально проклятой, несчастной,
Случилось событие, как некая горькая веха.

Две точки чернеющих видит Баян издалека,
Как черная туча, навис он над ними жестоко.
Забыв обо всем, развивая предельную скорость,
Влетел к ним Баян, как посланец жестокого рока.
Не то что калмычуку, он брата признать неспособен,
Над ним власть имели лишь гнева смурные притоки,
В огромный колчан запустил он дрожащую руку,
Весь от гнева трясясь, в целом свете такой одинокий.
Заметив, что брат закипает обидой и гневом,
Ноян повернулся, ласкаясь к нему, розощекий.

К Баяну Ноян повернул тотчас конскую морду,
Направился к брату с повинною юноша твердо.
Увидев, однако, что брат покернел от обиды,
Юнец, испугавшись, коня придержал ненадолго.

Баян и Ноян – в неоглядной пустыне два брата,
Как Солнце с Луной, вызывали невольную гордость.
Один был похож на смеющийся день серебристый,
Другой поражал вас лицою горестно-черной.
И так позабавил юнца он горестным видом,
Что тот, хоть напуган, и, все же, рассмеялся невольно.

Ноян рассмеялся нежданно, как будто ребенок.
Как будто раскрылся цветок – удивительно тонок.
Как будто невольно простят ему милый проступок,
Мол, все же, не чужой, задери его волки, чертёночок!
Однако цветок оказался бессилен пред бурей,
Баян весь дрожал, тетиву натянув всмущенно.
Ноян: «Жан коке!» – закричал, вмиг примчалась красотка,
И тоже кричала Баяну: «Я – Ваша сестренка!»

Но поздно, Баян тетиву уж спустил однозначно.
Баяна геройство известно повсюду алашам
Вонзилась стрела прямо в сердце батыру Нояну,
Слетел он с коня, на Баяна в испуге таращась.
Не слышал Баян, как кричал он: «О, брат мой, родимый!»
Как будто шайтаны скрыли все звуки парящие.
Секунда, и снова он лук натянул свой ужасный,
Нацелясь на ту, что была всех милее и краше!
Стрелой пронзена, на Нояна калмычка упала,
С любовником юным упавшим чуть прежде обнявшись.

Они в миг какой-то с коней боевых послетали,
Слетевши на землю, в объятья друг друга упали.
Успели обняться и дух испустили в объятьях,
Струясь вперемежку, их кровь по телам их стекала.
Затем по земле побежала, струясь и вскипая,
И в жаждную землю без промедления впиталась.
Весь черный и мрачный, темней небосвода ночного,
Прийти в разуменье пытаясь хоть мало-помалу,
Баян постоял, пошатнулся, ловя равновесье,
И рухнул с коня, словно молния в темноту попала.

Безжизненный, долго лежал он, как будто помешан,
От сумрачных мыслей казался весь мир ему тесен.
Собравшись с рассудком, Баян посмотрел на два трупа
И снова застыл, словно в воздухе кем-то подвешен.
В степи вечерело, и солнце клонилось к закату.
В багровой окраске вздымаясь, горела окрестность.
Обняв ковыли, в серебре их ветер заплакал,
Одну из своих затянув печально-траурных песен.
Обняв молодых, Баян зарыдал над телами,
В слезах сожаленья, в горячих слезах безутешен.

В нем сердце, горча, разрывалось буквально на части,
Вскипая слезами, рыдал он от страшной напасти.
Пред ним, словно ягоды две, – им убитые дети.
Над ними Баян – их убийца, такой самовластный.
Они так юны, так безгрешна их милая юность,
Он их целовал друг за другом в раскаянье страшном.
Рыдая один в неоглядной степи, осознал он,
Что гневом подстегнутый, грех совершил он ужасный.
Пред гневом замолкший проснулся теперь его разум,
И стал бормотать: «Что ты сделал, сознайся, несчастный!»

В отчаяньи плакал батыр наш вечерней порою:
«Кто ныне меня назовет мудрецом иль героем?
Ведь раньше гордились отвагой моей все алаши,
Считая, что я обожанья людей всех достоин!
Уаков я честь уронил, но без них и меня нет,
Уйдя от своих, назову ли других я роднею?
Я дик, словно волк, своего разорвавший волчонка,
Проступок я свой чем теперь обелью иль покрою?
Позором покрыт пред страной я любимой своею,
Захочет ли хан мой, Аблай мой, видаться со мною?

Зачем я пошел на проклятых калмыков походом?
Зачем, словно волк, я напал на кибитки их с ходу?
Зачем на глаза мои юная дева попалась –
Лозинкою гибкой и сладостно-вязким медом?

Зачем не всадил я ей в сердце стрелу там, на месте,
Зачем полонил и пригрел, как змею, при народе?
Зачем, словно баба, которой со страстью не сладить,
Дал сердцу безумному, разум поправши, свободу?
Зачем я не сдох от удушия жуткого гнева,
Зачем я вскочил в белой юрте гадюке подобен?

Зачем без раздумий решил эту пару догнать я?
Зачем, как врага, я преследовал младшего брата?
Зачем я не сжалился, видя родную кровинку,
Когда подошел он ко мне, улыбаясь и ластясь?
Зачем он стоит вон все с той же веселой улыбкой,
Меня не кляня, разве я не достоин проклятья?
Зачем обагрил я ладони проклятые эти
Безгрешною кровью юнца, что стоял виновато?
Зачем я убил двух ни в чем не повинных младенцев,
Как яд, меня жжет теперь непоправимость утраты!

Зачем, о красотка, пошла ты за мною, покорна?
Зачем, как змея, ты проникла в объятья проворно?
Ресницы твои, словно стрелы, меня поразили,
Зачем своим взглядом меня поразила невольно?
Зачем величала, ласкаясь, меня своим братом,
Приветствуя издали, словно звезда небес горних?
Зачем ты, смеясь, моего чебачка подловила,
Красотка коварная, что в происках очень упорна?
При жизни тебя я не обнял ни разу, целуя,
Зачем умерла ты, моя баловница, так вздорно?

О, сердце, гори! Слез озера, потоком струитесь!
Лицом как дитя, предо мной мой братишко убитый!
Жестокой стрелой поражен путь в самое сердце,
Вс так же смеясь, в той же позе, ласкаясь, глядит он.
Несчастный твой брат, застрелив тебя этой рукою,
Тебя обнимаю судьбою жестокой разбитый!
Коварный мой лук, не сломался ты при натяженьи,
Рука не отсохла, стрелу запустив по наитию!

Иль, может, нет, нет... Наказал я любимого брата
За то, что себя залятинал он изменой открытой?

Нет мест на земле, что сравняться с моей Сааркою!
И страны другие сравняться с казахов страною?!

Кокше и Косай, как два льва из преданий старинных,
И разве сравнятся с такими другие герои?

Сары и Баян, их потомки, метались, как барсы,
На поле сражений смертельной забавясь игрою?

И если Ноян оказался трусливым, как может
Братишкой Баяна считаться несчастный сей воин?

И если, предав всех, пошел за калмычкой своюю,
Нет горше беды для алашей под вышней звездою!

Увы, забавляюсь, признаться, я мыслю шальною,
Не с этою мыслью пронзил я Нояна стрелою!

Любовь, лишь она помутила в мгновенье мой разум,
Проникнув в меня беспокойной, ползучей змею!

Я брата убил и любимую тоже прикончил,
Возможно ль сравниться в несчастье и безмерном со мною?

«Кoke!» - восклицая, стоял ты, ласкаясь к брату,
Мне б жертвою стать, мой родной, в тот момент пред тобою!

Не жить мне теперь, я себя из страны изгоняю,
Пойду на врага и, погибнув, вину своюю смою!»

Так, плача, кричал он, шатаясь от горя и срама,
Потерей двойною наказан батыр был упрямый.

От горя лились у батыра кровавые слезы,
Из глуби души, где пучиной становится яма.

И даже земля, хоть и каменна, прогнула сердцем,
Печально вздохнула, как, сына жалеючи, мама.

Дул ветер порывами, тоже как будто стена,
То всхлипывал тихо, скрываем надежно кустами.

Шатаясь, батыр потихоньку поднялся на ноги,
Когда показалась, белея, заря над холмами.

Заря, серебрясь, серебром всю округу покрыла,
В предутренней мгле тьма со светом отчаянно бились.
Однако борьба между злом и добром быстротечна,
И тьма, проиграв, убегая, позорно скрылась.
В ту минуту Баян, словно грузом печали сгибаем,
Могилу в степи, как пещеру открытую, вырыл.
И в эту пещеру холодную в мрачной пустыне
Два трупа безвольных, спустивши на дно, положил он.
И вновь зарыдал над могилою бедный наш витязь,
Как только могила двух близких его приоткрыла.

В пригорке он скрыл их, таких молодых и любимых,
Ни горсти земли не просыпав нисколь между ними.
Рядком пред Нояном оружье его он поставил,
Из тех, что им были при жизни особо ценимы.
Потом посидел, лбом упервшись в могильную насыпь,
Слезами, что жгут, изнутри непрестанно палимый.
Потом на коня он вскочил и помчался над степью,
Шепча про себя Аллаха великое имя.
Скакал он, пыля, направляясь к становью Аблая,
Чтоб встретиться с ханом, а также со всеми своими.

Баяну ль в новинку с врагами на саблях рубиться?
Вонзаясь, как сокол, сметал он сарбазов калмыцех.
На поле сраженья вбежав, словно хищник голодный,
Один против сотен любил он с рычанием биться!
Стрелою – доспехи, копьем пробивая грудь насмерть,
Не знала пощады его роковая десница.
И если по-честному, кто из других средь батыров
Мог так за Отчизну в безудержной удали биться?!

И если тогда на совете Аблая он не был,
Нам ясно теперь, что мешало ему появиться!

Вторая глава

Прошедшие дни, как прекрасная сказка, волнуют,
Там были герои, что огненной бурей бушуют.
Без этих героев, подобных пожару в дерзаньях,
Лишь музыка скорби напомнит нам славу былую.
Скорбь эта, всецело ко мне перейдя по наследству,
Мне сердце сжигает, гло прошлому вечно тоскуя.
Нет ныне батыров, зато всюду могилы зияют.
Друг скорби, о прошлом со скорбью напомнить хочу я.
И только тогда бы прошла моя скорбь, если ныне
Я в вас пробудил бы былую державность, волхвую!

Когда заскорблю об алашской участи горькой,
Когда, как в отраве, увязну в раздумьях долгих,
Как будто внезапно грудь солнечным светом наполнив,
Я вспомню Аблая, владыку племен наших стольких.
Престола Аллаха, поверь, Бурабай мне дороже,
Как Мекса Аблая, где всюду паломников толпы.
И если смогу скорбный плач о Баяне сложить я,
Я сделаю это в память героя с восторгом!
Чем больше во мне ядовитых, безрадостных мыслей,
Тем больше о прошлом тоскую я воющим волком!

Ну, что же, читатель, продолжим поэму скорее,
Баян поскакал с Жолдузека теперь, словно рея.
Коня на скаку осыпает ударами плети,
Чтоб тот не трусил, а скакал бы как можно резвея.
Как в вечной печали, темнея, остались пригорки,
Бил ветер в лицо, целуя, смеясь и шалея.
В поклоне учтивом стоя, пролетали березки
Везде вдоль дороги, как девушки в белом, светлея.
Баян все скакал и лишь только к полудню увидел
Вершину Кокше, что, целуя с небом, белеет.

Как прежде, томятся у склона Кокше атаманы,
Не могут тут крылья расправить они в ожиданье.

Аблай им велел подождать, потому они терпят,
Нельзя никому ослушаться грозного хана.
Чтоб время убить, вспоминают легенды о прошлом,
О хане Булате с кровавой, но длинною дланью.
Вояки, уставшие в ставке слоняться без дела,
Увидели точку вдали, что росла непрестанно.
Когда эта точка вплотную приблизилась к ставке,
«Баян!» - воскричали в людской толчее ураганно.

Баян потихоньку подъехал к толпе ошелой,
Приветствуя всех, жест учтивости сделал умело.
Как лебедь – царь птиц на престоле Аблай выделялся,
Баян прежде всех к Аблайхану направился смело.
Он к хану пошел богатырskо поступью веской,
О прочих забыв из толпы, что теперь онемела.
Как тополь, вознесшийся круто над самой пучиной,
С рукою у сердца, он к хану подался всем телом.
- О, хан-государь, моя слава известна алашам,
Ты знаешь и сам, я предан алашам всецело.

- О, хан-государь мой, даны тебе мудрость и юров,
В тяжелые дни ты алашам стал вышней опорой.
Пришел я к тебе с опозданьем и в этом виновен,
Взгляни на меня, был я белым когда-то, стал черен.
Я в бездну попался без брода и тверди, иначе
На зов не приехать твой ханский считаю позором.
Я боли души выставлять к обсуждению не буду,
И ты не выспрашивай, сгинуть иначе мне в пору.
Об одном я прошу, на врага надо выступить тут же,
При запахе крови орлы забывают про горе!

Соскучился, видно, Аблай по Баяну-герою,
За руку взяв, усадил удальца пред собою.
На блюде серебряном дал трапезы ханской отведать,
Не каждому кажется владыка почтенье такое!
Почтив так батыра, ушел он в глубокие думы,
Подобно вершине, ушедшей в туман с головою.

Вдруг он поднялся, обозрев одним взглядом округу,
И все словно сжались под ханскою волей крутою.
Он всех обозрел и был краток в своем выступленьи:
- Под утро – в поход! – так прервал он собранье немое.

Не скажет Аблай слов, раз сказанных подданным, дважды.
Толпа разошлась: приказ готов выполнить каждый.
Толпа разошлась, чтоб готовить коней, снаряжение,
И к ночи легли все, как будто их завтра ждет праздник.
Кокше обняла нежным облачком летняя ночка,
И – важен Кокше синей дымкой окутан державно.
К Кокше и Луна, серебром осыпая, прильнула,
Купался в любви он, такой величавый и праздный.
Волнуясь на озере, волны вскипали приливом,
Целую скалу, утоляли любовную жажду.

Вот ночка прошла. Шевеля все, пополз резко ветер,
К заре он пополз и вернулся с короной рассвета.
И только, белая, с пригорка заря показалась,
Приказ: «Выступаем!» - раздался над тихою степью.
На статных конях, что с литыми копытами будто,
Батыров ряды простили в предутреннем свете.
Клубясь и чернея, как будто кочевье из облак,
Задвигалось войско с выемкой прямо по центру.
И если тут вспомнить нам сказки языц прихоливый,
Земля застонала верблюдом, раздавленным кем-то!

Стремительно движется войско, подобное тучам бегущим,
Мрачнеет порой, как гора, затаившая грусть в своих кущах.
Порою, бушуя прибоем морским, озоря,
Пыгается выявить самых способных и лучших.
Прозвали дорогу отцы наши славные «Пыльной»,
Теряя ту грани, что бывает меж пылью и тучей.
Отряды спешат, позади уж вершины, пригорки,
Их ведет Бутыбай, он не любит средь них отстающих.
Путь в несколько дней был пройден быстро и споро,
Вдаль озера войско собирается гуще и гуще.

Балхаш привечает их волн перехлестом и пеной,
Не пеной, а жемчугом, вечно-манящим, бесценным.
Впадают в него две реки – Карагал и Аягуз,
Из рек самый длинный – Или, баловник неизменный.
Два брата имеет Или, и из этих близняшек
Текес – тот джигит, что отведал воды из Хан-Тенгри.
И, став у Или, поджидали калмыки Аблая,
Избрав это место для будущей битвы ареной.

Бесчисленно войско, и лишь удальцы туда входят,
Калмыки в смятении задумались в поисках брода.
Уса и Церен, свой созвавши совет, порешили:
Казахов уловкою вынудить хитро к отходу.
Послали к Аблаю семь самых речистых калмыков
И так наказали Аблаю сказать при народе:
«Вину признаем мы, простит пусты, Аблай наш великий,
Даем в возмещенье коней мы из лучшей породы,
И юрты даем, и на каждого воина деву,
Верблюда с коврами с персидских ковровых угодий!»

Посланцы, придя, обратились к Аблаю с сей речью,
На день отложил хан с посланцами этиими встречу,
Созвал свой совет, обратился к батырам и биям,
И все же, обсужденья он сам оказался предтечей.
«Не дамся на хитрость, мы выступим завтра на битву,
И там по дороге возьмем их дары мы до сечи,
А то, что осталось, возьмем мы, напав на их войско
На утро другое, то бишь послезавтра... Что, нечем
Вам мне всоразить?» – обратился потом он к совету.
Никто в возраженьях, естественно, не был замечен.

Когда сам Аблай излагает совету суть дела,
Батыры и бии не будут Аблаю перечить.
Застыла толпа в молчанье согласном, покорном,
Казалось, все были решением хана довольны.
Тут встал вдруг Баян, он известен казахам трех жузов.
«Я слово возьму, а ты чти, по обычая, вольность.
Никто не бежит под ружье, где готовится выстрел,

Ни люди, ни звери на тропах степных или горных.
Одобришь меня иль озлобишься, жаждя мести,
Но я возражаю, считаю решение вздорным!

Нет истины, хан мой, когда нет ее обсужденья,
Лишь раб одобряет любое хозяина мненье.
Калмыки когда-то великий Китай обманули,
Равнинных стравляя с китайцами гор постепенно.
И если калмыки не в говоре ныне с Китаем,
Зачем их Китай ожидает с таким нетерпеньем?
Аблай, лучше прочих ты знаешь коварство калмыков,
Хватало казахам калмыков постичь разуменья.
Любой из калмыков обманет, но сам не поддастся
Обману. Аблай, не надейся, пропу, на везенье!

Баян замолчал. Хан сказал все о том же, насупясь,
Он думал, что без подношений остаться им глупо.
И хан, и Баян по два раза сказали о том же,
Смотря безотрывно, никто из них взгляд не потушил.
Блистало в очах их недобре, красное пламя,
Но им не хотелось казаться врагами кому-то.
Толпа угадав, что Аблай стал сердит и не в духе,
Сказала: «Добро!» и закончилось дело в минуту.
Решили вопрос, и теперь в ожидании войско,
Надеяясь, что завтра посланцы прибудут под утро.

Казахи всех жузов считали Аблая тулпаром,
Одни аруахи ему полагались в пару.
Считалось, нельзя властелину такому перечить,
Поступок такой был бесстыдным для малых и старых.
«Кто против, того поразит своей метой особой!», -
Кричали поэты, грозили гадатели карой.
Жалеть про себя стали старцы батыра Баяна,
Он храбрый батыр был и в битвах вернейший товарищ.
Вздыхая печально, они про себя порешили:
«Напрасно был дерзок, остался без счастья ты, парень!»

На этом совет разошелся по юртам охотно,
Ждать утра осталось и войско, поужинав плотно.
Скользя мягким шелком, прошла тихо летняя ночь,
Заря чуть забрезжила, в силу входя расторопно.
И Солнце в зарницах зари золотой разгораясь,
Привет шлет земле, засверкав с высоты беззаботно.
Проснулись батыры, позавтракав, ждали известий.
Иные за дичью охотиться вышли вольготно.
Ждет войско известий, иные уже изождались.
Аблай, помрачнев, погрузился в раздумия, потный.

Ждет войско известий... Заката роскошна картина,
Калмыков вчерашних сегодня нет и в помине,
Неужто Аблай калмыки опять обманули,
Широкого мыслю и мудрого как благостыня.
Светило зашло, и лучи золотые угасли,
И черное марево все превратило в пустыню.
Застыло и войско, подобно пучине, в молчанье,
Аблай теперь должен ответствовать этой пучине.
Очнувшись от горестных дум на исходе заката,
Собрал он людей, чтобы путь вновь найти из трясины.

Собрав свой совет вопрошают Аблай: «Где же выход,
Как можно нам выйти из этого черного лиха?»
Шумят патриархи, то это иль то предлагая,
Канай Карапульский вдруг выступил веско и лихо.
Он вышел вперед, поражая своим красноречьем:
«Калмыки в Китае, теперь их, попробуй, найди-ка!
Коль будем преследовать там их в стремленье упрямь,
Погибнем напрасно, нам лучше вернуться бы тихо».
Аблай помрачнел, но что делать, совет был уместным,
Решили вернуться, хоть и с сожаленьем великим.

На утро отложено войска движенье обратно,
Аблай сидит мрачный, ему это все неприятно.
Заснули батыры, в безмолвии ночь и Хан-Тенгри...
Баян лишь не спит, ему многое здесь непонятно.

«Неужто в казахах нет гордости ратной, с чего мы
Без схватки и битвы пошли, словно псы, на попятный?»
И он, не стерпев, собирать стал по юртам джигитов,
Горячих как пламя, любителей подвигов ратных.
Собрав сто юнцов, поскакал он из стана под утро,
Туда, где Китай привечает калмыков податных.

А войско осталось, лишь сотня отважных джигитов
Летят вдоль Или для врагов и подвохов открыты.
Баян впереди, словно белый взореявший сокол,
Подобный пожару, кричащему травам: «Замрите!»
Грызут удила скакуны, посрамившие ветер,
Лишь дробь отбивают подковами дружно копыта.
И только к полудню увидел Баян, в мираже ли,
Калмыков шатры, побережье всё ими покрыто.
Джигиты, свершив небольшую в горах передышку,
Суроном «Аблай!» поскакали на смертную битву.

На тысячи тысяч набросилась дерзкая сотня,
Как речка в бурленьи бегущая с гор многоводных.
Калмыки вначале, вопя, были в панике дикой,
Котпору они оказались явно не годны.
Но миг погодя, опомнились дружно калмыки,
Собрались, чернея, червям в копошеньи подобны.
По сотне калмыков пришлось на казаха в сей битве,
Дым, топот и крики в одно совместилось сегодня.
Лил с потника пот, кровь струилась, стекая по сабле,
Джигиты сражались – отважны, быстры, благородны.
Казахов ватага без счёта разила калмыков,
В пыли вся и дыме, аж небо смущилось от криков.
Здесь сабля, взлетая, оставила смерть без работы,
Крива, как усмешка, смеялась в усердии диком.
Здесь теплая кровь человечья бежала ручьями,
Стекая в лощины, привыкшие горюшко мыкать.
Во множестве дырок, доспехи рвались, словно тряпки,
Батыры дрались с голой грудью, страшная всех рыком.

На сопке соседней коня со звездою зарезав,
Вожди из калмыков чтят идола, словно владыку.

Полуденный час. Угнетает дух ветер палиящий.
И зной нестерпим, и воздух так спёкся моряще.
Зрак Солнца недвижен, стоит над главами в покое.
На небе – ни тучки и птицы не видно парящей.
Калмыков войска окружили отважную сотню,
Несметны числом, громадою, зло гомонящей.
С коней посбивав многих воинов, лучших в отряде,
Ликуя, калмыки победу уж празднуют наспех.
Но вот среди битвы раздался восторженный возглас:
«Баян, мчи сюда!» – в миг, казалось, последний, пропащий.

Баян, как всегда, в гуще битвы находится жаркой,
Он давит калмыков – бегущих, избитых им, жалких.
Глаза его стали, как два уголька, пламенея,
Кровавая пена взлетает из губ его ярких.
Направо-налево орудя саблей разящей,
Льет кров и калмыцкой потоки с батырским азартом.
Единственный друг Жанагтай, вечно рядом в атаки идущий,
Ныне ранен и бредит, нуждаясь в бинтах и припарках.
Он держится если в седле, то – велением чуда,
Вот-вот упадет для калмыков желанным подарком.

Кто другу поможет рискуя собой среди схватки?
Полезет под саблю, спасая товарища в давке?
Баян наклоняется, чтобы помочь Жанагтаю,
И только к нему он, калмык появляется гадкий.
Огромный калмык поднимает копье над собою,
До крови охочее, бьющее в цель без оглядки.
Вонзает его он в бедро, врасплох заставая батыра,
И, там повернув, хочет вытащить, к удали падкий.
Баян Жанагтая держа пред собою за пояс,
«Стой, баба-калмык! – закричал, словно в диком припадке.

И, выдернув вражье копье, он выпростал руку другую,
Дух предков призвал и, нисколько уже не волнуясь,
Он саблей взметнул, так змея свое жало пускает,
И вмиг голова покатилась на землю сырую.
И рану свою затыкая в бедре большим пальцем,
Пытался унять крови яркой кипящие струи.
Шатаясь, стоял он и нельзя было не любоваться
Величием воина в эту минуту златую.
Но вот он упал и, всё так же обняв Жанатая,
Остался лежать между жизнью и смертью, горюя.

Земля закружилась, и небо упало на землю,
И черный туман перед глазами округу объемлет.
Ему тяжело, он с трудом открывает ресницы,
Как будто в предутреннем сне полуспит или дремлет.
Вот будто он в юрте Аблая сердитого видит...
Вот войско ликует, Аблая за Бога приемля...
Вот видит Нояна с калмычкой волнистоволосой,
Ресницы сбежались, ничто уже их не подъемлет.
В обнимку стоят два возлюбленных близких Баяну,
Кивают батыру, как будто в небесном паренье.

Ноян и калмычка приветствуют молча Баяна,
Как звезды они, что мигают из вечности странно.
Ах, женщин поймешь ли, останутся вечной загадкой,
Она улыбнулась, как будто Луна из тумана.
Нет-нет... показалось... бледна... без кровинки на лице...
Его умоляет о чём-то, как будто султана.
Нет-нет... это сам он вдоль речки Жолды будто скачет,
И видит две тени, бредущих за ним постоянно.
Гадкой метнувшись, стрела в миг две цели пронзила...
И губы Баяна шевелятся еле в страданьи.

«Ах, мне бы рыдать не слезами, а кровью багровой,
Я жизнь отдаю, искупая вину пред любовью.
Я мучился этим, приходит конец всем мученьям,

Мной кровь пролита, и не смою ничем эту кровь я.
Мне Бог не простит, но простят меня братья-казахи,
Здесь жертвой за них умираю я смертью суворой!»
Батыр заметался, в агонии мучась предсмертной,
Вот голову поднял, надеясь увидеть их снова.
Но немы они, не видят его и не слышат,
Ноян, младший брат, не роняет для брата ни слова.

Стоят, обнимаясь, печали полны неизбывной,
Стоят и глядят, не мигая глядят, безотрывно.
«Как может Ноян обниматься с калмычкой своюю, -
Подумал Баян. - Я же тут на глазах его гибну?!»
Ах, бедный батыр, две души погубивший безвинных,
Теперь уж терпи, не отмоют ни слезы, ни ливни.
«Все в прошлом уже, вон смерть меня ждет, дорогие,
Простимся, скажите последнее слово, увы, мне!
Простите меня, подойдите ко мне на прощанье!» -
Ослабшую руку к ним тянет герой наш призываю.

Стал черный туман перед глазами, чернея всё больше,
Калмыки сбежались, чтоб точно героя прикончить.
Кричали они, унижая его и ругая,
Один подошел и пнул руку поднятую, морщась.
Упала на землю рука и осталась недвижна,
Увяло лицо, постепенно исчез в нём свет солнца.
Другой наклонился и, голову лихо отрезав,
На пику ее насадил, качая пред воинов толщей.
Уса и Церен, ликуя в восторге с народом,
Войска одарили гульбою - большою и мощной.

Забыли вожди о тревогах своих и испуге,
Кернаи трубили, звучали сырнаи в округе.
Назавтра, однако, в Китай они быстро собрались.
Боясь, что Аблай не одобрят иные потуги.
Баян, жизнь свою посвятивший величию казахов,
Лежал одиноко, уткнувшись в песок, где-то к югу.
Добрееврагов оказался в степи только ветер,
Песком засыпая, оплакивал тело, как выюга.

Нам волны Или до сих пор повествуют об этом,
Струясь и струясь, журча и журча без натуги.

Народ позабудет героя, но сель есть на свете,
Народ позабудет героя, напомнит нам ветер.
На счастье рожден он народа, и, если, беспечный,
Народ позабудет героя, пустыня заметит.
Народ позабудет героя, но вспомнит пригород,
Нельзя позабыть нанесенных врагу им отметин.
Народ позабудет героя, земля не забудет,
Не зря проливал свою кровь за родные он степи.
И если его не забудут стихии природы,
Народ не забудет героя, вся истина – в этом!

БАТЫР БАЯН

Бірінші тарау

Жүргегім, мен зарлымын жаралыға,
Сұмемір абақты гой саналыға.
Қызыл тіл, қолым емес, кісендесулі,
Сондықтан жаным күйіл жанады да.
Ку өмір қызығы жоқ қажыткан соң,
Толғанып қарашым сол бағыға.
Түйіннің тоқсан түрлі шешуі бар
Әдемі ертегідей баяғыда.
Әдемі өткенді ойлап айны масам,
Сұмемір күшті уын аяды ма?

Ертегі уаттай ма баланы да,
Сез сиқыр гой, жазбай ма жараны да?
Ақын да бір бала гой айға үмтүлған,
Еркімен езі-ақ отқа барады да.
Жай тақтақ жабайыдан жол қалғанда,
Қанды ор бол ақын жолы қалады да.
Ойлайды, күніренеді, толгайды ақын,
Күрсініп көзіне жас алады да.
Ақында адамзаттан дос болмайды,
Жалғыз-ақ сирын сөйлер қаламына.

Мен де ойды ағытамын қаламыма,
Арқаның кез жіберсем алабына:
Сарыарқа – сары дария, қыры жоқ
Кез болсын, қандай қыран, талады да.
Ішінде сары дария кез тоқтатар
Кекшетау – Сарыарқаның аралы да.
Кекшеде күні кеше қойдай өрген
Түрлі аң: бері, бұғы, маралы да.
Айрылыш асав, еркө андарынан
Кекшениң тас жүргег жаралы да!

Аркада жер жетпейді Бурабайға,
Баленген бүйра сысың қарагайға.
Бүлт құшқан мәнгі мен-зен Кекшетауға
Белектау: «Ой, бауырым!» дер анадайда.
Оқжетпес наиза кия қыранға үя,
Қарасаң жанның шері тарамай ма?
Солардың ортасында Бурабай көл,
Мәп-мәлдір, дәп-дөнгелек ұксайды Айға.
Бурабай – Арка аралы, жер еркесі,
Ертеде коныс болған Абылайға.

Бауырында Бурабайдың қалың ағаш
Кекшениң жалыменен біткен жалғас.
Арудын акпен ерген тулымындей
Қарагай, қызыл қайың, тал аралас.
Ертеде жел өтпейтін қызыл ағаш,
Дарига, бұл қундерде жап-жалаңаш!
Қабірінен зулисенің алапша артық
Ертеде Абылайға орда болған ағаш.
Ордасын сол ағаштағы Абылайдың
Меккедей тәуел қылған тамам алаш.

Қын күн тұған алаш баласына,
Шұбырып жапанның сар даласында,
Кез болған жаздан үркіп «Ақтабанға»
Дүшпленің қалғандай боп табасына.
Арқаға аяқ салып, тускен барып
Екі оттың – орыс, қытай арасына.
Қундерде соңыу қара, талсырган ел
Тағдырын Абылайдай данасына.
Сол қунде ел қорғаган Абылайдың
Қылсан да аз қанша тәуел моласына.

Алыстан орыс, қытай – ауыр салмақ,
Жакыннан тыныштылайды қалың қалмак.
Артында – ор, алдында – көр, жан-жагы жау,
Дағдарған алаш енді қайда бармақ?

Сол кезде елге қорған болған Абылай,
Көп жаудың бірін шауып, бірін арбал
Күндердің бір күнінде хан Абылай
Қалмақта (ойна алды) ойран салмак.
Ханынан: «Аттан!» – деген сез шықсан соң,
Ордага батыр, билер келді ағдал.

Жиылды өндеш ноян ыгай-сығай,
Байжігіт, Тасболат пен би Толыбай,
Ту баста Абылайды хан көтерген
Камкоры Қарауылдың шешен Қанай.
Ашуы жауған кардай, шеккен нарадай
Қарт қыран Қанжығалы қарт Бөгөнбай,
Бекенін жас жолбарыс жеткіншегі
Аузынан жалын шашқан жас Жанатай.
Найзасын нақағайдай ойнататын
Жас барыс Бәсентін Сарымалай.

Балталы, екпінді отган Оразымбет,
Сыргалы, шапшаң өктан ер Елшібек,
Өзіне тірі жанды тең көрмейтін
Тәкаштар Қошқар ұлы ер Жәнібек.
Қалданга ханмен бірге тұғқын болған
Жолдасы Абылайдың батыр Жәбек.
Майданда от шашқандай оқ шашатын
Сырттаны Бәсентін ер Сырымбет –
Осындай өндеш кекжал жиынтыста
Күніреніп жолбарытай: «Жау қайда?» – деп.

Әрі ақын, әрі батыр Карабұжыр,
Айтатын өрлең барып аспанға сыр.
Бұқар мен Тәтіқара жырлағанда,
Толқынды тұнтиық бол тәгілер жыр.
Осылай думанменен күндер етіл,
Батырлар ерікті енді жатқанға күр.
Аттан деп әлі айтпаған Абылайға
Кеүжалдар дей бастады: «Жүр енді, жүр!»

Алайда Абылайдан сез болмады,
Сондыктан бұғып, бықсып туды күбір.

Жиналған өншен бөрі Бурабайға,
Алаштың Кебесіндегі ізгі жайга.
Батырлар бүгәудагы арыстандай,
Абылай түнгілік бір терен ойда.
Бәрі де ел қорғаны батыр, билер,
Аттанбай тек жатудан таптай пайда:
«Жүрелік, жау басына!» деген сөзben
Салады Қанай биді Абылайға.
Би Қанай: «Бұ қалай?» – деп бастағанда,
Абылай сұрайды одан: «Баян қайда?»

«Қанайым, ойын удей, тілің шаян,
Амал не, келген жоқ қой батыр Баян.
Кеп жаудың алbastысы, ел еркесі
Баянның батырлығы алашқа аян.
Баянның аруақты құр атынан
Кеп қалмақ болмаушы ма ед корқақ коян?
Наркессен, өрттей ескен, қайтпас болат
Баянсыз қанатымды қалай жалям?!
Би Қанай! Аттанбайды хан Абылай,
Келмесе қандыбалаш батыр Баян!» –

Деген соң ойы теніз хан Абылай,
Аяңдал батырларға қайтты Қанай.
Байлаулы бәрілерді аза қылмай,
Кестелеп, сөзben сипап айтты Қанай.
Күндеу ме, кетеру ме? кім бішіпті,
Батырлар десті жалғыз «Баян бала-ай!»
Кекшениң бауырында өншен кеңжал
Күңдерсіп күтіл жатты күндер талай.
«Жау!» десе жаттайтығын батыр Баян,
Алым-ай, келмеуінің мәні қалай?

* Кебе - Қағба магынасында

Жас Баян жауды талай көрмеп пе еді,
Соргалап сұндардайын төңбесп пе еді,
Майданда жолбарыстай жалғыз ойнағ,
Сан қолға аш берідей кірмеп пе еді?!
Жебесі кебе^{*} бұзып, жүректі үзбей,
Найзасын, сірә, шалтай сермел пе еді?
Бірін айт, берін айт та, басқа батыр
Баяндай «алашым!» деп еніреп пе еді?
Бұл жолы кешігі жай емес қой,
Тұлпарым кез болды гой орга, тегі!

Аркада бір өзенде дер Обаган,
Сол жерде азгана Уақ қоныс қылған.
Уактың ерте күнде өжет-қайсар
Ер Кекше, Ер Қосайдай ері болған.
Сол ері ерте күннің – Ер Кекшениң
Нәсілінен қайтпас алмас Баян туган.
Баяниң ер ағасы батыр Сары,
Қос қыран тізе қосып жауын қутған.
Айналып оны айт, мұны айт, Баянды айт,
Ер Баян алашының бетін жуған.

Ол күндер аз қазақ пен қалың қалмак
Қыран мен кара құстай алысқан шақ.
Баласы алты алаштың Абылайдың
Астында ақ туының табысқан шақ.
Қазактың батырлары бәрі қыран,
Сонда да бір батыр жоқ Баяндай тап.
Жауының бір жорықта бір сұлтуын –
Ер Баян алып қайтқан артына сал.
Баяниң алып қайтқан сол сұлтуы –
Балдырган бебек дерлік, он төрт жаста-ак.

Сол сұлу сұлу екен атқан тандай,
Бір соған бар сұлуплық жиылғандай.

* Кебе – спутник

Торғын ет, шапактай бет, тісі меруерт,
Сөздері су сүлдышлап күйлігандай.
Бір улап көзкарасы, бір айнытқан,
Жұлдыздай еркелеген сөнбей-жанбай.
Лебізі – жібек лебі, жумак желі,
Кәусардай татқан адам қалар қанбай.
Шын ер гой батыр Баян алып қайткан
Еліне сол сұлуды, естен танбай.

Ер Баян жас сұлуды алып келген,
Сұндардай бабындағы сұксыр көрген.
Қан жзуып екі кезін қанды балақ,
Ішмекке қоңыр қаңды көніл бөлген.
Марал бар оққа үшлайтын, тым сақ бірак,
Кезенде кез келсе де қандай мерген.
Болмасын жас сұлудың білгеннен соң
Ер Баян карындас қып ерік берген.
Алайда ар алысқан жүргімен
Тенізде алысқандай күшті сенмен.

Қалмақтың қайсаң қызы қайырылмаган,
Болаттай жасу билмей, майырылмаган.
Жап-жас қыз сүмдигы мол сыр бермейді,
Жандай-ак ойдан аулак қайғырмаган.
Алаштың аруы бол кетсе-дағы,
Жанымен ез жұрттынан айрылмаган.
Сүм сулу анадайдан «агатайла»,
Баянда жан қоймаган жандырмаган.
Сонда да сыр шығармай батыр Баян,
Жастық қып жанын естен тандырмаган.

Осылай іштен күйген батыр Баян,
Баянның батырлығы алашқа аян.
Баянның інсі бар он бес жаста –
Берінің белтірігі – бала Ноян.
Ноянның бар ақылы білегінде,
Билеген асай жүрек, қайнаган қан.

Келгендे-ак сұлудың бір қарауынан
Ноянның жүргіндег үшкын туган.
Сол үшкын өрткө айналып, жап-жас Ноян
Алсызып жүргімен, аласұрган.

Жастықта жалынданып сүйген қандай!
Баладай әксіл жылап, күйген қандай!
Көмессең жан-жарынды өлгендей бол,
Қайғырып күлден кебін киген қандай!
Кеудене жан кірмей ме, кезің шалса,
Өмірің жана ағарып атқан тандай.
Кеуденді қасиетті сәуле кернеп,
Жүргін сол минутте жарылғандай.
Не дерсің салпаң құлақ есектерге,
Өгіздей өмір сүрген сүймей-жанбай!

Ноян да сол сұлуға – тәтті балдай,
Мелдіреп қараушы еді кезі талмай.
Мас болып, дене тутіл, жаны елжіреп,
Жұтқандай сол сәулені демін алмай.
Алайда бұзық ойдан аулақ еді,
Сұлуға, тәнірі көріп табынғандай.
Жанса да жап-жас Ноян, сүм сұлу қыз
Көп заман жүрді бірақ кез де салмай.
Сонда да кейір бір кезде ақ бетіне
Бір нәрсе жүтіруш ед ыстық қандай.

Айға алтын Күн нұрынан сәуле бермек
Шалқыган махаббат – от аспанга өрлеп.
Жүргін езі сүйген отты жүрек
Оятпақ тас болса да, зарлап тербел.
Басында сыр бермеген сүм сұлуға,
Біраздан бола бастар құлқи кермек.
Нояннан о да кезін алмас болды,
Күйдіріп жас жүргін жалын кернеп.
Шешілді екі жастың жұмбактары
Екеуі бір інірде сайда кез кеп...

Сикырлы гулге оранған жібек майда,
Сылдырлап сылқ-сылқ күлгөн терең сайды,
Ерке езен жанын өртөл, жармен ойнал,
Сүйгізген ақ бетінен күміс Айға.
Сондай бір жібек кеште жаны өртеніп,
Екесі «әу!» дескендей барған сайға.
Аулакта сүйіскен жан үшყрасса,
Еріксіз тамырларға у тарамай ма?!

Антасып, айрылмасқа сез байласып,
Бастық деп Арсыға адым санамай ма?

Жас Ноян қызды көріп от бол кетті,
Көздері қызыл жалын шоқ бол кетті,
Жер мен көк, ай, жұлдызды тұман басып,
Бір қыздан басқа нәрсе жоқ бол кетті.
Келді де қызға жалын сөздерімен
Шыгарды жан үшырып іштегі өртті.
Бір күйіп, бір сұнынып, бір елжіреп,
Бірессе жас баладай жасын төкті.
Өртемей отты жүрек қоймақ па екен,
Тақады сулу қыз да бетке бетті.

Қыз сонда: «Ноян бауырым Кебем!» деді,
«Мен сенің сүйгендіңе сенем», – деді. –
«Сүйемін мен де сені, тәндірі күә,
Тән түтіл жаным саган берем?» – деді. –
«Нояным, бірақ сенен қалаудың бар»,
Деді де сұлу ойға терендеді.
Сұлудың сырға толы торғын беті-ай,
Бетінде ешбір толқын көрінбеді.
Біраздан көздеріне жас мәлдіреп,
Жас сұлу жылап тұрып күлімдеді.

Қыз сонда: «Қалаудың бар, Ноян батыр,
Аласқан ақсу құстай мен бір пакыр.
Арканың аруы бол жүрсем-дагы,
Алыста туған, есken жерім жатыр.

Откізген балаусадай бөбек күнім,
Барқыттай белес-белес белім жатыр.
Айбынды арыстандай күмда кезген,
Күніреніп қалың қалмақ елім жатыр.
Барқыт бел, қашқан қалмақ қалсын адыра,
Ата-анам – айым менен күнім жатыр.

Ер Баян біздің елге барған еді,
Көп койга кеңжал ойран салған еді.
Бебегін шырылдатып ал кеткенде
Ата-анам жылап-зарлап қалған еді.
Сорлы анам кекіргін кекке сауып,
Қан жылап менен бір ант алған еді.
Ол анты: «Елдің шетін, анаң бетін
Бір көрмей, козым, ерге бармай!» – деді.
Анама сезім – аныу, езім – мынау,
Жас Ноян, жүгінемін ер деп сени.

Көр болсақ, көрді көрмей, Тәнірі ондай ма,
Ер Баян неге батқан терең ойға?
Мен сорды көргеннен-ақ сүйген Баян,
Қосылсақ, Баянға ауыр дерт болмай ма?
Білкке кетпей қиік ойда ойнаса,
Ашулы арыстанға мерт болмай ма?
Екеуміз Сарыарқадан салар қылсақ,
Қатерсіз қосылұмыз берік болмай ма?
Қаны бір ел еді ғой казақ, қалмақ,
О да бір саған туған жұрт болмай ма?!» –

Деп сұлу сыйырлады сиқыр сезін,
Толтырып меруерттей жасқа кезін.
«Шыдашы, кәне күймей!» – дегендей-ақ,
Ноянға тақап тұрып жалын жүзін.
Жас Ноян жас қанына тұншықдан соң,
Ұмыттай тұрсын қалай ези-еозін!
«Жарайды, даярмын!» – деп айтып салды,
Ойланып бір минут та қылмай тезім.

Сол сайды уәделерін бекітісіп,
Екеуі аймаласты ыстық жүзін.

Сол уақыт мәзгіл екен дәл таң алды,
Тезім қып албырт Ноян күтпей танды,
Жұғіріл жан ұшырып, жаяу барып,
Жылқыдан екі жүйрік тандап алды.
Азырақ азық алып, қару-жарақ,
Жүйрікке әсем абзап түрман салды.
Сөйтті де Сарыарқамен есендесіп,
Екеуі ескен желдей кетіп қалды.
Кетті олар. Сәске болды, ауыл түрді,
Алдымен Ер Баянға хабар барды.

Боз үйде жатыр екен Баян жалғыз –
Керілген күнге еркелеп жас жолбарыс.
Ауылдың ақсақалы сезді әкелген
Деп бастап: «Баян-айым, бір масқара іс
Өткен түн болып қапты...» – деп шұбыртып,
Жаудырды екі жасқа нәлет-қарғыс.
Алайда жас Ноянды актай сөйлеп,
Дей берді: «Қылды-ау бізге қалмақ қар қызы!»
Ер Баян сұл-сұр болып деді бірак:
«Жарайды... Бар, ақсақал. Ойланармыз».

Боз үйде жалғыз қалып Баян енді,
Жаралы жолбарытай күндеренди.
Қорғасын миын, ойын тәмен басып,
Ақылға алғыр құстай ашу тәнді.
Бір көк сұр тұс енгізіп бар денеге,
Сүм жүрек қанды өзіне жинай берді.
Ақыры ашу ерді билеп кетіп,
Жалпы етіп сөнген шамдай ақыл өлді.
Өлді ақыл. Атып тұрып батыр Баян,
Боз уйден оқ жыланцай шыға келді.

Ер Баян сол кеткеннен кете барды,
Мініп ап белдеудегі көк тұлпарды.
Дұлыға, қалкан, көбе қалған ұмыт,
Белінде жалғыз-ақ бір садақ бар-ды.
Бауырынан Обаганның орғып өтіп,
Арыстан айдалада дүбір салды
Дауылдай талмай есіп, желдей үшүп,
Түс ауа Жолдызекке жетіп қалды.
Кермиық Жолдызектің даласында
Алыстан екі қараны кезі шалды.

Атығай қоныс салған Жолдызекке,
Құнарсыз, ащы татыр сорлы өзекке.
Жолдызек – жолсыз өзек, құтсыз, отсыз,
Алдымен жау да салған қолды өзекке.
Айрылып байлығынан, көп соқсы жең,
Кез жасы Атығайдың толды өзекке.
Алаштың Асан Қайғы данышланы
Кетпеген «Қанды өзек» деп, тілті текке.
Ежелден құт дарымай, қағынған жер,
Қайғылы бір іс болды сол өзекте.

Алыстан екі қара керді Баян,
Кілегей қара бұлттай тәнді Баян.
Ой жоқ бол, жүрек шоқ бол, құр екпін бол,
Сұнкардай сорғалаған келді Баян.
Қызы түгіл, қаны бірге өз бауырын
Танымай қалғандай да болды Баян.
Байланған белде сала садағына
Қалышылдал қалды салып қолды Баян.
Ашуын арыстанның байқаған соң,
Майсып тұра қалды жап-жас Ноян.

Жас Ноян жүйрігінің мойнын бұрды,
Жас Ноян Ер Баянға қарсы журді.
Жақындал келіп қалып ағасына
Түсінен шошыды да, тоқтап тұрды.

Жапанды аға-іні: Баян, Ноян –
Алып кел кез алдына Ай мен Күнді.
Дұрысы – күміс күлгөн күндіз бенен
Түнерген кара бүлттай кара түнді.
Алайда, ерке бұлан Ноян-ұлан
Ашұлы ағасына қарап құлді.

Бір құлді балдыргандай Ноян бала,
Ашылған шешек жарып гүлдей жана.
Еріксіз сотқарлығын кешреттін
Еркелеп ерке ұландай құлп қана.
Көрсө де дауыл гүлді – басылмады,
Ер Баян арыстандай жаны жара.
Қалышылдал, кезі қан боп, қолын алмай
Байланған садағынан белде сала.
Жас Ноян: «Жан кеке!» дед сөз қатқаша,
Сұлу да жетіп келіп: «Баян аға!» –

Дегенше, қалды тартып батыр Баян,
Баянның батырлығы алашқа аян.
Оқ тиіп жүргінен құлап түсті
Атынан бүктетіліп бебек Ноян.
Жын шуы басқандай боп, естімеді
«Жан кеке, аға!» деген сөзді Баян.
Садағын сол секундте тарғы тағы
Бір ашып, бір жұмбай да көзді Баян.
Үстіне інісінің денесінің
Түсірді тағы ұшырып қызыды Баян.

Екі жас аттарынан ұшып түсті,
Түскенде бірін-бірі құшып түсті.
Жүректен атып ыршып шықкан қанмен
Жалғыз-ақ «Ah» десті де, «Жаным!» десті.
Комағай кара топырақ бүлкіл қагып,
Асығып екі жастың қанын ішті.

Күлдей ку, тұңқыраған түндей болып,
Жия алмай, күр тенселіп, ақыл-есті,
Тұрды да біраздан соң батыр Баин,
Атынан есі аугандай құлап тусти.

Бірталай талғандай бол жансыз жатып,
Тұнғылқ қемескі көп ойға батып,
Ер Баин есін жиып, екі жасқа
Бір қарал, қара тастай қалды қатып.
Сол кезде сар дала да күнгірт тартты,
Еңкейп бара жатты күн де батып.
Құшақтап ақ селеуді жылады жел
Өзінің қасірет жырын қонырлатып.
Құшақтап екі жасты қуніренді ер
Кезінен ыстық жасты сорғалатып.

Қайғыдан жарылғандай қайран жүрек,
«Ун-ун!» деп үзілгендей есіл езек.
Қасіреті қара түндей Ер Баинның
Алдында бұлдыргендей екі бебек.
Аузынан уыз шыққан екі жасты
Ер Баин сүйді құшып кезек-кезек,
Жаланда жала-жалғыз еніретті ерді
Әлгіде ойды улаған ашу кезеп.
Ашудан бұғып қалған корқақ ақыл
Күбірлей бастады енді: «Мұның не?» – деп.

Зарланып қуніренді батыр Баин,
Мезгілде күнгірт тартқан кешке таман:
«Кен ақыл, отты қайрат, сырттаным» – деп,
Ер едім еркелеткен алаш тамам.
Сындырдым аз ғана Уақ елім белін,
Елімнен кетіп елді қайдан табам?
Жейтуғын ез күшігін болдым бөрі,
Ісімді мынау ағат немен жабам?
Қарабет болдым алаш баласына,
Ер дер ме енді мені Абылай данам?!

Жорыққа қу қалмакқа жүрдім неге?
Тобына кек бөрідей кірдім неге?
Тәтті бал, балауса тал жас сұлууды
Көр болғыр, екі қозім, көрдің неге?
Садақтан жүргінен тартыл кетпей,
Жыландаі бауырыма сап келдім неге?
Әйелдей баса алмайтын жүрек жынын
Есалан жүрекке ерік бердім неге?
Буынып сол боз үйден шықтай өлмей,
Атылып оқ жыландаі түрдым неге?!

Ойламай, белді бекем будым неге?
Қозымды қас дүшпандай құдым неге?
Майысып Ноян қалқам, ерке марқам,
Қасқып қарсы алдыңда түрдым неге?
Бауырыма тас жүргім жібімеді-ау,
Бір ата, бір анадан тұдым неге?
Салдырап шіріл қалғыр саусақтарым
Қанымен ез қозымның жудым неге?
Күнәсіз екі жасты өлтіргенше,
Өлмедім ішіп уын удың неге?!

Сұлу-ай, қалмай маған ердің неге,
Жыландаі бауырыма кірдің неге?
Қадалды оқ-кірпігін жүрегіме,
Жүрегім тілім-тілім тілдің неге?
Жүрдиздай аспанда алыс жымындаған
Алыстан «агатайлаг» күлдің неге?
Секіріп суда ойнаған шабағымды,
Сүм сұлу, қармагына ілдің неге?
Тірліктеге бетінен бір сүйе алмадым,
Тіл тартып, ерке тотым, өлдің неге?!

Күй, жүрек! Кел бол, жасым! Өрген, ішім!
Алдымда айнам жатыр бебек пішін.
Сүм садақ кетсе де үзіп жас жүргін,
Жойған жоқ құлыншағым ерке түсін.

Сорлы ағаң атып жығып ез інсін,
Иіскейді енді зарлап алпақ тессін.
Тартқанда сынбадың ау, сұм садағым!
Қайтейін, арымадың, арда күшім!
Жоқ, әлде, жоқ, жоқ... Әлде... Өлтірдім бе,
Інімді алты алаштың намысы ушы?!

Арқамдай жер жүзінде жер бола ма?
Айбынды алашымдай ел бола ма?
Алашта ертеде еткен екі арыстан:
Ер Кекше, Ер Қосайдай ер бола ма?
Солардың наслінен Сары, Баян,
Барыстай ойын салған сар далада.
Інсі Ер Баянның, жасық Ноян
Агадан азып туган дер болар ма?
Күл болса бір қыз үшін балдырганы
Алашқа бұдан да ауыр шер бола ма?!

Дарига, жубанамын, жел ойменен,
Тартқадым сұм садакты бұл ойменен.
Тандырган мені есімнен ғашықтық қой,
Бір тынбай сұр жыландай жаңым жеген.
Өз бауыры, ез сүйгенін езі өлтірген
Болар ма, сірә, сорлы адам менен?!

Алдыңда «Кекежан!» деп күліл турған
Садага кетпедім гой, қозым, сенен.
Ел беті енді маган болсын арам,
Алашым, аттанамын, жауында өлем!» –

Деп зарлап, күнірәнді жаралы ер,
Айрылған екі жаңнаң қаралы ер.
Зарланып кезінен қан тамшылатты,
Тұнғылқ жаңды жеген қап-қара шер.
Жүргегі тас болса да шыдай алмай,
Камығып, кайғы басып, курсінді жер.
Молайтып минут сайын қасірет жырын

Жанында өксіп-өксіп жылады жел.
Бозарып бел артынан таң атканда,
Сокқыдан сенделгендей, тұрады ер.

Күміс таң жерге күміс сәуле шашты,
Сәуле мен қарангылық араласты.
Алышас жадал, арам бекерге ұзак,
Женіліл қарангылық жылжып қашты!
Сол кезде жаны жара батыр Баян,
Үнгір ғып кара жердің бетін ашты.
Жапандың қазған сұық тар үнірге
Көтеріп көмді әкеліп екі жасты.
Топырак екі жанын жасырған соң,
Ер Баян тагы көл ғып төкті жасты.

Ер Баян көмді екеуін дөң басына,
Түсірмей бір топырак ортасына.
Ап шықсан қаруларын сүйеп-сүйеп,
Ноянның көмді бәрін ез қасына.
Отырды топыракқа ұзак басын қойып,
Шомылып қанды ыстық кез жасына.
Аздан соң мінді атына батыр Баян
Сиынып бір жаратқан Алласына.
Жолбарыс жортып кетті бетін түзеп,
Шандатып, Абылайдың ордасына.

Жас Баян жауды талай көрген еді.
Сорғалап сұнкардайын тәнген еді.
Майданда жолбарыстай жалғыз ойнал,
Сан қолға аш берідегі кірген еді.
Жебесі көбе бұзып, жүректі үзіп,
Найзасын ылғи дәлдеп сермелеп еді.
Бірін айт, бәрін айт та Батыр Баян
Тұғаннан «Алашым!» деп еңіреп еді.
Көкжалдың осы жолы кешіккені,
Осындай тұллар орга кез кел еді.

Екінші тарау

Откен күн таң-тамаша ертегі гой,
Ерлері ертегінің өрт еді гой.
Айрылып от екінші ерлерінен
Алаштың жанында ауыр дерг еді гой.
Сонау дерт түгелімен ауып маган,
Дарига, жүргемді ертеді гой!
Ер көрмей, көрден басқа, сүм өмірде
Шерлі жан шерлі кеңес шертеді гой,
Жадырап жаным, шерім тарқар еді,
Кеңесім тыңдаушыға сала алса ой.

Күніреніп ойлаганда алаш жайын,
Жанымды орай берсе улы уайым.
Кеудеме күнің нұры толғандай бол,
Жырлаймын алты алаштың Абылайын.
Арсыға аскандаймын, тауап қылсам,
Кебедей Абылайдың Бурабайын.
Күніренген жырымменен мен разымын
Алаштың жоқтай білсем Баян-айын.
Жырлаймын, күніренемін өткенді ойлад,
Кеудеме улы уайым толған сайын.

Кірейін кеңесіме күніренткен,
Ер Баян жәнелді енді Жолдызектен.
Қамшыны қеміп-қеміп алды бетыр
Ашуын алатында тұлпар көктен.
Мұнайып мәңгі мұрды бeldер қалды,
Жынды жел сақ-сақ күліп сүйді беттен.
Жан-жакта жас қайындар кала берді
Иіліп әдепшенен салем еткен,
Ер жортты. Сәске болды, кезі көрді
Көкшени бал алысқан аспан-көклен.

Көкшеде өңшен көкжал аялдаған,
Қырандар қанаттарын жая алмаған.

Ханына Абылайдай: «Болады!» – деп,
Бір берген сөзден еддер тая алмаган.
Ерігіл, әңгіме қып еткен күнші,
Канішер Болат жайын баяндаған.
Кайратқа құса болған сол қырандар
Алыста қара көрді аяндаған.
Жақындал қара ордага келген шакта
Шықты айқай топтан шулап: «Баяндаған!»

Аяндал толқа тура келді Баян,
Келді де көпке сәлем берді Баян,
Кудай бол құс төресі топ төрінде
Отырган Абылайды көрді Баян.
Басқаға мойын бұрып бір сез қаттай,
Абылайды балпаң басып журді Баян.
Бейтерек тұнғызыққа төнгеніндей,
Алдында кол кусырып түрді Баян.
Түрді да деді: «Алдияр, сезім қыска,
Екенім мемің Баян алашқа аян.

Алдияр, ел ағасы, ханым дана,
Алашқа ауыр кунде болған пана.
Кешігіп, күнәлі боп, енді алдына
Келді ерің іші жалын, жаны жара.
Тұнғызык кез болды гой кепшуі жоқ,
Болмаса шыққанда «Аттан!» ер тұра ма?
Талқыга жан жарасын сала алмаймын,
Мәнімді мен айтпайын, сен сұрама.
Тілегім – енді жауға аттаналық,
Қан көрсе, кас қыранда шер тұра ма?!

Абылай ерін күткен көптен зарығып,
Қолынан Баян-айын алды тартып.
Алдына отыргызып, күміс кернеу
Керсенинек кеңжальына берді сарқыт.
Берді де бугіп басын ойға кетті,
Аскардай ой билеген мәнгі қалғып.

Аздан соң көтеріліп жан-жагына
Карады жер жиһаниның бәрін тарғыл.
Карады, қыран сезі қысқа болды:
«Таң ата жүреміз!» – деп берді жарлық.

Ежелден Абылайда екі сез жок,
Сез шыкты: «Болады!» – деп, тарады топ.
Топ тарап, ат-турманың даярлады,
Біраздан дамылдады ел, мезгіл түн бол.
Жібектей жұмсақ жылы жаздың түні
Бұлттымен құшақтады Кекшени кек.
Керілді ерке Кекшес күміс Айға:
«Сәуленді, сәулем, кәбірек тәкші-тәк!» – деп.
Бетінде Бурабайдың ерке толқын
Бір тынбай, күліл жарды сүйді шеп-шеп.

Түн етті. Жер шетінде алтын танды
Жоргалап, жұз бұралып, жел қарсы алды.
Сарғайып сары белден таң атқан соң
Абылай колға: «Аттан!» – деп жабар салды.
Бәрі де болат түяқ бедеу мініп,
Батырлар қатар түзеп келіп қалды.
Жәнкіліп күзді күнгі көшкен бұлттай,
Кал-қара, ортасы ой бол, қол қозғалды
Асырып ертегіше айтқан жаңа
Кара нар қайыспайтын жер шайқалды.

Жәнкіліп көшкен бұлттай барады қол,
Кейде қол тұнерген тау, қайысы мол.
Кей кезде тентек толқын екпінімен
Шу қойып, шабуылдал алады қол.
Шаны – бұлт, бұлтты – шанға айналған соң.
Атаган ерлер жолын деп: «Шанды жол».
Тартты қол. Қалды өрлер. Қалды белдер.
Бастаган Бұғыбай басшы қол көрмес шел.
Бірнеше тәулік бойы тынбай тартып,
Кол енді жүрді бойлап бір айдын көл.

Балқаш қой, бұл айдыны, сылдыш қақкан,
Балқаштың бетін мәнгі меруерт жапқан.
Каратал, Аяғзабен – еш кезі,
Еркесі – Іле өзені ұзын ақдан.
Басы егіз ерке Іленің: Кенес, Текес,
Тәнірінің* тентек Текес дәмін татқан.
Бойында сол Ілениң қалың қалмак
Абайлап Абылайды күтіп жатқан.
«Қайда, – деп, – қазақ?» бұрын желіккен жау
Көрген соң көп қазакты ойға батқан.

Қазақтың қалың қолы ерлер кілен,
Батырды көп қалмақты ойға терең.
Қазақтан құлықпенен құтылмаққа
Кенесті қос қоңтайшы: ұса, Серен.
Жіберді, кенесті де, жеті қалмак,
Сөздері: «Абылайдан бар да тілен!
Ағаттық бізде болды, кешсін Абылай,
Ақ отау, айдаған мал бәрін берем.
Тағы да ер басына бір ару мен
Кара нар айбымыз, қалы қілем».

Жеті елші осы сезбен келген ханга,
Каратып ез жауабын ертең таңға,
Салады мындау сезді хан Абылай
Би-батыр, қасындағы көп қыранға.
Салса да, алдыменен езі айтады:
«Түспесспіз, тірі болсақ, алдағанға!
Күні ертең не бергенін жолдан алып,
Калғанын алсақ қолдан аргы таңда.
Ерлерім, ойым осы! – деді Абылай, –
Бұл ойды теріс дейтін адам бар ма?»
Абылай айта қалса істің жайын,
Би-батыр теріс дей ме Абылайын.

*Тәнірі – Хан Тәнірі тауы

Қалың топ тым-тырыс бол тұрған шакта
Дегендей: «Ерік иеде, біздер дайын!» –
Ерлігі алашақ аян батыр Баян
Түрді да деді: «Алдияр, Абылайым,
Мергеннің мылтығына қарсы жүрмес,
Қырдағы адам түгіл қуландайын.
Сезімді не кектерсің, не жуптарсың,
Ойынды теріс дейді Баян-айын!

Талқыға салмай шындық табылмайды,
Құлғана қожаны ылғи қабылдайды.
Ку қалмақ күні кеше алдамап па ед,
Шондитып Ой қытай мен Өр қытайды?
Қытаймен күні бүтін жалғаспаса,
Қытайға қалмақ неге қанат жайды?
Абылай артық тұган неге ұмытсын,
Қазакқа қалмак сырьы аяндай-ды.
Қалмақтың карты түгіл, қалшасы* да,
Алдатпас, алдан кетер Абылайды! –

Токтады Баян. Абылай тағы ез сезін
Кайта айтты, біраз шытып кәрлі жүзін.
Хан да екі, Баян да екі қайырысты,
Алмaston бір-біріне тіккен кезін.
Жиналып кездеріне қызыл жалын
Қалса да, сыр беріспей қылды тезім.
Қалың топ хан ашуын байқаган сон,
Ағытты «әрине» деп, сезіндің безін.
Шешілді сез, қол енді күтіл қалды,
Елшінің ертеңінде келер кезін.

Алты алаш Абылайдай аргымагын
Алаштың аруагына пар қылатын.
Бетіне Абылайдай ардагердің
Келуді алты алашақ ар қылатын.

* қалшасы – жас баласы

«Бетінегелген жанды согар кие!» –
Деп жырау, жауырыншылар жар қылатын.
Баяның сезін естіп қариялар
Ішінен ерін аяп: «А, шырагым!» –
Десті де курсінісіп, кесіп койды:
«Қайтад, – деп, – осы жолы, Баян, бағың!»

Серпілді соныменен кеңес енді
Кол күтіп жатып қалды келер күнді.
Жібектей жылжып өтіп жаздың түні
Таң құлан, күн шығыста, иектенди.
Алтын Күн алыстағы арайынан
Жарқырап шығып жерге сәлем берді.
Кол тұрды, аукаттаның, хабар күтті,
Ерлердің еріккені анға журді.
Кол күтті, уақыт өтті, ерікті ерлер,
Ауыр ой биледі Абылай кеменгерді.

Кол күтті, уақыт өтті. Күн батар шақ,
Жерде еді қой кешіндей қалың қалмак.
Кең ойлы Абылайдай данышпанды,
Ку қалмақ кеткен месшин-ақ алдал?!

Күн кірді арайына, шапак батты
Қал-қара толқындарға толды жан-жак.
Кол тынған бір толқынсыз тұнғықтай,
Мүшкіл бол Абылайға бір сез салмақ.
Індердің соңын ала хан Абылай
Серпіліп ерлеріне қылды жарлық.

Ерлерін жылп Абылай – ел агасы
Сұрайды: «Мынзу істің не шарасы?»
Қырандар эрі-бері толқысқан соң
Канайы Қарауылдың – топтың басы,
Сандылдаш сурырып сейлей берді:
«Қытайдың кол ұсыным шекарасы.
Қалмақты Қытай кірген зерттер болсақ,
Казактың бірі қалмай мерт боласы!..»

Тұнжырай қалса-дағы хан Абылай:
«Қайту!» деп, сөздің болды бітуанасы.

Таң ата қол қозғалмақ кейін карай,
Ұрылған көнілі қаяу хан Абылай.
Қол жатқан, жым-жырт басқан, таң да таяу,
Жалғыз-ақ жатқан ояу Баян бала-ай:
«Аптырым-ай, алаш арын жоқгамастан
Жөңкіліп бул қайтудың мәні қалай?» –
Деді де атыш тұрып топ ішінен,
Ерлерден от екпінді, жолбарыстай
Жұз жасты жолдас қылып тарта берді,
Таң ата: «Қайдасың, – деп, – қалың Қытай?»

Қол қалды. Жұз жолбарыс майданды ойлап,
Тартады шабуышмен Иле бойлап.
Алдында ак сұнқардай батыр Баян,
Екпіні қауға тиген ерттей ойнап.
Бедеулер болат түәк желден үшсүр
Алысып, ауыздықты қарш-қарш шайнап.
Сәскеде сағымменен көрді Баян
Кеп қалмақ Иле бойын жатқан жайлап.
Жұз бөрі аз дамылдап алысты да,
Ат койды қалың жауға «Абылайлап».

Жұз қыран мың сан қолға араласты,
Оргыған аскар таудан судай тасты.
Шыдамай жұз екпінге, шулай беріп,
Қалмақты ә дегендес қара басты,
Аздан соң есін жиып бөріккен ел
Кару ап, қара құрттай құжынасты.
Аз болса, бір қазаққа жұз қалмақ кеп,
Ат қойып, қику салып, қамаласты.
Тер саулап тебінгіден, қылыштан қан,
Шаң, тутін будак-будак аспанға асты.

Аз қазақ көп қалмаққа салды тойды,
Көк аспан қара түтін шанға тойды.
Алласлан ажалменен бәсеке бол,
Канішер, қайзы қара қанға тойды.
Жыл-жылы адам қаны бұлқіл қагып,
Куалап жылжи берді ойдан-ойды.
Көк көбе шуберектей шүрк-шүрк болып,
Жыртқызды ерлер дал-дүл тұла бойды.
Анадай дөң басында ұса, Серен
Куыршак құдайына қасқа сойды.

Шанқай түс. Қызыл-жалын бір жел ескең,
Зәндем от, әуе айналып жерге түскен.
От түбі токтап қалған, жылжымайды,
Аспанды жоқ бір жағырақ бұлт та көшкен.
Сол кезде қара бұлттай қалың қалмақ
Қажытты жүз қыранды жаннан кешкен.
Қазақтың көбін аттан түсірген соң,
Қалмақтың қуаныш пен қикуы ескең.
Сол кезде қалың топтың ортасында
Шыкты шу: «Мұнда Баян! Баян!» – дескен.

Қалың қол ортасында батыр Баян,
Баяның батырылығы алашқа аян.
Екі көз екі қызыл шоқ бол кеткен,
Аузынан көбік болып бұрқырап қан.
Оң-солға алласпанды сілтегенде,
Булақтай қалмақ қанын бұрқыратқан.
Жанында жалғыз жолдас жас Жанатай
Қансырап зорға ғана кірлік қаққан.
Түзеліп отыруға халі қалмай,
Кисайып бара жатты қуалап аттан.

Жолдас дер ердің ері-ақ қан майданда,
Жан беріп жолдасы үшін алласпанды,
Еңкейіп сүйемек бол батыр Баян
Жолдасы Жанатайға айналғанда,

Бір қалмак енгезердей көк наизамен,
Білмеген, сірә, тою қызыл қанга, –
Қапыда қайран ердің сүбесіне
Бойлатып сұғып тұрып, бұлғаганда
Ер Баян Жанатайды алдына алып:
«Қыларың, қатын қалмақ, тағы бар ма?» –

Деді де сурып ап жау наизасын,
«Алаштың аруағы, – деп, – қайдасын?!» –
Жыландај жарқ еткізіп алдаспанды
Түсірді топ еткізіп қалмақ басын.
Бұлактай аспанға атып, қан шашыған
Жарага тығып тұрып бармақ басын,
Қаскиып қан майданда тұрып қалды
Қайран ер, қайсар Баян, жолбарысым!
Алайда уақыт етті, құлап түсті,
Құшактал Жанатайдай жан жолдасын.

Жер мен көк шыр айналып араласты,
Кез алдын қара түтін тұман басты.
Тәтті бір жазғы таңда қалғығандай.
Ер кезін оқтын-оқтын жұмып ашты.
...Көргендей болды ашулы Абылайды,
Қалың қол: «Әне, Абылай!» – деп шуласты.
Тағы ашты жұмған кезін, тағы көрді
Алдында жас ұлан мен Толқыншашты,
Екеуі құшактасып жап-жақын тұр,
Басымен ишара етіп амандасты.
Алдында Ноян менен Ақшамандай,
Жұлдыздай жымындаган сөнбей-жанбай.

Сұлудын сексен сырлы жұмбақ жаны-ай,
Ерніне элде болса күлкі алғандай.
Жок.. Күлкі жок.. бетінде тамшы қан жок,
«Агалаг», жанұшырып жалбарғандай.
Жок.. езі Жолдызекте жортады-мыс,
Алыста екі қара көз шалғандай...

Үмтүлды оқ жыландаі.. садақ пен қан,
Кезерген ердің ерні козгалғандай:

«Көзімнен неге ақтайды қан бол жасым,
Жан беріп, жазғаным гой, жан жарасын.
Кетсе де жаннан жара, қан кетпек пе?
Дарига, жазамнан да құнәм басым!
Құнәмді Тәнірі кешпес, кешер бірақ
Жауында жан берген соң алты алашым!» –
Кайран ер аласұрып, жаңушырып,
Көтеріп, көз жұмұлы, алып басын,
Жан бауыры жас Ноянға ым қағып ед
Жас Ноян құша түсті Толқыншашын.

Екі жас қайғысы мол құл-ку жүзді,
Екеуі құр қарап түр алмай кезді.
Кекесі жан бергенде, бебек Ноян
Тұрғаны мәні қалай құшып қызыды?
Дарига, беті қара сорлы Баян
Шығарған ез қолымен екі кезді:
«Іс етті. Ажал жетті. Енді не бар?
Қоштасып айтысалық соңғы сезді!
Келіндер, қарастарым, кешіндер!» – деп,
Ер Баян әлсіз ғана қолын созды.

Кез алды енді мәнгі тұман болды,
Жапырлап, жан-жағына қалмақ толды.
Баянды балағаттаң, ісіл-кеуіп,
Бір қалмақ қалды теуіл созған қолды.
Сылқ етіп, созылған қол жерге түсіп,
Жүзінің бірте-бірте нұры солды.
Баянның басын бірі кесіп алыш,
Бұлғады наизага іліп, онды-солды.
Куанып қос қонтайшы – Ұса, Серен,
Алғыска көмді елірген қалың қолды.

Көңілінен Ұса, Серен кеткен қауіп,
Қуанып, сырнай-керней қылды сауық.
Алайда, Абылайдан сескенген соң,
Жөнелді ертегіне Қытайға ауып.
Алаштың ардагері батыр Бағын
Бір қырда қала берді топырақ қауып.
Жаудан да мейірімді бол жылады жел,
Күніреніп, ер денесін құммен жауып.
Іленің толқындары әлі күнге
Айтады ерге жырау ауық-ауық...

Ерлерді ұмытса да ел, сел ұмытпас,
Ерлерді ұмытса да ел, жел ұмытпас.
Ел үшін жаңынан кешип, жауды қуған
Ерлерді ұмытса да ел, шел ұмытпас.
Ел жауын зерттеп, өрт бол, тынбай жорткан,
Ерлерді ұмытса да ел, бел ұмытпас.
Ел үшін тәккен ерлер қанын жүткан
Ерлерді ұмытса да ел, жер ұмытпас.
Арқаның селі, желі, шөлі, белі
Ерлерді ұмытпаса, ел де ұмытпас!

НА КРУЧЕ ОКЖЕТПЕСА

В Саарке не сравнялся другая земля с Бурабаем,
Никакая земля не баюкает мысль так, лаская.
Если озеро в ряби и горы Кокше ты не видел,
Не оставит тебя сожаленье, в тоску погружая.
Окжетпес там обнял мощновздыбленной кручей тучу,
К небу мысль не взметнет высоко так вершина другая.
Коль ничто в Саарке не сравнялся в красе с Бурабаем,
То в Алаше достойных Кене средь мужей мы не знаем.
Где ты ныне Кене – от печали в Кокше изнывавший?
В этом мире все призрачно, сердце печаль мне седляет...

Днем и ночью Кокше дремлет, маревом зыбким подернут,
От клубящихся туч на вершинах он кажется черным.
Весь в деревьях косматых стоит перед ним Болектау,
Квеликану Кокше распостерши объятья просторно.
Между ними, прозрачная, круглится озеро-чаша,
Где под ветра порывами сыплются жемчугом волны.
Окжетпес над тем озером каменной башнею стройной,
Словно кладка за кладкой, вздымается как рукотворный.
К крутизне окжетпесовой – к писку, подобному пике,
Лишь Кене, дерзкий духом, свой шаг направлял

непокорный.

Удальцов у казахов извечно во множестве было,
Кто из них Кенеке уподобился духом и силой?
Нет, не мужи они, просто выродки с видом героев,
Увлекавшие лицо свой не в небо, а в затхлость могилы.
Хан Кене, оказавшись во власти мятущихся мыслей,
Заметался по бору, как будто тоскуя о крыльях.
Есть пещера в горах, расположенных за Окжетпесом,
В той пещере, укромной, какое-то время пробыл он.

Вдруг однажды стихия взбесившимся ветром взыграла,
Ветра хохот безумный способен разрушить был скалы,
Поцеловано дерзко губами холодными ветра
Забурлило и озеро, пеняясь игриво и шало.
Этой ночью герой мой, нахмурившись мрачно в пещере,
Думал думу свою, нечувствительный к грохоту шквала.
Чтоб казахам в неволе дорогу найти в бездорожье,
Рассекал себе сердце он думой, не знающей жалость.
«О, народ мой алаш, я и хан твой, и твой простолюдин,
Ты прими меня в жертву...», — в нем мысли, волнуясь,
вздыхались.

Погрузившись в раздумья, никак Кенеке не воспрянет,
Взор орлиный его время смутное застиг туманом.
Наконец, встрепенулся, вытолкнув в выдохе горьком
Ядовитую выкипень мыслей, горчащих, как рана.
К Окжетпесу шагая уверенной поступью валкой,
Словно тигр, оставляет следы он в сырьих барханах.
«Оказаться б сейчас мне на этой немыслимой круче...», —
Закрывает глаза он, подаввшись к предмету желания.
В тот же миг, вновь открыв их, на круче себя он увидел,
Наяву ли, во сне ли, а может, за гранью сознания.

Вновь открывши глаза, он видит, застыв в изумленье,
Непроглядную темень, в которой ни света, ни тени.
В небе молнии блещут, недобрую тьму раздробляя,
Глухо сосны шумят, наполняя округу смятеньем.
А внизу, далеко, у подножья скалы Окжетпеса,
Волны бьются о камни с грохотом, воем, шипением.
Пораженный всем этим, припомнив обычай предков,
Кенеке вспомянул аруаха в невольном смущенье.
Только стоило вспомнить ему аруаха, как тотчас
Перед ним аксакал появился тревожным виденьем.

Головою кичнув, словно тихо прощаюсь с покоем,
Бровь дремучую старец в безмолвии поднял рукою.

Его тело клубилось, как белое облако в небе,
Словно тучи мятущ, жизнь прожил он за их пеленою.
Белизною слепят, словно пеной озерной отмыты,
Его длинные волосы с длинной до пят бородою.
Только стоило старцу отверзнуть уста для привета,
Как шум волну подноожья усилился, сдавленно воя.
Тогда старец в печали к Кене обратился так: «Здравствуй,
О Кене, сын народа, мой тигр, что бессмертъя достоин!

Подойди же, сынок, что доблестью пращуром равен,
Одинокий мягкожник, стиснутый словно в облаве,
Я святой Ага Пир, аруах твой, тебя берегущий
От вражды и навета тех, кто низок честью и нравом.
Это я тебя поднял с земли, ожидая на круче
Век за веком тебя, в ком надежда Алаша и слава!
О, герой мой, рожденный душевной болью народа,
Знаю, носишь ты рану, горчащую, словно отрава.
Ты отравлен навек безысходной печалью казахов,
О, аллах, дни черны у твоих соглеменников, право!

У Алаша грядущее черным туманом покрыто,
Этот царь, словно прорва, сосет, не уймет аппетита.
Мужей много, губивших народ свой совместно с врагами –
Когда время растленно, от смертного чести не ждите.
Недоносок, позорящий память и славу Аблая, –
Вон Вали, его мысли женой-потаскую забиты.
Недалекие били, вроде Шормана, в усердье
Продавали народ за какой-нибудь крохотный титул.
Кенежан, уведи свой народ из-под вражьей десницы,
Пока можно еще, пока всюду пути нам открыты.

Будь в решении тверд, не сворачивай, сын мой, с дороги,
Как твой предок, молитвы буду к божьему слать я чертогу.
Тебе будет соратником в скорби твоей и печали
Твой братишка Науан, пылом юности стоящий многих.
Многочислен твой враг, всего с горстку народ, близость

краха -

Пусть поддержат тебя аруахи и божья подмога.
Если цели своей не достигнув, погибнешь ты в битве,
Я в валун превращусь в тот же час на вот этом отроге.
Средь Алаша героя такого, как ты, буду ждать я,
Каменея на кручे в надежде немой и тревоге».

Слово это сказав, растворился тот старец в тумане,
Вся поверхность скалы преисполнилась дивным сияньем.
Покачнувшись, плывя, заклубились черные тучи,
Звуки песни священной заполнили все мирозданье.
Гоня тучи, терзая озерную гладь шаловливо,
Ветер, камни круша, хохотал, ввергнув мир в содроганье.
Поминая аллаха, шумели и сосны в смятенье,
Умирали и волны в прибое борьбы и стенанья.
Хан Кене, потерявший дар речи от этого дива,
На земле себя видит, когда снова приходит в сознанье.

Кенеке с того часа не видел в бездействии толку,
Он был вечно в походах, тигренка Науана взяв только.
Чтоб казахов своих увести и устроить в свободе,
Над царем измывался он хуже голодного волка.
При поддержке киргизов, в союзе с Большою Ордою,
Он задумал связаться с Китаем, сомнения скомкав.
Но киргизы несчастные, мысли его не постигнув,
Погубили героя, погрязнув в невежестве горьком.
Когда лев смерть обрел на вершинах седых Алатау,
Древний старец на круче покрылся в миг каменной коркой.

С тех событий немало уж времени кануло в Лету,
Отравляя всю степь оскудения горестной метой.
От народа осталось всего-то лишь кожа да кости,
Саарка – рай земной – никого уж теперь не приветит.
В необъятной степи, где так царственно рыскали тигры,
Обитают теперь только гниды да сукины дети.
Лишь осколком былого на пике кругом Оккетпеса
Старец лицом к Востоку лежит, провожая рассветы.

Много времени ждет он без устали, тлена не зная, -
Мужа вровень с Кене средь казахов надеется встретить.
Бурабаю подобной земли в Саарке уж не будет,
Мужа вровень с Кене у казахов уж больше не будет.
Лев – Кене мой погиб ведь, безвременно с жизнью
простившись
Неизбывней беды у казахов уж больше не будет.
Изнемог мой народ, Саарка истощилась так тяжко,
Бедолага-поэт скорбной песнью печаль не избудет.
О, аллах, коль не проклял навек, то скажи, почему же
Не родится теперь муж, подобный Кене, не разбудит? –
Нет Кене. И из юных наследника тоже не видно,
В сердце ядом – печаль: отравляет, и давит, и губит.

ОҚЖЕТПЕСТІҢ ҚИЯСЫНДА

Аркада Бурабайға жер жетпейді,
Басқа жер ойды ондай тербетпейді.
Бурабайдың көл мен Көкшетауды
Көмсесен, көңіректен шер жетпейді.
Қиясымен бұлт құшкан Оқжетпестей
Басқа тау ойды аспанға өрлетпейді.
Аркада Бурабайға жер жетпесе,
Алашта Қенекеме ер жетпейді.
Кекшеде күндеренген Қенем қайда?!
Дарига, жүргімді дерт өртейді.

Кекшени күндіз-туні мұнар басқан,
Қал-қара бұлттармен құшақтасқан.
Алдында бүйра жалды белек тау тұр.
Кекшеге қосылмаққа қойнын ашқан.
Мәп-мәлдір, дәп-дәңгелек көл ортада,
Жел ойнап, ақ бетіне меруерт шашқан.
Сол калдің жағасында Оқжетпес бар,
Жасаган мұнарадай құбыш тастан.
Найзадай Оқжетпестің қиясына
Жалғыз-ақ Қенекем гой қадам басқан.

Алашта талай-талай ерлер өткен,
Ерлерде Қенекеме кім бар жеткен?
Сүйремей елін өрге, көрге сүйреп,
Ер емес, «ершіктер» ол елді еніреткен.
Жалғыз-ақ Қенекем гой қайрат қылған,
Қазакты құтқарам деп қалың өрттен..
Бір кезде Қенекемді ойлар билеп,
Бір езі Бурабайды кезіп кеткен,
Артында Оқжетпестің үңгір тау бар,
Сол тауда бірнеше күн мекен еткен.

Бір туні тым құтырып жел ойнайды,
Жынды жел қатты сақ-сақ күле ойнайды.
Бетінен жел кеп сүйіл алғаннан соң.

Кебіктеніп күлегеш көл ойнайды.
Сол тун сонай үнгір тау ішінде
Кабагын карс жауып Кене ойлады.
Камалған қазғына жол таптақса,
Журегін тілім-тілім тіле ойлады.
«Қазагым, ханың да мен, қаран да мен,
Сен ушін жаным құрбан», – деп ойлады.

Кенекем құлаштаған ой тенізін,
Бұлдыртқан бұлдыр заман қыран кезін.
Бір кезде серпіледі, шығарған соң
Ойлардың «үн» деген у лебізін.
Келеді маң-маң басып Оқжетпеске,
Күмдарға жолбарыстай тастап ізін.
Кезін жұмып, кияга шықсам-ау деп,
Ойлады жоғарыға жәндеп жүзін.
Сол минут Оқжетпестің қиясында,
Жіберсе кезін ашып, көреді өзін.

Кенекем кезін ашып, таң боп қатты,
Қаранды, кез көрмейді ешбір затты...
Нажағай майдайында жарқ-жүрк етіп,
Қарагай, сылсын біткен шулап жатты.
Теменде, Оқжетпестің етегінде
Толсындар тасты сабап, тулап жатты.
Кішкене сескенгендей болғаннан соң,
Кенекем аузына алды аруакты.
«Аруа» деп алғанша аузын жылып,
Көреді қарсы алдында эптақ қартты.

Карт сонда қозғагандай болды басын,
Қолыменен көтерді түкті қасын.
Ойнаган ак бүлгітті деңесі эптақ,
Жасаган бүлт ішінде барлық жасын.
Күніренген көлдердің кебігімен
Жуғандай эптақ қылып сақал-шашын.
Ізгі карт «а» деп аузын қозғаганда,
Теменде судың шуы болды басым.
Карт сонда күнденіп: «Аманбысын,

Кенежан, елдің ері жолбарысым!
Кенежан, берірек кел, сырттан балам,
Ел үшін елсіз жерде жортқан балам.
Сактайтын қолдан, тілден сендей ерді
Ата пір қасиетті мен карт бабаң.
Өз қолыммен төменин тартып алдым,
Күнде күтіп сені сансыз заман.
Ел үшін еніреп тұған жолбарысым,
Білемін, жүргінде бар бір жарап.
Сені улаған қазақтың қайғысы гой,
Дарига, қазагының күні қараң.

Алаштын алдын қара тұман жапқан,
Мынау орыс обыр ол еміл жатқан.
Заман азған шағында адам азбақ.
Көп ерлер жаумен бірге елін шапқан.
Кешегі Абылайдан азып тұған
Үәли анау қар қатынмен басы қатқан.
Шормандай шолтандаган шолақ билер
Орыстың шекпекіне елін сатқан.
Кенежан, елің қалды жау қолында,
Алып кет алашыңды осы жақтан.

Тайсалма, тәуекел қыл, батыр балам,
Арсыға дұға асырар мен карт бабаң.
Еңдерген ерге серік жолдас болар,
Балауса жас жолбарыс інің Науан.
Жау қалын: азғантай ел, азғантай шақ,
Болгай ед аруақ жар, Құдай панаң.
Мерт болсаң максатыңа жетпей егер,
Сол сағат мен осы жерде тасқа айналам.
Алашта тағы сендей ер тууын
Төбеде тас бол шөгіп күтіп қалам».

Осы сездерді айтып карт гайып болды,
Таудың үсті ғамаша нұрға толды.
Тербеліп, күніреніп қара бүлттар,
Жер мен көк қасиетті жырга толды.
Бүлтты айдал, сылдыратып сумен ойнап,

Ерке жел тасты құшыл, сақ-сақ күлді.
Аллалап ну қарагай шулай-шулай,
Тәменде тулай-тулай толқын өлді.
Тамашадан тас болып біраз тұрып,
Кезін ашып, Кене езін жерде көрді.

Сол кеткеннен Кенекем кете барды,
Жанына жас жолбарыс Науанды алды.
Алашты алып шығып ел қылмақса,
Орысқа аш берідей ойран салды.
Үйсін, Дулат, қырғызбен қол ұстасып,
Қытаймен катынаспакқа ой ойланды.
Біле алмай наңандықпен ердін ойын,
Сорлы қыргыз мерт қылды арыстанды.
Арыстан Алатауда мерт болғанда,
Оқжетпесте тұрган карт тасқа айналды.

Содан бері біргалай заман етті,
Алашты улай-улай жаман етті.
Тұлпар - тұлақ, ер арып аруақ бол,
Сарыарқа сайран жердің сөні кетті.
Жолбарыстар жортатын сар далада
Қорсылдаган доңыздар мекен етті.
Жалғыз-ақ Оқжетпестің қиясында
Шекиен карт күншығысқа түзел бетті,
Кеп заман талмай-тозбай тау басында,
Алаштан Кенекемдей бір ер күтті.

Арқада Бурабайдай жер болмайды,
Алашта Кенекемдей ер болмайды.
Кене Арыстан мезгілсіз мерт болды гой,
Алашқа будан да зор шер болмайды.
Ел азды, Арқа тозды, қайғы басты,
Күніреніп біздей бейбак жыр толғайды.
Құдай-ау, мәңгілікке қарғамасаң,
Кенедей енді неге ер тумайды?!

Кене жоқ, ізін басар іні де жоқ,
Дарига, журегімді дерт улады.

СХОД ДЕВЯНОСТА

Кумдыколь наш червями покрыт в копошении,
То не черви, а массы в едином движении.

Это массы народа на взгорке.

Нет там сплетен теперь, подловятых наитий,
Там без шепота речь, разговор там открытый.
На совете всем весело только.

От аула вдали, в тишине, на свободе,
Здесь по-новому сход наш отныне проходит.
Здесь отринули прошлое к черту!
Здесь не вспенят кумыс, не зарежут ягненка,
Нет здесь толстых теперь, не насилиуют тонких.
Здесь работа одна лишь в почете.

Здесь об этом и том рассуждая толково,
По порядку рекут людям нужное слово.
Каждый примет в совете участье.
Здесь раздоров былых, что доходят до драки,
Не увидишь теперь, всё здесь стало иначе.
Здесь совет не совет без согласия.

Большинство вот таким представляется ныне,
Разрешают проблемы, в словах нет уныния.
Но оставим мы сход наш на время.
Попытаемся вызнать, кто есть на совете,
Интересно мне также узнать, кого нету?
Надо знать: сход проводится с кеми?

Разберемся сначала, кого нету на сходе,
Кто лица не покажет теперь при народе.
Я всех в список внесу непременно.
Обобщая, скажу: нет сегодня злодеев,
Лежебок-кровопийц, что всегда богатеют,
Обирая народ наш смиренный.

Нет сегодня здесь тех, кто, князьком называясь,
Брал телегами взятки, жирея на зависть.

Нет чиновников, раньше бессменных,

Белолицым князьям угощающих вечно.
Их злых церберов, псов глубоко бессердечных,

Волостных нет сегодня толстенных,
Толстопузых, как будто кобыла на сносях,
Когда взяток не видно, и вовсе несносных.

Нет в совете и биев старинных.

Они изгнаны все иль отправлены в ссылку,
У псов этих ныне нет даже кобылки,

Этих биев нет здесь и в помине.

Для чинуш собираючи дань иль добычу,
В чьи-то юрты с утра он нагайкою тычет...

Нет щенков-аулнаев прыгучих.

Как голодная сука, стоя на подхвсте,
В миг какой-то способных нажраться когда-то,
Нет пройдох, коих рыскали туши.

Толпы слуг нанимая, чтоб жить их услугой,
Обирая их скопом, без всякой натуги...

Нет бездельников ныне вонючих.

С на макушке торчащей чалмою-наперстком,
С здоровенным затылком, обритым и скользким,
Нет ишанов, что подлости учат.

За отсутствием слез, глаз слюною он мазал,
Отравляя народ медом сладким из сказок,

Здесь муллы бычье-глазого нету.

Толстощекого, словно с мешками за шеей,
Разжиревший барсук его вряд ли жирнее,
Сына байского нет на совете.

Словом, если сказать не длинней, а короче,
Здесь нет темных сил, промышляющих ночью, -
Обирал, подлецов, вурдалаков.

Нет и псов, без труда добывающих пищу,
Нет и вшей, что жирут в лохмотьях у нищих,
В общем, нет проходимцев тут всяких.

Мы узнали о тех, кого нет на совете,
К тем теперь перейдем, кто на сходе заметен,
К тем товарищам, кто есть тут на сходе.
Всех назвать не получится, видно, и, значит,
Мы поступим сегодня немного иначе,
Мы немногих отметим в народе.

Кто же есть на совете таком многолодном?
Я скажу, заучи, их запомнить не трудно.
Здесь лишь люд трудовой без предела.
Это те, кого грабят, напав откровенно,
Кого заживо грабят и нощно, иденко,
Это те, кого поедом ели.

Это те, для кого не восходит и солнце,
Кто с рождения не знает конфет или торта,
Словом, только сплошные изгои.
Это те, коим ведом вкус горькой отравы,
Кто пришел весь в отрепьях, с детишк оравой,
Бедняки тут голодной толпою.

Это те, кто пытаются лишь отрубями,
Кто с людьми никогда и ни в чем не был равен,
Нищеброды одни, доходяги.
Это те, кто людьми никогда и не звались,
Бедолагами только всегда назывались,
Всяк убогие, ломпен-бродяги.

Босоногиеечно, с замызганной пяткой,
Ечно плача, рыдая, в мечтах о достатке,
Батраки тут – большие трудяги.
Не коня, а вола скакуном почтага,
За труды получавшие ругань от бая,
Пастухи тут, что в вечном напряге.

Уголявшие жажду простою водою,
Задарма надрываясь, работая втroe,
Примаки тут – дешевле копейки.
В неоглядной степи жар и холод встречая,
Жизнь прожившие с вечной мечтою о чае,
Чабаны тут в мерзлой шубейке.

Никогда не входившие в племя людское,
Они видели только пинки и побои,
Здесь и женщины «в ценность – с кобылу».
Есть присловье такое, пусть дальше болтают.
Наших женщин они теперь не пугают.
С каждым годом казашечки - в силе.

Вот советской эпохи для нас обретенье,
Здесь мужчин две забавы, два наслажденья,
Байбиш и токал тут, заметьте.
Я, услышав их речь, удивлен был намедни.
Распекая мужей, как злодеев последних,
Выступали токалки на съезде.

Говорящие что-то совсем не избито,
Крепко сбитые, словно свинцовая бита,
Пухлощекие дети тут с нами.
С них довольно того, что от пищи осталось,
Многим кажется им даже самая малость,
Здесь молодки стреляют глазами.

Сквозь лохмотья сверкая загаром дубовым,
И с глазами, смотрящими очень сурово,
Ее жизнь – выживания битва.
Поглощая еду из собачьей посуды,
Позабыла она, что бывает и чудо,
Здесь доярка, бедняга, сидит вон.

Из речей этих длинных один только вывод:
Здесь совет Девяноста – согласных, счастливых,
Здесь из ста девяносто – в наличии.
Здесь из ста девяносто, где десять? Их нет тут.
Покорились они Девяноста, приметьте.
В этом схода от прочих отличие.

С самой ранней поры, как перо я взял в руки,
Никогда не писал от тоски или скучи,
Никогда не скрывал мыслей даже:
Если в горе я был, то с народом лишь вместе,
Заблудился я если, то с думой о чести,
Никогда с десятю не был связан.

С десятю не был связан и не буду, поверьте,
В смутной мысли эпоху, между жизнью и смертью,
Воспевал я народ свой в заботах.
Я всех сто воспевал, не скрываю того я,
А сегодня пою Девяносто – героев
Наших дней, не чужого кого-то.

После долгих раздумий, надумавшись вдосталь,
Говорю: «Признаю, это – сход Девяноста!»
Вот, что понял я всею душою.
Пусть десятка уходит в ничто или минус,
С той десяткой и я уж навеки размылся,
Девяносто, я вместе с тобою!

ТОҚСАННЫҢ ТОБЫ

Күмдүкөл басы қара құрт,
Кара құрт емес, қалың жұрт.
Қалың жұрт құба дәнесте.
Арам, кірлі қубір жоқ,
Самбыр сез бар, сыйбыр жоқ.
Жұрт ақ жарқын кенесте.
Ауылдан аулақ, онаша.
Жиын турі жанаша,
Ескі адыра алыста.
Сапырылған қымыз жоқ,
Сойылған бағлан, семіз жоқ.
Жұрт ынгасы жұмыста.
Түрлі сезді қолға алып,
Талқылайды, толғанып,
Кезектен сөйлеп кенесте.
Бажыл болса баяты
Керіспен тынар аяғы,
Кенесті кенес демес те.
Осылайша көп түрі,
Сез күрделі, саз ірі.
Кенесіп жата тұрсын топ.
Мен айттарлық сез мұнда:
Осы кенес тобында
Кімдер бар да, кімдер жоқ?
Кімдер жоқтан бастайын.
Қысқа қайырып састайын.
Танаудан тізіп санайын,
Жалпы айтқанда: жоқ жауыз –
Жатып сорар жалмауыз
Еңбекші момын манайын.
Балдырайтын ардалап,
Пара алатын арбалап –
Атымен обыр ұлың жоқ.
Сары обырдың серігі.
Жеті басты жебірі –

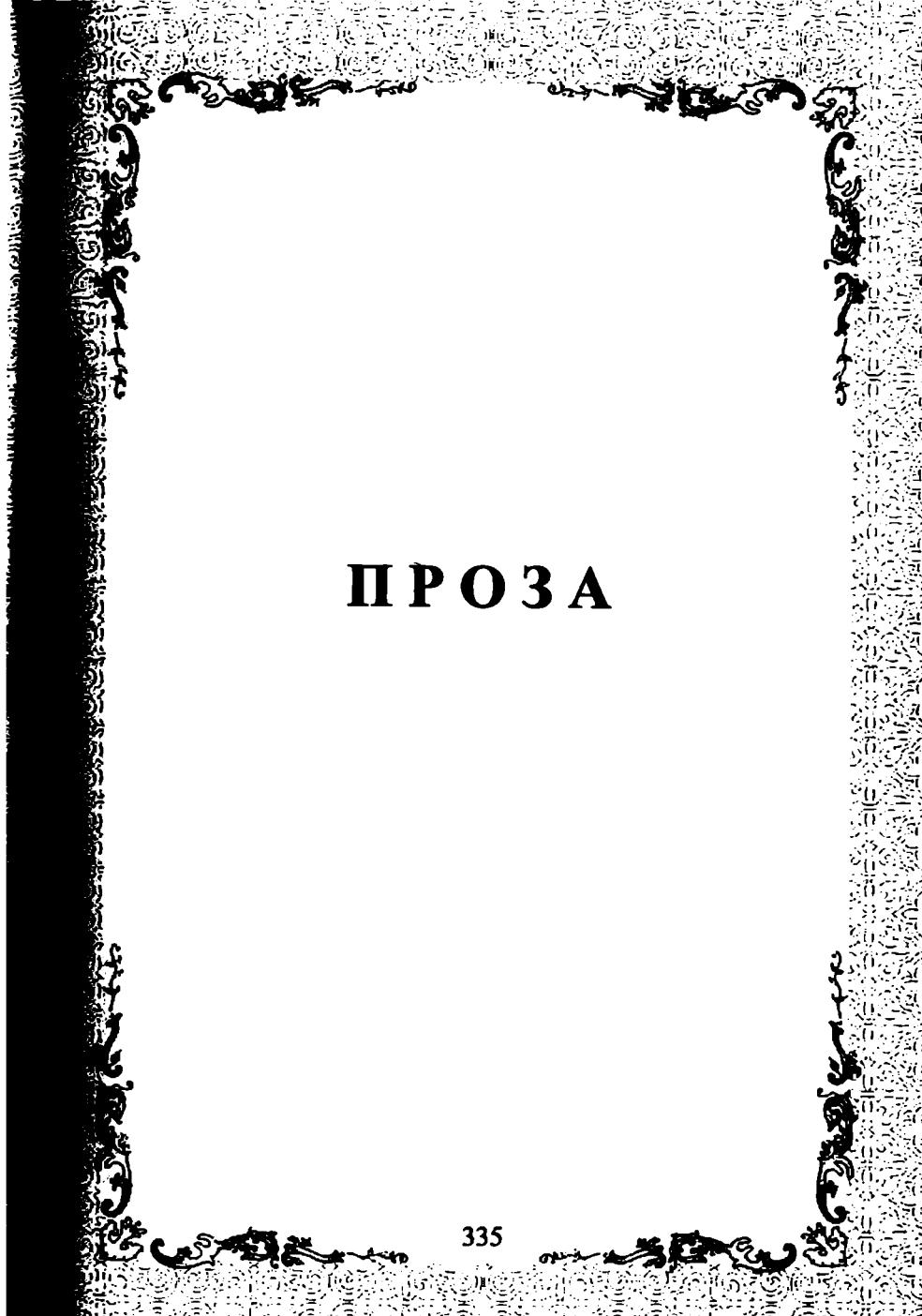
Карғылы құтпан болыс жоқ,
Буаз бие қарынды,
Пара алмаса, арынды
Баяғының би жоқ,
Толған тебет айдалып,
Тілі-қолы байланып,
Бидін енді күйі жоқ.
Ұлықта тамақ табатын,
Арсаландап шабатын,
Ауылнай атты күшік жоқ.
Аш қанышқтай кезеген,
Жалғайтын жұлып өзегін –
Сүм, сүркія, пысық жоқ.
Үйрелеп малай жалдайтын,
Жалдамайтын, жалмайтын –
Еңбексіз обыр сасық жоқ.
Калемі күйек сөлделі,
Кек мұздай жылтыр келделі,
Ишан атты пасық жоқ.
Түкірік жағып кезіне,
Жұртты улайтын сезімен,
Өтіз кезді молда жоқ.
Екі беті торсықтай,
Борсандаған борсықтай,
Бай баласы – бұл да жоқ.
Созылған сездің қысқасы,
Қысқа сездің нұсқасы
Обыр, жебір, сүмдар жоқ.
Еңбексіз жейтін ит те жоқ,
Бейнетсіз жейтін бит те жоқ,
Жалпы айтқанда, жындар жоқ.
Жоқтарды осылай көгендеп,
Таныудан тізіп түтіндең,
Кімдер барға келейін.
Санағам бәрін сез ұзар,
Ұзын сезге орын тар,
Біразын атап берейін.

Бұл жында кімдер бар?
Ал айтайын, жаттап ал:
Жалпы еңбекші, жарлы бар.
Тап талтүсте таланым,
Тірі күйі тоналып,
Соғым болған сорлы бар.
Тұғалы таңы атпаган,
Тұрмыста тұңы татпаган,
Өмірде өншен өгей бар.
Өмірдің ішкен у сыйын,
Кер шолақты, кең киім,
Кеуреген көп кедей бар.
Жасықтан өзге жемеген,
Тең еябегім демеген,
Аш-жалаңаш, арық бар.
Аталмаған адам деп,
Аталған жәутік-жаман деп,
Кем-кетік, қасер-ғаріп бар.
Құс табанын тас тілген,
Екі бетін жас тілген,
Бейнет баққан жалшы бар.
Өтізден өзге мінбеген,
Мінсе, мырза міндеңен,
Қабагы қатқан малшы бар.
Сусынын сумен қандырган,
Білегін тегін талдырган,
Құлдай болған қоңсы бар.
Шай-шайлап еңіреп зыр қаққан,
Сар далада зар қаққан,
Қатқан тонды қойшы бар.
Өмірде топқа кірмеген,
Тепкіден өзге көрмеген,
«Бағасы – байтал» эйел бар.
Дейтіндер десін, «Ой, Алла!»
Әйел енді оянды,
Болмаса быттыр, биыл бар.
Кенестің бұл бергені:

Ердің екі ермегі –
Бәйбіше мен тоқал бар.
Ер апшысы күрылып,
Биыл топқа сұрылып,
Сез сейледі тоқалдар.
«Үш-ш-ш-шүкір» дейтін асықтай,
Қорғасын құйған асықтай,
Бүйрек бетті бала бар.
Жұғыннан өзге жемейтін,
Арыздым, аштым демейтін,
Желекті келін және бар.
Кейлексіз етке күн тиген,
Бейнеттен көзі кіртиген,
Шеккені шер мен ыза, зар,
Итаяқтан ас ішкен,
Ас ішпеген, жас ішкен,
Сауыншы сорлы қатын бар.
Ұзын сөздің түйіні –
Бұл тоқсанның жиыны.
Жұзден тоқсан түгел бар.
Жұзден тоқсан – еңбекші,
Он тоқсанға көнбекші,
Көнбесе жаңыштар жігер бар.

Ес біліп ойлап, толғанып,
Қолыма қалам алғалы
Сейлеген емен жасыра:
Мен мұндымен мундастым,
Адассам, ел деп адастым.
Он деген емен, асылы.
Он демедім, демеспін,
Ой кезінде көмескі.
Жырладым сліді жалпылап,
Жасырмай, жұзді жоқтадым.
Тоқсанға енді тоқтадым,
Толғанып, ойлап талқылап.
Сөздің тоқтар түйіні:

Бұл – тоқсаның жиыны,
Осы армансыз білгенім.
Тоқсаннан сонау он аулак,
Сонау оннан мен аулақ,
Мен тоқсанмен біргемін.

ПРОЗА

ПРЕГРЕШЕНИЕ ШОЛПАН⁵

I

В год, когда Шолпан вышла замуж за Сарсенбая, встречаясь на отшибе с молодками, она тоже, как и все, говорила, что нет в жизни отрады без ребенка. Однако, это были только слова: хоть Шолпан и повезло в том, что ей среди тысяч молоденьких казашек, продаваемых за калым, удалось в кои-то веки выйти замуж по любви, она в первые годы и вправду не хотела ребенка. Была ли она одна в просторной белой юрте, или предавалась любовным утехам в объятиях мужа, она внутренне молила лишь об одном: «Создатель, не дай мне ребенка!». Как это ни кощунственно, Шолпан думала, что с ребенком не будет в доме никакой отрады. Ей казалось, что, если родится ребенок, он будет, как колючка, между мужем и ею. Шолпан остерегалась, что, когда между столь удачно сошедшейся молодой парой появится чуждое третье существо, это может погасить, остудить их столь пламенную, столь страстную любовь. С этими мыслями она дни и ночи напролет молила бога только об одном: чтобы он не давал ей ребенка. Когда, алея, подобно шелковому занавесу, с востока вставал рассвет, в тот час, когда другие люди, колотясь лбами о молитвенные коврики, валились на утреннюю молитву, прося у господа счастливого житья-бытия, неугасимого счастья, неисчислимых богатств и, конечно же, детей, Шолпан, горестно вздыхая, молила об обратном – чтобы он не давал ей ребенка. И просила она это не оттого, что по природе не любила детей; ее заботило то, чтобы между мужем и ею не прервалась благая нить любви, чтобы никто не покушался на их святое чувство, которое связало их узами покрепче религиозных.

Возможно, безумные мольбы молодого пылкого сердца были услышаны, но Шолпан, хоть и была замужем уже три года, так и не забеременела. И этому обстоятельству она была очень рада. За эти три года и муж ее, похоже, не тосковал о ребенке, в течение этих трех лет он не желал никого, кроме Шолпан, кроме

ее опаляющих, нежных, как купание в шелку, объятий. Казалось, его жизнь начиналась и заканчивалась с Шолпан, что она была его утренней и вечерней молитвой.

В этом мире не так глубоко море, как человеческая душа. Конечно, никто не мог проникнуть в глубину помыслов Сарсенбая, но, как бы то ни было, Шолпан так казалось. И за эти три года она не услышала ни одного слова, не увидела ни одного поступка, которые заставили бы ее усомниться в этой своей мысли. О том, что жизнь без детей – напрасно прожитая жизнь, она слышала от многих других людей, но не от своего горячо любимого мужа. Это еще более укрепляло молодую женщину в ее правоте. Ведь для влюбленных священны не суры Корана, а слово возлюбленного.

Как бы наперегонки пролетали месяцы, стройной вереницей проходили годы, но Шолпан все больше утверждалась в мысли, что ребенка ей не нужно. Однако уж так устроен этот мир, что перемены и в природе, и в человеческой жизни, и в человеческом сознании готовятся исподволь, но наступают внезапно. Проходят месяц, два, три, и наступает осень. Но наступление осени человек осознает не в эти три месяца. А именно в какой-то момент, в одну ночь чувствует, что пришла зябкая, плаксивая осень с морщинистым, дряблым лицом. Так случилось и с Шолпан – ее неколебимое решение изменилось в одну ночь.

Эта была долгая зимняя ночь, нескончаемая, как кружение веретена. Вечером, закончив возиться со скотиной, муж Шолпан зашел по-соседски в дом своего сверстника Нуржана. Этот его друг был женат пять лет и за это время нажил троих детей: двух мальчиков и одну девочку. Сарсенбай надолго задержался в доме Нуржана и задержался он там не из-за разговоров с Нуржаном, а из-за его детей. Там и в самом деле было не до разговоров, все смотрели на проказы малышни и весело смеялись. Вот сыновья Нуржана, забавно что-то лопочка, пытаются спеть. Вот, засучив рукава, поплевав в маленькие ладошки, схватив друг другу за пояс, задорно вступают в борьбу. Вот кто-то из них ставит подножку, второй падает, а первый мальчик, тоже споткнувшись, падает на второго.

Взрослые весело смеются, зовут к себе мальчиков, по очереди их целуют. Отец Нуржана, подозвав внука, целует его и спереди, и сзади, ведь ребенок безгрешен с любой стороны. А младшая дочь Нуржана и вовсе казалась ангелом, такая милая в своей детской чистоте и непосредственности.

Захваченный этой шумной, веселой детской возней, Сарсенбай надолго задержался у Нуржана. Вместе со всеми он тоже смеялся, подзывал к себе детишек, говорил им что-то приятное, гладил по головкам. Когда, наконец, он вышел на улицу, в ауле все уже спали. Зайдя к себе домой, он увидел, что и Шолпан легла спать, но, кажется, еще не заснула. Сарсенбай пристроился в постели рядом с женой и, смеясь, стал рассказывать ей, какие милые дети у Нуржана. Причем у него и в мыслях не было, что сам-то он бездетный... Его не волновало это обстоятельство, напротив, рассказывая о своем пребывании в доме Нуржана, он все время смеялся. И вот тогда-то у него как-то само собой вырвалась фраза, что дом с детьми – ярмарка, а дом без детей – могила. И вдруг Шолпан обожгла, как молнией. Она поняла, что все эти три года страшно ошибалась, когда не хотела иметь детей, что это желание было просто безумием. Ведь без детей жизнь, действительно, как одинокая, заброшенная в степи могила. В один миг пред прозревшими очами Шолпан предстало, что даже пламенная любовь между супружами с течением времени гаснет, что и супружеские объятия не могут пожизненно хранить первоначальное пламя страсти и что именно в момент, когда жар двух любящих сердец остынет, и нужны дети, способные породить новое очарование в отношениях между мужем и женой. Сарсенбай, посмеваясь, долго рассказывал о забавных и таких сладких детских проделках. Когда он от всей души хохотал над этим, вместе с ним похохотала и Шолпан. Но в душе ей было не до смеха. После той поговорки, вскользь брошенной Сарсенбаем, душу Шолпан, стремительную, как сокол в полете, и ее легко воспламеняющееся сердце, подобно порывам беспноватого ветра, объяли черные, как змеиная орда, недобрые, тягостные мысли. Она вспоминала о своем безумном желании, длившемся целых три года. Ей виделась брезжущая где-то вдали

неизбежная старость. Безрадостная осень жизни, когда глаза, выцветая под бременем лет, становятся цвета золы; дряхлая старость, подрезающая крылья сердцу, гасящая в сердце огонь. Если не будет детей, кто тогда прольет в сердце свет, кто его согреет? Если не будет детей, кто восполнит ущербность пустой, обескровленной жизни, подобной пересохшему стебельку травы со стгнившими внутри семенами... Ладно, оставим старость, которая пока еще где-то там, далеко; еще неясно, доживем или нет до нее, но уже сегодня, без всякой старости, не кажется ли тебе твоя жизнь, обреченной на запустение? Когда-то ты поклонялась любви с усердием новообращенного в веру, считала ее самой могущественной силой в мире. И что же — еехватило всего на три года, и теперь она угасает сама по себе, без всякого давления со стороны! Глупышка Шолпан три года молила о том, чтобы у нее не было детей! А теперь именно из-за этого ее сказочная, прекрасная жизнь готова превратиться в заброшенную могилу! Вот какие мысли обуревали Шолпан, как бы погружая ее в пучину, из которой не выплыть.

Сарсенбай давно уже спал. Однако Шолпан, растревоженная открывшейся ей бездной, не могла сомкнуть глаз. Долгая зимняя ночь тянулась, как волос шайтана. Мысли Шолпан все углублялись, все мрачнели, до полной беспрозрачности. Когда с востока едва показались первые лучи рассвета, Шолпан, бессильная унять душившие ее рыдания, молила бога лишь об одном: «Создатель, дай мне ребенка!»

II

С этой ночи Шолпан думала только о ребенке. Эта мысль преследовала ее и днем, и ночью. Она носила ее и в сердце своем и шептала ночами в подушку, заливаясь горючими слезами. Однако наперегонки пролетали дни и месяцы, но ничего не менялось, Шолпан в желании своем дошла до изнеможения. Сердце ее устало биться, душа ее устала желать, жизнь стала невыносимой. Ночами она плакала уже не слезами, а всем сердцем своим. Она стала усердной в вере, соблюдала себя в чистоте, совершила омовение, не пропускала ни одной молитвы. С первыми лучами солнца она свершала утренний намаз,

перебирая четки, читала «Субханалла»⁶. Однако ребенка не было. Шолпан никому не сказала, что встала на путь веры из-за того, что хочет ребенка. Не сказала даже Сарсенбаю, которого любила больше жизни. Поэтому Сарсенбаю и всем другим поведение Шолпан казалось очень странным, чудным. Над ней стали смеяться все кому не лень. «Ты что, в святые метишь?» - посмеивался над ней и Сарсенбай. Ее теперь, кроме как «Святоша», никто не называл. Она сама в себе превратилась в саднящую, незаживающую рану, сгорала одна от горя, содрогалась одна от рыданий, отказалась от всего мирского, стала и в самом деле чуть ли не святой. И все это только для того, чтобы заиметь ребенка, но бог отказывался его давать.

Чего только ни делала Шолпан, чтобы понести ребенка! У каждого встречного муллы покупала заклинания. Пила освященную ходжами⁷ воду. Гонялась за каждым обладателем чалмы в надежде на его магическую силу. Когда толстый краснорожий ходжа с силой пятнадцатилетнего быка дул на воду, совершая обряд изгнания злых духов, Шолпан, чтобы «священное» дыхание ходжи вошло ей прямо в живот, а не разбрзгивалось по сторонам, с колотящимся сердцем, то краснея, заливаясь краской смущения, держала свое лицо прямо у рта «боговдохновенного». Находя десятки причин, она даже добилась того, что ее всю осмотрел знахарь-баксы. Да, чего только ни делала Шолпан во имя своей цели! Подобно бедолаге, беснующемся при пожаре, она испробовала все. Однако установленной чередой проходили годы, но ребенка не было и в помине. Но Шолпан, хоть и выплакала все слезы, хоть и не желала иметь ничего общего с этим миром, продолжала стоять на своем. Она стала подвижником веры, посвящала могущественным святым множество лошадей и овец и просила лишь об одном: «Создатель, дай мне ребенка!»

Однако эта ее мольба так и осталась мольбой. Слезы ушли в песок, желание обратилось в тоску, жизнь шла своим чередом. Шолпан не забеременела. Несмотря на все ее мольбы и стенания, господь не дал ей ребенка. Кто знает, может, Господь был по-своему прав в этом своем решении. Возможно, он внял первоначальной мольбе Шолпан, когда она просила не давать ей

ребенка. Возможно, он начертал это свое решение на доске, не знающей износа и правки. И, по всей видимости, желание Шолпан – давно уже отвергнутое, безнадежное желание. Весьма может быть, что есть что-то общее между Господом и крупным торговцем с его непреклонной вывеской «Торг неуместен». И в самом деле, трудно отличить Господа нашего от бессовестного, зарвавшегося купчишки! Похож он также на гордого, безудержного в гневе правителя. Если он не был бы таким, разве прогнал бы Адама голым из рая только за то, что он нарушил его волю! И в то же время он ангела Азазила превратил в дьявола за то, что он не поклонился Адаму? Возможно, именно из-за этой своей склонности к насилию он и не дает ребенка Шолпан? В конце концов, Шолпан устала от всех этих заклинаний, заклятий, изгнания злых духов, святых оплываний и похлопываний по спине, молитв, воздержаний, милостынь и благословений. Она поняла, что из всех этих обрядов ничего не выйдет.

На Господа уповать бесполезно, он не принял ее молитв, а жизнь пролегает с каждым мгновением. Жизнь – не знающее устали и остановки бездушное, безжалостное колесо. Пусть кто-то плачет кровавыми слезами, кто-то потерял последнюю надежду, пусть кто-то потерял под колесами руки, ногу, голову, все тело, да что там тело, душу и сердце, оно, знай себе, катится, никогда не оглядывается, не пожалеет. Вот и у Шолпан сейчас сердце обливается кровью, душа словно птица с подбитыми крыльями, но кто на нее оглядывается, кто ее пожалеет? С каждым мгновением этой жизни в Шолпан умирала искра мысли или желания.

Жизнь проносится – желания уносятся – ребенка все нет. Что же теперь делать? Нет, пропади они пропадом все эти заклинания, муллы и ходжи! К черту молитвы и посты! Не нуждается она также в самом Господе, если он так горд и непреклонен! Нет, наверно, ключи от зачатия ребенка не в небе, а в самом человеке. Скорее всего, это зависит от самих мужчины и женщины. Кто знает, может, Шолпан не забеременела до сих пор только оттого, что не сумела стать настоящей женщиной? Оттого, что она, как и все казахские женщины, лежала в постели недвижно, как будто отбывала повинность? Оттого, что при

согласия с мужем не отдавалась ему всем телом и душой, оттого, что в ее объятиях и поцелуях не было должного огня?..

Под влиянием этих одновременно и сладостных, и горестных мыслей теперь она стала по-другому любить своего Сарсенбая. Ее тело охватывал пожар, объятия — обжигали, рот источал пламя. Она отдавалась своему мужу трепетно, как заарканий детеныш марала, дрожа и волнуясь, как тринадцатилетняя девочка, впервые познавшая мужчину. Она так крепко обнимала своего мужа, что, казалось, у него сплющутся ребра. Ее поцелуи обдавали жаром лицо Сарсенбая, который лежал под ее страстным напором, как рыба, выброшенная на берег. Не зная, как все это воспринимать, он только посмеивался: «Ты что, моя бедная кобылка, на старости лет решила стать иноходцем?!». Эта ирония Сарсенбая была для Шолпан как соль на раны. На ее глаза наворачивались слезы. Ее очень обижало и раздражало то, что самый близкий ей человек не может заглянуть ей в душу. А как же ей было не обижаться, если он в то время, когда она ради ребенка встала на путь веры, обозвал ее Святошей, а теперь вот опять, насмешничая, придумал кличку «Иноходец».

А ведь ребенок... также, должно быть, нужен ему, как и Шолпан? Ведь он нужен и ей, и ему в одинаковой степени? Почему же Сарсенбай не помогает на этом пути, общем для них обоих? Почему он не становится на этот путь, почему он не страдает вместе с Шолпан? Обычно, мужчины только и мечтают о сыновьях, а почему Сарсенбай никогда не заикнется о ребенке? Или... или... не может быть... а впрочем, кто знает... но... почему он даже разговора об этом не поднимает? Постой... постой... неужели он бесплоден? Господи, господи... но если он и в самом деле неспособен.... Все это не от недостатка в ней пламени веры или любовного жара... это все оттого, что Сарсенбай — никудышный мужчина! Значит, сердечной ране Шолпан, с которой она ходит вот уже пять лет, вовеки не будет исцеления? Значит, напрасны были все эти слезы на молитвенном коврике, все эти пламенные объятия, огненные поцелуи? Значит, их как будто и не было? Значит, она извела себя ради пустой фантазии, игры воображения? Значит, вековать ей

теперь в одиночестве, как ободранной на ветру березке? Ведь когда-то их соединила пламенная любовь, так неужто теперь они расстанутся, как два дерева с разведенными в разные стороны ветвями? Значит, и их пылающая любовь, постепенно угасая, сойдет на нет с дымом и гарью?.. Но какая будет отрада в жизни, если погаснет любовь?!

Да, в бесплодии Сарсенбай сомневаться не приходится. Поэтому и нет ребенка. А без ребенка какое счастье? Поэтому я и несчастна... Но как может быть счастлив Сарсенбай, когда я так несчастна? Почему это его не касается? Как это может его не касаться, если причина этой беды кроется именно в нем? Или ему не нужен ребенок, хотя бы как утешение в старости? Нет-нет, конечно же, если несчастна я, то и Сарсенбаю не будет счастья.

В таком случае, кто же вытащит их потрепанный семейный баркас на берег счастья?

Конечно же, Шолпан, только Шолпан. Шолпан обязана это сделать не только для себя, но и ради мужа. Шолпан должна родить ребенка.

Даже если она совершил грех глубже морской пучины и выше высоких гор, она должна сделать это! Господь должен простить прегрешение, совершенное ради благородной цели. Да, бог милостив, он простит? Бог-то простит, но простят ли люди? Не зря же казахи говорят: «Хоть укради, но наживи богатство, хоть согреши, но роди ребенка»... «Пусть будет проклят тот, кто придумал эту пословицу! Проклятье ему! Господи, прости меня, только у тебя прошу прощения...». Шолпан, обливаясь горючими слезами, предавалась этим грешным мыслям на восьмом году своей супружеской жизни с Сарсенбаем.

III

Был месяц май. Аул расположился неподалеку от зимовки. Дул полуденный ветерок. По синему небу, как будто в сладостной дреме, едва двигаясь, проплывали белые облака. В воздухе как бы зависла истомная шелковая пелерина. Привязанные к горизонтальной длинной веревке на колышках,

то и дело пытаясь вырваться на волю, поднимали головы непокорные жеребята. Рядом с ними, время от времени похлопывая хвостами себе по спине и округлому заду, стояли матерые кобылицы. Те же из них, которые успели ожеребиться, жались к своим жеребятам, как бы пытаясь унять их беспокойную прыть. Старый жеребец, явно не одобряя их поведение, подрагивая, стриг ушами. Овцы еще не пришли с пастища. Запертые в сарайчике ягнята жалобно блеяли в ожидании материнского молока...

В это время возле своей белой юрты уютная, как кошечка, на солнцепеке сидела Шолпан и что-то шила. Но на самом деле мысли ее были далеки от шитья. Вот уже на протяжении трех месяцев она продолжает обдумывать свои неотвязные, как нашептывания шайтана, грехиные мысли. Уже месяц, как Шолпан решила согрешить. И это ее решение было совершенно сознательным. Ведь это она сделает не для того, чтобы изменить мужу, а чтобы зачать ребенка, дать кому-то неведомому и несуществующему счастье появления на свет.

Сегодня Сарсенбай едет погостить в город. Раз она приняла решение, не надо тянуть с исполнением. Зачем себя растревлять, понапрасну примериваясь и так, и эдак? Ведь это все может перерасти в панику, и тогда она сделает что-то не так? Да, пожалуй, тянуть не стоит, но на ком остановить свой выбор? Кто достоин стать отцом ее будущего ребенка? Может, табунщик Адамкул? Конечно, если бы она сошлась с прислугой, их тайну никто не узнал бы, она так и осталась бы тайной... Но... какой ребенок может родиться от Адамкула? От служанки рождается служанка, от слуги — слуга, разве не так? Нет, ей не слуга нужен, а сын. Если у нее родится сын, то пусть будет лучшим, а если не будет лучшим, пусть не родится. Чем иметь бесхарактерного, загнанного ребенка, лучше вовсе не иметь его... Нет, нет, пусть этот Адамкул катится куда подальше! Ладно, тогда кого же выбрать? Некого! Нет никого, ради кого можно было бы опорочить белые крылья любви, и самое горчительное, нет никого, кто мог бы стать достойным отцом ее будущего ребенка. Неужели, и вправду никого нет? Погоди... этот... Шойбай... нет... Жумагали... да ну его!.. Азимбай... Азимбай... может, он

подойдет? Он благородного происхождения, молод, здоров, красив. Не старше, наверное, восемнадцати – девятнадцати. Высокий... широкоплечий, как говорится, на каждое плечо можно по два человека посадить.. С красивыми бараньими глазами... всегда стоит посмеиваться... Едва пробивающиеся черные усы подобны нежному черному шелку. Господи, да ведь этот Азимбай сам уже три года не знает, как к ней подкатить. Все талдычит: «Женге¹, а, женге, как бы нам встретиться?» Или скажет какую-нибудь затверженную от взрослых пошлость, мол, у шелка узелок один, у нас желанье одно!

Когда Шолпан в своих мыслях, бесконечных, как кружение веретена, дошла до этого места, усмехнулась, не смогла удержаться.

В это время из-за юрты вышел Азимбай и со словами: «Удача, женге!», пристроился рядом. Как говорится, тайное всегда становится явным. Так и у Шолпан при виде Азимбая душа ушла в пятки, она густо покраснела, как будто ее поймали на месте преступления. Как будто Азимбай вот-вот уличит ее в греховых мыслях.

- Когда вас ни увижу, всегда вы чем-то заняты, женге! Что шьете? – спросил Азимбай и, как будто тронув рубашку, лежащую на коленях Шолпан, стал поглаживать ее бедро.

- Не распускай руки, красавчик! Странный какой... Мой муж сегодня едет погостить в город. Вот я и пришиваю рукава к его рубашке. Говорят, что и ты сегодня едешь в город?

- Да вы что, Саке² сегодня едете в город?... Но это же... Женгешка, неужели я зря обожаю вас вот уже три года? Наверно, у вас в груди не сердце, а камень, не знающий ни счастья, ни сострадания?

- Опять начинаешь? Тебе девушек не хватает, вон они ходят, не знают, как на себя внимание обратить?

- Я что – просил у тебя девушку? Зачем мне эти безликие, никудышные девушки. Слыхала поговорку, что платок дарят только ровне?

- Тебе же всего двадцать лет, как я могу быть тебе ровней, если я уже восемь лет замужем.

Усмехнувшись, Шолпан значительно посмотрела на

Азимбай. Азимбай, растерявшись от ее испытующего и, в то же время, соблазняющего взгляда, не знал, что ответить.

- Я так, к слову... Думаю, сколько бы лет ни была замужем, бездетная женщина не станет старухой!

После неосторожного упоминания о бездетности Шолпан, Азимбай растерялся окончательно. Не зная, как продолжить разговор, он сильно сдавил ей бедро.

Шолпан отняла руку Азимбая от своего бедра и, надолго уставившись взглядом в рубашку, сказала:

- Может, ты и любишь меня. Даже дети, когда хотят пойти на воровство, говорят: украдь-то можно, но бог ведь все видит. Вот и я говорю тебе: как нам быть с богом?... Кроме того, ты молод... разве удержиши язык за зубами?

При этих словах черные глаза Шолпан и вовсе стали бездонными, а в глазах Азимбая заиграли сумасшедшие огоньки безудержного желания... Азимбай и думать теперь забыл про грех, про бога и, думая лишь о том, как быть поубедительнее, заключил:

- Я же не ребенок, чтобы проболтаться? Или я враг тебе? Эх, женге, ты же не знаешь, как я тебя люблю... И так вон три года держала на длинном поводке. Может, я приду сегодня ночью... В общем, жди... приду...

Рука Азимбая, минуя рубашку, лежащую на коленях молодой женщины, пошла вверх по платью Шолпан.

- Ладно... но... ну, в общем, ладно...

- Дай поцелую...

- Погоди... вон кто-то идет.

Поблизости кто-то проходит. Шолпан для отвода глаз нарочито громко приглашает Азимбая домой, тот нарочито громко отказывается.

Стоит нежнейшая майская ночь. На небе – ни облачка. По бархату черного неба с какой-то думой, печалью, значением плывет серебряная луна. Чего она ищет? Может, это женщина, потерявшая возлюбленного? В тростнике за зимовкой квакают лягушки. Ква-ква-ква... О чем они? Наверное, тоже изливают душу, тоскуют о любви, о детях? С берега озера доносится уханье филина. Такое впечатление, что он кричит в темноту:

«Господи, господи!» Какой тяжкий грех совершила эта птица, если всю жизнь должна поминать господа?..

Вот о чем думает Шолпан, лежа в постели на деревянной кровати. Перед тем, как лечь, она помылась с душистым мылом, достала из сундука новое платье. Для кого она искупалась? Для кого принарядилась? Кого она ждет? Она ждет Азимбая. Она его ждет для того, чтобы изменить драгоценному своему Сарсенбаю, с которым на протяжении восьми лет жила душа в душу. Ради чего? Ради того, чтобы зачать ребенка. О, господи, прости меня, только ты сможешь меня простить... Вот раздался шорох шагов... Стук открываемой двери... Вот Азимбай вошел и идет прямо к кровати. Шолпан не прерывает молчания. Лежит и дрожит, как заарканенный кулан. Сердце ее подкатывает к самому горлу. Она боится, что если скажет хоть что-то, то сердце ее выскочит изо рта. Какая-то часть ее тела оледенела. Возбужденно дыша, как гончая, настигшая лисицу, в мгновение ока раздевшись, Азимбай лезет к ней в постель. В это мгновение глаза Азимбая вряд ли отличались от напитых кровью глаз гончей. Шолпан захотелось прогнать его, как собаку. Но нет, она не издала ни звука. А Азимбаю только того и надо, так и полез во все места, стал тискать ее в объятиях. Шолпан лишь беспомощно шептала: «Красавчик, ну, погоди... не спеши так...»

Прежде, чем войти в двери греха, она хотела открыть душу Азимбаю, хотела высказать ему обо всем, что мучило ее все эти годы. Ей хотелось рассказать, почему сегодня растаяло ее сердце, ранее непреклонное перед грехом. Она бы пояснила ему, что ей хочется только ребенка, а не этих жарких, сумасшедших объятий. Ей хотелось сделать Азимбая поверенным своей души, ее мучительных, порой неисполнимых желаний. Но Азимбай не стал ее слушать. Он бесновался в ее постели подобно псу, преследующему кролика. Не проронив ни слова, он был занят только ее телом. Вскоре все кончилось. Шолпан лежала безучастно, как мертвая. Пока безумный, опьяневший от страсти Азимбай забавлялся с ее телом, из прекрасных глаз Шолпан текли на пуховую подушку горючие слезы. Но Азимбаю не было дела до ее слез, до ее души. Его интересовало только ее тело, только это занимало его горячечные, бредовые мысли. Подушка под

головой Шолпан промокла от слез. И только нечаянно коснувшись промокшей подушки, Азимбай пробормотал: «Эй, ты чего плачешь? Вот действительно – Святоша!»

Перед рассветом он поцеловал Шолпан и сказал, что завтра зайдет пораньше. Шолпан, уставшей от бесконечных слез, так и хотелось сказать ему: «Нет, не приходи больше! Забудь дорогу к этому дому!». Но ради чего она все это затеяла? То-то же! Хорошо, если этой ночью она зачнет ребенка, но если не зачнет, эта ночь будет пожизненным проклятьем для Шолпан. И разве это прегрешение не станет для нее приговором? И, отирая рукавом слезы, ей не оставалось ничего, как сказать: «Заходи, красавчик, заходи... заходи, мой желанный!».

IV

Шолпан забеременела. Сбылась ее давняя заветная мечта. Жизнь, казавшаяся столько лет отравой, зацвела вновь. Грех не остался грехом, грех превратился в воздаяние. Ах, как же была рада Шолпан, когда почувствовала, что зачала ребенка! Ее лицо так и сияло! Ее ликующий смех раздавался и днем, и ночью. Едва оставшись одна, она гладила руками живот и целовала свою ладонь. Словно обезумев, она, беззвучно шевеля губами, возносila хвалу неодушевленному куску мяса, шевелящемуся в ее животе. Эх, Шолпан, глупышка Шолпан! Ну, хорошо, она добилась своего. То, ради чего она пошла на осознанный грех, свершилось. Так почему теперь Шолпан не расстанется с Азимбаевым? Неужто она и в самом деле встала на путь прелюбодеяния? Неужели распутство стало теперь частью ее жизни? Нет, Шолпан не такая, ее никогда не привлекали ни прелюбодеяние, ни распутство. Так в чем же тогда дело? Увы, на этот вопрос нет ответа. Женская душа глубже морской пучины. Легче познать тайну под семью пластами земли, чем тайну женской души. На первый взгляд, женщина, как ребенок, играет с огнем, не зная, что обожается. Женщина – божество для мужчины, она может и создать его, и уничтожить, может и внушить ему любовь, и повергнуть в пучину горя. Женщина – раба для мужчины, она способна стать пылью из-под его ног,

может исчезнуть сама, превратившись в его подобие. Если в любви преобладает женщина, то страдает мужчина, а женщина не забывает о себе, не теряет своего достоинства. Если в любви преобладает мужчина, женщина теряет себя, сходит на нет, теряет голову, становится немой и глухой. В особенности это касается женщин кротких, покорных. Такие женщины действительно превращаются в податливую рабыню для своего мужчины. Шолпан как раз была из таких женщин. Ее душа была нераздельна с телом. Кому бы она ни отдавалась, отдавалась душой и телом. Шолпан думала, что даст свое тело Азимбаю только на время, а душу сохранит свободной. Однако мысли ее не сошлись с делом. За последние несколько месяцев и душа Шолпан стала рабой Азимбая и так привязалась к нему, что уже не отвязать. Конечно, и это обстоятельство принесло Шолпан немало страданий. Изначально не жадная на слезы, она и тут бессонными ночами пролила их немало. Но разве слезами душу исправишь? Так и Шолпан не смогла. При виде Азимбая у нее кружилась голова, тело бросало в дрожь, язык заплетался. Шолпан и сама не знала, как оказывалась в объятиях Азимбая, который немедленно начинал ее тискать и обжимать. Да, так оно и было. При встрече он сразу набрасывался на нее, не давая ей очнуться или вставить хоть слово. Ну, ладно, может, так судил им Господь; видимо, поскольку Азимбай – отец ее ребенка, она не должна порываться с Азимбаем. Возможно, это даже не грех. Если Сарсенбай ей – законный супруг, то Азимбай – отец ее ребенка: Господь сам простит. Но как ей быть с этими слухами и сплетнями, гуляющими по аулу наподобие пожара? Эх, юнец Азимбай, красавчик Азимбай, безумец Азимбай! Ни капли тайны ведь не может утаить! Не может удержаться даже при посторонних. Прибежит, как собачонка, и ну, начинает обнимать, ну, тискать!.. А сплетни все не унимаются. Если ее теперь станут называть не невесткой-святошей, а невесткой-распутницей, какими глазами посмотрят Шолпан на людей?

Недавно даже свекровь ее спросила:

- Невестка, почему к нам часто приходит этот Азимбай и все время с тобой перешучивается?

Шолпан была готова провалиться сквозь землю. Ладно, черт

с ними, с людьми, со свекровью. Да и на жизнь ей свою наплевать. Вот только Сарсенбай... самый любимый и родной Сарсенбай... как теперь Сарсенбай относится к Шолпан? Почему он не радуется, как раньше? Почему он всегда так задумчив? Неужели нежная нить любви, так крепко связывающая их, теперь оборвалась? Пропади пропадом такой ребенок, ребенок, омрачивший их светлую любовь, их мирную, счастливую жизнь! Сарсенбай, который за восемь лет их жизни ни разу не обращавшийся к ней на ты, при встрече с ней теперь источает только холод. Мало того, по любому поводу обрушивается на нее с руганью. Да что там ругань, дело уже доходит до окриков, рукоприкладства. Не далее как вчера Сарсенбай избил Шолпан. Почему же он, который не раскрыл бы рта, даже если бы она бросила по ветру все его состояние, так жестоко избил Шолпан? За что? Из-за того, что она нечаянно разбила груду посуды? Нет. За то, что она изменила ему с Азимбаем! Он даже не предупреждает, бьет сразу. Молчит, словно в рот воды набрал или у него полный рот камней. Если бы он что-то сказал, то и Шолпан ему ответила бы. Она объяснила бы ему, что изменила ему ради ребенка. И чего ей это стоило, сколько мук она претерпела на этом пути! Но нет, от него и слова не дождешься. Вот ругань, пожалуйста, побои, пожалуйста! Какая теперь любовь? Жизнь полетела к чертям! Пропади все пропадом! Проклятье ребенку в животе, изгладившему ее жизнь!..

Шолпан, хоть и размышляла бессонными ночами, но так и не нашла выход из этой ситуации. Находясь между двух огней, она не знала, куда приклонить голову. Ее отношения с Сарсенбаем становились все хуже. Они отдалялись друг от друга все дальше. Однако в этом мире многие загадки, которые не способен разрешить человек, разрешает время. Сетей человеческих можно избежать, но от времени никуда не денешься. Узел, затянувшийся между Сарсенбаем и Шолпан, тоже разрешило время.

Настали последние сентябрьские дни. Аул готовился откочевывать на зимовку. Стояла холодная ночь. По небу, как бы наперегонки друг с другом, плыли сумрачные тучи. Заиндевев-

шая земля покоилась, словно в саване. Замерзшие под арбой телята то и дело нежно мычали. Рядом на своих огромных животах, не обращая ни на что внимания, посапывали коровы. Сарсенбай сегодня с утра ушел в город продавать скотину.

В юрте на деревянной кровати, завернувшись в ситцевое корпё¹⁰, лежит Шолпан. Прикорнув на ее груди, покралывает Азимбай. Шолпан тоже спит... Вдруг слышится поскрывывание едущей повозки. Шолпан вздрогивает и просыпается. Может, это почесывается корова? Нет, это арба... только у арбы скрипят так колеса...

- Азимбай! – кинулась она к любовнику. Он едва шелохнулся, промычав что-то невнятное. Она, поняв что кричать бесполезно, ушипнула его в бедро.

- Эй, ты что – припадочная? – вскочил Азимбай.

- Тсс... тихо ты... вон арба едет... никак это мой муж. Уходи скорее, не то позора не обернемся.

- Ты, наверно, с ума сопшла. Откуда ему быть здесь? Он же в городе!

- Господи, да вставай же быстрее! Вон он уже подъехал!

Когда Азимбай, украдкой выйдя из юрты, только побежал восьмояси, за дверью было слышно, как сходит с арбы Сарсенбай.

- Эй, кто это? – крикнул он на шорох чьих-то шагов.

И только прокричав это во тьму, Сарсенбай увидел Азимбая, вместо ответа бегущего к озерным тростникам за зимовкой. Сарсенбай не стал даже привязывать лошадь, скинул с плеч квадратную фуфайку, вбежал в юрту и стал стегать сумою с сахаром лежащую на кровати Шолпан. Кровь так и бросилась ему в голову, он ничего не видел, ни о чем не думал. Весь во власти непреодолимого гнева он только размахивал сумою с сахаром. Вжик-вжик, вжик-вжик! Вжик! Шолпан не подавала признаков жизни. Обмякнув на кровати, она лежала в полном безразличии. Такое поведение Шолпан еще больше взвесило Сарсенбая.

- Ах, ты, сучка! – Сарсенбай выкинул суму с сахаром, сбросил ситцевое одеяло, и, схватив заплаканную Шолпан за руку, бросил с кровати на землю, и стал ненадменно пинать. Шолпан не издала ни звука, только вытирала рукавом слезы. Он пинал ее в голову, в ребра. Она молчала. И только когда каблуком

сапога он попал ей в солнечное сплетение, она ощутимо охнула. А потом опять, как будто в рот воды набрала. Вот каблук попал ей в живот. Шоллан, закрывая ладонями живот, вскричала: «Там же ребенок!». Это настолько взбесило Сарсенбая, что он стал напоминать бешеного волка.

- Разве я просил у тебя ребенка, сучка ты здакая! Разве я просил тебя в распутстве родить мне ребенка? Ты, сучка, вон уже полгода позоришь мое доброе имя! Молчи, сучка, я убью тебя, как собаку! Убью! Чем каждый день сгорать от стыда, лучше сгореть сразу! Умри, собака! Умри!

Сарсенбай выкрикивал эти слова во весь голос. Немного погодя, от его криков проснулся весь аул. Первой, выйдя из большого дома в накинутой на плечи старой фуфайке, приволочилась старая мать Сарсенбая. Тут же вслед за нею с безрукавкой на голом теле, с коленями, поблескивающими из-под рваного исподнего, прибежала жена пучеглазого соседа. Обе они, голося, вбежали в юрту.

- О, господи, ты же можешь ее убить! Образумься!

- Плевать я хотел на ваши советы, не ваше дело, я убью эту сучку, убью!

Старуха и женщина стали разнимать их. Но Сарсенбай уже невозможно было остановить. Отбросив их в разные стороны, с налитыми кровью глазами он продолжал пинать все так же безучастную Шоллан.

- Может быть, она потеряла сознание, а, может, уже умерла?

Бедные женщины, поняв, что сами не смогут остановить избиение, выбежали на улицу.

- Ойбай, куда вы все делись? – завопила на весь аул жена пучеглазого. – Сюда все, сюда! Здесь человека убивают!

Люди, и без того в тревоге сгрудившиеся по домам, тут же выбежали из своих лачуг. Кого только тут ни было: едва вдев ноги в галоши, в криво нахлобученных кимешеках¹ бежали женщины; плюясь и отхаркиваясь на всю округу, бежали солидные главы семей; в ичигах на босу ногу бежали застенчивые молодки. В сапогах с широкими голенищами, в просторной верхней одежде, путаясь в шароварах с болтающейся мотней, трусили на громоздких лошадках

аульные горе-воротилы... В простроченном белом бешмете, с длинным посохом в руке здесь был и ходжа Темир, собиравший зякет¹², почивавший у кого-то из аульчан.

Вбежав в юрту, они застали следующую картину. Шолпая, не подавая признаков жизни, все также безучастно валялась на кровати. Все платье ее было разорвано. На теле не осталось живого места, лицо напоминало кровавое месиво. Со рта и ноздрей сочилась кровь. Сарсенбай сидел поодаль на кровати, такой же безучастный и равнодушный, как и Шолпан. Кажется, он совсем выбился из сил. В двери юрты потоком валил народ.

- Этот бедняга, видать, сошел с ума, — сказал кто-то.

- Ойбай, да никак она умерла! — ужаснулся второй.

- Пусть умирает, распутница! — пригвоздил третий.

Толпа бурлила, равнодушных не было. Ходжа Темир, подержав за запястье Шолпан, сказал:

- Окропите ее водой!

Кто-то побрызгал на нее воду.

Через какое-то время Шолпан вздохнула и еле выдавила из себя:

- О, Аллах!

- Не поминай Аллаха, сучка! — вскричал Сарсенбай.

- Сарсенжан, — раздался вкрадчивый голос ходжи Темира, — успокойся, дорогой! — Нет мужчин, не поднимающих руку на женщину, однако...

- Светлейший, вы не вмешивайтесь сюда! Пусть подыхает.

Собаке — собачья смерть!

- Сарсенжан, одумайся, ведь убить человека...

- Как бы то ни было, она не будет больше моей женой. Я с ней развозжусь! Талак! Талак!¹³

- Сарсен, успокойся, гнев — плохой советчик! Вы же столько лет жили душа в душу. Разве легко теперь будет расстаться? По шариату, если что-то осквернилось, его можно заново очистить. К примеру, в шариате сказано, что, если женщина в своем характере выкажет что-то предосудительное, ее надо с головы до ног окатить сорока ведрами воды...

Не успел ходжа сказать эту истину, как несколько женщин потащили к выходу едва пришедшую в себя Шолпан. Когда

холодной сентябрьской ночью женщины, затолкав ее в темную комнату, стали раздевать, поддерживая с разных сторон, Шолпан еще кое-как была в сознании. Но вот одна женщина, стиснув зубы, опрокинула на голову Шолпан большое железное ведро с ледяной водой. Шолпан не закричала, но вздрогнула. Ибо именно в эту секунду в угасающем сознании Шолпан молниеносно пронеслась вся ее жизнь.

...Вот она заплела в косы новые шолпы", и, чтобы полюбоваться их звоном, она снова и снова складывала и раскладывала вещи на сундуке... Вот она, еле упросив маму, идет на девичью гулянку... Вот первый приезд Сарсенбая... Их первая ночь... Бычий глаза ходжи, изгонявшего из нее злых духов... Черные усы Азимбая...

Женщина со стиснутыми зубами, пробормотав что-то, опрокинула на нее второе ведро.

- О, Аллах! – едва прошептала Шолпан.

- Распутница, какое тебе дело до Аллаха? – вскричала одна из женщин.

- Ничего, родненькая, это же все по молодости... пусть бог даст ей успокоения, - промолвила вторая.

Больше Шолпан не сказала ни слова, да и мыслей уже не было. Постепенно кровь в ее теле превращалась в лед, а сознание угасало все больше, пока не угасло совсем. Глаза Шолпан как бы сами собой закрылись. Третье ведро, четвертое, пятое... Какое-то время, принимая очередную порцию ледяной воды, тело ее еще подрагивало. Но немного погодя прекратилось и это...

Назавтра к полудню Шолпан с силой открыла глаза и прошептала:

- Где мой ребенок? Почему этот... не придет, не проведает?
– с этими словами она обняла угол корпе, губы ее, еле шевелись, хотели произнести что-то, но устав от этого усилия, она упала на спину и потеряла сознание.

Шолпан простилась со своей жизнью на закате.

ШОЛПАННЫҢ КҮНӘСІ

(Өңгіме)

I

Шолпан Сәрсенбайға шыққан жылы өзіндей жас келіншектермен аулақта кеңескенде: «Баласыз өмірдің қызығы жоқ кой», деп аузымен ғана айтушы еді. Мал орнына сатылып, жаны сүймеген жанға жар болатын қазақтың сансыз қыздарының ішінен алдекалай өзінің сүйгеніне тиғен Шолпан шынында бастапқы жылы бала керек қылмады. Ақ отаудың ішінде онаша жатса да, яки күйеуін құшақтап жатса да, ол ылғи ішінен: «Жасаған-ау, бала бере көрме?!» деп тілейтін еді.

«Балалы болсам, әдемі өмірім бұзылады-ау», деп ойлайтын еді Шолпан... Бала туса күйеуімен екеуінің ортасында бір тікенек өсетіндей болушы еді... Қиуласып қосылған екі жанның арасына жат бір үшінші жан түскен соң, екеуінің де жалынды, екшінді махаббаты бұлінер, бәсендер, сұнар деп корқушы еді Шолпан.

Осы ойлармен талай тундерде, талай таң мезгілінде тәнірден: – «Бала берме!» – деп тілеп еді. Күншығыстан ақ жібектей таң атып келе жатқан мезгілде, взге адам сәждеге құлап, мәндайын топыраққа былғап, тасқа ұрып Тәнірден бақытты тұрмыс, өшпес бақыт, кетпес байлық, әсіресе, бала сұрайтын кезінде, Шолпан курсіне-курсіне, жасағанға: «Бала бере көрме!» – деп жалынЫп еді. Затында баланы жек көргендіктен емес, ерімен екі ортасындағы жібектен нәзік махаббат жібі үзілмеу үшін, екі жанды бір-біріне қоса білген иманинан да ізгі махаббатқа басқа бір жан келіп, тап салмау үшін бала болмауын тілеп еді Шолпан.

Жас жүректің үйткыған ондай есалаң тіледі қабыл болды ма, кім білсін, түскеніне үш жыл толды, Шолпан құрсақ көтерген жоқ, құрсақ көтермегеніне Шолпан шын разы еді. Ері мен екі ортадағы махаббат оты күн сайын дүрілдемегенімен, бәсендемей, бір қалыпта тұрганы сол баланың жоқтығынан гой деп ойлады Шолпан. Уш жыл бойы ері де ешбір уақыт бала, жоқтамаган сықылды еді, уш жыл бойы Шолпанның басқа, Шолпанның оттай ыстық, желдей жібек құшағынан басқа

шілтепе тілемеген еді Оның өмірінің басы да, аяғы да, «ағузисі» да, «сүбіханысы» да Шолпан гана сықылды еді. Дұниеде теңіз терен емес, адамның жаны терен, Шолпанның ерінің жанының терен түбінде қандай ой, қандай тілек жатқанын кім білсін, әйтесір Шолпана осылай көрінуші еді. Қысқасы, Шолпан үш жыл бойына оны осы ойдан қайтаратын ешбір сезі де естіген жоқ, ешбір іс те көрген жоқ. Дұрысы, баласыз өмір бос өмір деген сезіді басқа талай адамдардан естіді, бірақ жаны сүйген жарынан естіген жоқ. Ғашық адамға Құранның аяты қасиетті емес, жарының сезі қасиетті, жарынан басқа адамның сезін не қылсын Шолпан!

Бірін-бірі куалап, ай соңынан ай озды, бірін-бірі жетелеп жыл соңынан жыл озды, не керек, Шолпанның «бала болмасын» деген ойы бекігеннең бекіді. Бірақ... жалпы жаратылыста да, адамның өмірінде де, адамның ойында да, езгерістің даярлығы болмас, дәл езі үзақ созылып барып болмақ емес. Өзгеріс қашан да болса кенет болмақ. Екі ай, үш ай, күз дейміз. Сонда күздің келгендін адам екі-үш ай бойына сезіп жүрмейді. Бір-ақ уақытта, айтталық бір-ақ тунде әжімді жүзі жылауық күздің келгендін сезіп қалады.

Шолпанның «бала болмасын» деген ойы да бір-ақ тунде өзгеріп шыкты. Ұршықта оралған жіптей басы-аяғы жоқ қыстың ұзын кеші еді. Інірде мал жайлап болған соң, Шолпанның ері әңгімелесіп отыру үшін құрбысы Нұржанның үйіне кеткен. Нұржанның үйленгеніне бес жыл болып еді. Бес жылдың ішінде үш баласы бар еді: екеуі ұл, біреуі қызы. Шолпанның ері Сәрсенбай Нұржанның үйінде ұзақ отырып қалды. Сәрсенбайды ұзақ отыргызыған Нұржанның ұзақ әңгімесі емес, оның үш баласы еді. Әңгіме дейтін әңгіме де болған жоқ, тек бәрі үш баланың қызығына қарасып, маз-мейрам болысты да отырды. Нұржанның екі ұлы былдырыласып, өлең айтқан болысады. Білектерін сыбанып, алақандарына түкіріп, түштіландалап, бір-бірімен куресеміз деп ұстаса бергенде, алқарты бір-біріне шалынысып қалып, біреуі жығылады, екіншісі оның үстіне жығылады. Үйде отырган жүрттың бәрі қарқ-қарқ күліседі, балаларды кезек-кезек шакырып алып сүйседі. Нұржанның әкесі немересін шакырып алып, асты-үсті,

алды-артынан, тіпті сүймеген жерін калдырмайды. Әсіресе, Нұржанның кішкене қызының қылғы, тәттілігі балдан да тәтті еді.

Сәрсенбай Нұржанның үйінде осы балалардың у-шуымен ұзак отырып калды. Жүргіпен бірге ол да қарқ-қарқ күлді. Ол да балаларды кезек-кезек сүйді. Нұржанның үйінде Сәрсенбай ұзак отырып, қайтуға шыққанда, ауылдың бәрі-ақ жатып қалған еді. Қайтыш үтіге кірсе, Шолпан да жатқан екен, бірақ үшіктаған жок екен. Шешініп Шолпанның қасына жатты да, Нұржанның балаларының ісін, олардың тәтті қылқытарын әңгімелеп айта бастады. Үнілемей, күрсінбей, «біздің баламыз жок-ау», деген уайым да айтпай, қайта күле-куле сөйледі.

Сәрсенбай әңгімесінің арасында жай сөздің екінімен: «Балалы үй – базар, баласыз үй – мазар» деген сез ыт-рас-ау деңгендегі, Шолпанның басында жаңа бір ой жарқ ете түсті: «Уш жылдан бері балам болмасын деген тілегінің қате болғанда да есалың екендігі, бала болмаса екеуінің өмірінің ку мазарга айналтындығы» еді. Арапарындағы жалынды махаббаттың заманың озуымен бірге бірте-бірте май шамдай еріп сөнетіндігі, құшақтың ыстығы өмір бойы бір қалыпта тұрмайтындығы, екі жүйрік жүректің екіні бағулаған кезде бір-бірінен жиредірмей, бір-біріне берік байлайтын бала екендігі, баланың ер мен эйел арасындағы дәнекер екендігі міне, осы ойлардың бері сол сағатта ал-айқын боп Шолпанның кез алдына келді.

Сәрсенбай балалардың тәтті қылқытарын күле сөйлеп, ұзак әңгіме етіп айтты. Төсекте жатып ол шын ынтасымен қарқ-қарқ күлгендегі, Шолпан да бірге күлді. Бірақ бұл күлген Шолпанның жаны емес, бет терісі ғана еді.

Сәрсенбай манагы макалды айтқаннан кейін Шолпанның сұнкардай үшкыр жанын, желдей есалың жүректің қара жыландаі қап-қара ойлар орап алып, улай бастап еді. Түпсіз төріздің қаракек толқындарындаі қап-қара ойлар бірінің артынан бірі келді... Уш жыл бойына созылған есалың тілек. Әлдекайда алыста бұлдырлап келе жатқан кәрілік. Көзінің оты сөніп, сүп-сүр күлге айналған, күздей көңілсіз кәрілік. Жаның қанатын қырқатын, жүректің отын сөндіретін кәрілік. Бала болмаса, сол кезде сөніп бара жатқан өмірге кім сәулө берер, кім

оны жылтар?.. Бала болмаса, сол кезде ішіндегі дәні шіріп, кеүіп қалған шептің қауызында, бос өмірдің кемтігін кім толтырап?.. Жок-ау! Элдекайда алыстағы кәрілікті коя тұрши. Оған өмір не жетер, не жетпес, сол кәрілік жетпей-ақ осы қүннің езінде-ақ өмір босап қалайын деп тұрган жоқ па? Жаһанда онан күшті нәрсе жоқ деп, иман келтірген махаббаттың күші ерімен екеуін бір-біріне берік байлауга үш-ақ жылға ғана жетіп, енді ез-еziнен соңейін деп тұрган жоқ па? Ессіз Шолпан үш жыл бойына бала болмасын деп тіледі. Енді сол бала болмағандыстан, ертегідей әдемі өмір қу мазарға айналайын деп тұрган жоқ па? Міне, Шолпаниң жаңында қаракек теңіздің толқындарында үйткыган ойлардың қорытындысы осы еди.

Сәрсенбай элдекашан үйкіга кетті. Бірақ Шолпан анау ойлармен уланып, кірпік қақсысы жоқ. Қыстың ұзын туні шайтаның шашындағы ұзарғаннан ұзарды. Шолпаниң ойлары да терендегеннен терендеп, қарайғанин қарайды...

Күншығыстан ағарып алтын таң атып келе жатқанда Шолпан болар-болмас күбірлеп: «Жасаган-ау, бала бере көр!» деп, жас балаша өксігін баса алмай, жасаганнан бала сұрап жатыр еди.

II

Осы түннен былай қарай Шолпаниң бар тілегі бала болды. Жатса да, тұрса да, ояу болса да, ұйықтаса да: «Жасаган-ау, бала бере көр!» деген тілекті Шолпаниң не аузы, не жүрегі айтуышы еди. Бірақ бірін-бірі қуалап, ай сонынан ай озды, тілей-тілей тілек тозды. Соға-соға жүрек тозды, тілек тозды, жүрек тозды: өмір тозды. Талай түндерде көзден емес, жүректен ыстық жас төкті. Сопы болды, ылғи дәрет алып, таза жүрді, намаз оқыды. Күн сайын таң сібірлеп келе жатқанда-ақ тұрып, сәждеге құлады, таспигын санап, «сұбханалла» айтты. Бірақ бала болмады. Шолпан езінің сопылық жолға тусу себебі «бала» екендігін ешкімге айтқан жоқ. Жаңынан жақын ері Сәрсенбайға да айтқан жоқ. Сондықтан, Шолпаниң мынау мінезі Сәрсенбайға да, басқаларға да жат, оғаш көрінді. Жақыны да, жаты да құлісті, келемеж қылышты. «Ой, сен шрәддар болайын деп жүрсің бе?» деп күлетін болды Сәрсенбай. Ауыл-аймак

Шолпанга: «Пірәдар келін», «Пірәдар женге», «Пірәдар абысынымыз» деп ат қойды. Үлкен де, құрбы да, бала-шага да күлді. Бірақ, Шолпан жүргіндегі жараны ешкімге ашқан жок. Ашқанмен олар ұгар ма еді? Тегінде адамның жүрек сырны шеттің ұғу мүмкін нәрсе емес қой. Төңіз терең емес, адамның жаны терен. Су түбінде жатқан зат жел толқытсағана шықпак. Ой түбінде жатқан сыр шер толқытса да шықпак емес. Шықса шер мен сырдың көленкесі, сәулесіғана шықпак. Дүниеде адамнан кын жұмбак жок. Адам шешгү жоқ жұмбак. Шешуі деп атауга болатын болса, адамның шешуі жалғыз өлім. Осы ойлар Шолпанның жанында таспиктай тізілген ретті болмаса да, оның жаны соқыр сезіммен осы ойларға өзі барып тірелген еді. Эм Шолпанның жүрек жарасын ешкімге сездірмеске тырысуының себебі осы еді. Не керек, жақын, жаттың ортасында жалғыз болды. Бітеп жара болды, жалғыз өртенді, жалғыз жылады, дүниеден безді, сопы болды. Бала сұрады, қалайда бала болмады.

Бала... сол бала үшін қандай ессіздік істемеді есті Шолпан! ұшыраган молдадан дуга алып бақты. Аты естілген кояжадан ішірткі жаздырып ішті. Корінген салдеге үшкіртті. Шиқандай қып-қызыл бетті қожа бесті бұқадай суга қарап: «Тіпу-тілу!» деп үшкіргенде, қожаның «қасиетті» лебі шетке быттырамай, тұра түгел ішіме барсын деп, жүрегі ойнап, жузі бір қызырып, бір ағарып, бетін қожаның аузына тақап, тосып отырушы еді Шолпан. Ылғи: «Кезім қарайып, басым айналады» деген сылтау тауып, өзін бақсыға да қаратты. Тағы... тағы... не істемеді Шолпан?! Өртке ұшырап аласұрган жан не істейтін болса, Шолпан да соның бәрін істеді. Бірақ, бірін-бірі жетелеп, жыл соңынан жыл озды. Баладан белгі болмады. Шолпан тілеуден талмады. Кезінде жас қалмады. Дүниеден безді. Пірәдар болды, әулиеге ат айтты, қорасанға қой айтты: «Жасаган-ау, бала бере гөр!» деді. Бірақ, тілек іске аспай, ағы жоқ жыр болды. Кел болып төгілген көздің жасы жерге сінді, тілек тозды, өмір озды, Шолпан бала кетермедин. Қанша жалынса да, қанша жыласа да жасаган оған бала бермедин. Кім біледі, Тәңірінің Шолпанның бала бермеуі өзінше дүрүс шығар, өзінше жен шығар. Бастаның жылдардағы Шолпанның: «Бала бере көрмө!» деген тілегін кабыл қылып, тозбайтын, қайта түзелмейтін тақтайна жазып

көйган шығар. Шолпанның ендігі тілегі болары болыш, бояуы сіңген, соңғы пайдасыз бос тілек шығар. Ірі саудагерлердің бір айтар: «Сауда жоқ!» дейтін мінезі, кім біледі, Тәнірде де бар шығар. Тегінде Тәнірі де ауыздықсыз, арсыз саудагер. Тізгінсіз, меммен экім мінездері де бар секілді.

Мұндай мінезі болмаса, бүйрығымды бұздың деп атамыз Адамды жұмақтан тырдай жалаңаш айдал шығар ма еді? Топырағыма табынбадың деп әзәйілді ібіліске айналдыраш ма еді?.. Кім біледі, Тәнірі ежелгі осы белгілі белдігіне салды ма? Қалайда Шолпанға бала бермедин. Дұғалық нағыз, ішірткі ішу, үшкірту, түкірту, қақтыру-соқтыру, намаз, ораза, садақа, нәзір һәм басқа басы-аяғы жоқ құлышылдықтан акырында Шолпан шаршады. Бұл құлышылдықтардан ешбір пайда болмайтындығына көзі жетті. Тілегі қабыл болмады – Тәнірден тәуелі қайтты, өмір шіркін ескен желдей озыш барады. Өмір бір құрулы машина.

Токтау білмейтін, шаршau білмейтін жансыз машина. Әлдекімнің жас орына қан жылағанын, әлдекімнің үміті өшіп, гулі солып жатқанын, дөңгелектің арасында әлдекімнің колы, аяғы, басы – барлық денесі кеткенін, денесі ғана емес, жаны, жүргегі кеткенін не қылсын?! Қайрылып қарау білмейтін, аяу білмейтін өмір Шолпанның да жүргінен саулап ақдан қанына, қанаты сынып өліп жатқан жанына кідіріп, бұрылып қарagan жоқ. Жалғыз аузынан емес, бар денесінен көбігі бұрқырап, таудан қулаган есалан өзендей есалған өмір озыш бара жатты. Өмірдің әрбір минуты сайын Шолпан ойынын, Шолпан жанының әрбір үшікінін еліп жатты.

Өмір озады тілек тозады бала жоқ. Енді не құлмақ керек? Жоқ, дұғалығы, молдасы, қожасы құрысын! Құлышылдықтың құрысын! Айтқанынан қайтпайтын қасарған тәкашар Тәнірісі бар болсын! Жоқ, бала болудың кілті көктө емес, адамның өзінде шығар.

Бала болу ер мен әйелдің өзіне байлаулы шығар. Шолпанның бұл күнге шейін бала көтермеуі, кім біледі, оның шын әйел бола алмағандығынан шығар. Ерімен жатқанда, барлық қазақ әйеліңдей қаннен-қаперсіз жай бір жұмыс істегендей салқын жатуынан шығар. Ермен қосылғанда сол қосылу ісіне

жан-дөнестімен беріле білмейінен, оның құшағының жалыны элсіз болғандықтан, суюнің оты кем болғандықтан шыгар...

Осы әрі тәтті, әрі улы ойлардың билеп айдауымен Сәрсенбайға жатқанда, тіпті екінші түрлі жата бастады. Денесі өртке, құшагы жалынга, аузы отқа айналды. Сәрсенбайдың қойнына жата бастағанда, мойнына бұғалық түсken күйкітің асау лагындаі, өмірінде ер заттың бірінші рет көретін он үш жасар жас қыздай дірілдеп, құйіп-жанатын болды. Құшақтағанда Сәрсенбайдың қабыргаларын бір-біріне қабыстырығандай қысып-қысып құшақтайдын болды. Аузынан Сәрсенбайдың бетіне от жібергендей құшырланып, жалындан сүйтін болды. Шолпанның улы құшағында сен соққан балықтай соқтығып, у ішіп айныған адамдай елжіреп жатып Сәрсенбай: «Ой, сен кәрі боз, картайғанда жорға шығарайын деп жүрсің-ау!» – деп мырсмырс күлетін еді. Сәрсенбайдың мынау күлкісі Шолпанның жүрек жарасына бұрыш себетін еді. Сол кездерде оның кездеріне меруергтей мәлдіреп жас күлетін еді. Жанынан жақын көрген Сәрсенбайдың оның жан сырны, жүрек жырын ұқлағанына зығырданы қайнаушы еді, жүргегі уға толушы еді. Бала үшін дүниеден безіп, сопы болып жүрген кезінде «пірәдар» деп келемеж қылғанына, сол бала үшін жан-тәнімен беріліш, әдейі есаланған шақтарында оған «Жорға» деп ат қойғанына – Шолпан Сәрсенбайға шын-шын ренжүші еді.

Бала... бала екеуінің де жоғы емес пе? Екеуіне бірдей керек байлам емес пе? Сәрсенбай сол ортақ жокты неге бірге іздеспейді? Баласыз өмірдің бос екенин неге сезбейді ол? Ол неге сол іздеу отына Шолпанмен бірге түспейді, бірге жанбайды? Ерек атаулы бала дегендеге, ішкен асын жерге қойғанда, Сәрсенбай неге бала деп аузына алмайды? Әлде... алде... жок... болмас... болмас... кім біледі... жок... ендеше ол неге бала іздемейді? Неге... неге... шынында ол, алде бедеу ерек пе екен? Тәңірім, Тәңірім... егер ол шынында, ол бедеу болса... күлшылықтың кемдігінен, құшақтың салқындығынан болмай, Сәрсенбайдың бедеулігінен болса! Бес жылдан бері Шолпанның жүргегіне түсken жара мәңгі жазылмайтын жара болғаны ма? Жайнамаз үстінде тәгілген ыстық жастар, жалынды құшақтар, отты сүолер, бәрі әсерсіз желге кеткені ме? Бала

деген күр сөз болып, сағым киял болып қалғаны ма? Енді қалған өмірдің жашырағынан айрылған қайыңдай жап-жалаңаш болып оғаны ма? Жалынды махаббатпен косылған өмір кионы кеткен екі ағаштай бір-бірінен бірте-бірте айрылмақшы ма? Лаулаң жанған махаббат бірте-бірте бәсендеп, бықсып сөнбекші ме?.. Махаббат сенсе, өмірде не қызық қалады?!

Сез жоқ, Сәрсенбай бедеу. Соңдыктан бала жоқ. Бала жоқ болған соң мен бақытсыз... мен бақытсыз болғанда Сәрсенбай бақытты ма? Оның жүргегі жанбай ма? Өзінің екі өмірді улаушы екенін ойлап, оның жүргегі жанбай ма? Қартайған күнде өмірді жылтытатын от бала оған керегі жоқ па? Сөз жоқ, мен бақытсыз болсам, Сәрсенбай да бақытсыз.

Ендеше осы батып бара жатқан өмір кемесін бақыт жарына кім сүйреп шығара алады?

Шолпан. Жалғыз Шолпан. Бір өмір үшін емес, екі өмір үшін Шолпан осыны істеуге міндетті. Шолпан бала табуға міндетті.

Тегізден терек, таудан зор күнә қылыш болса да ол бала табуға міндетті. Ізгі тілек үшін істелген күнәні жасаған кешпес пе екен? Жоқ, Құдайдың құрметті мол, ол кешеді. Тәңір кешер-ау, бірақ адам кешер ме?

*Ұрлық қыл да мал тап,
Ойнас қыл да бала тап.*

Осы мақалды шыгарған кісіге лагынет жаусын! Лагынет!.. Жасаған-ау, өзің кеше ғер, бір өзің...

Шолпаниң осы күнәлі ойлармен уланып, ыстық жасқа шомылыш жатқаны Сәрсенбайға тигенінің сегізінші жылы еді...

III

Май айы. Ауыл қыстаудың жанына жылжып қана қонған. Шаршы тұс мезгілі. Кішкене жел бар. Маса жоқ есебінде. Қоқте кекала торғын бүлттар маужырап қалғып, ерініп қана әлдекайда жылжып бара жатыр. Ауада торғын оралып жүрген сықылды... Желіде еркелікпен тартылып, мойның ауырганына қарамай киястаныш асав құлындар тұр. Олардың жанында құйрығы мен арқасын анда-санда салмақпен сипап тұрған сақа биелер.

«Кұлымым-ау, құр мойның ауырады, қиястықтан пайдада жо» деп ақыл үйреткен сыйылды. Кұлымының алды-артына түсіп: «Бұз не болды саған? Не болды саған, кұлымым?» деп абыржыш құлыктар жүр. Кұлықтардың бүл мінезін ұнатпай, «әй, елпендерген сорлы, сабыр қылсайши, ешбір бәле жоқ!» дегендей кәрі айғыр құлагын элсін-элсін жымитып қояды. Кой алі өрістен келген жоқ. Үйшіктегі қарны ашқан қошқайлар «мә-мә» деп зарлап тұр...

Сол уақытта ақ отауының алдында күнгө жылынган мысықтай керіліп Шолпан отыр еді. Ол бір нэрсе тігіп отырган сыйылды. Бірақ, шынында ол тігіп отырган жоқ. Үш айдан бері аруақтай артынан қалмай жүрген күнәлі ойларын ойлап отыр еді. Бір ай болады, Шолпан күнәға белін берік байлаған. Ізгі тілек үшін ізгі күнә істеуте, бір бала үшін жан жары Сәрсенбайға қиянат қылуға ол ойын бекіткен. Сәрсенбай бүтін қонаға қалага шыгады. Әйттеур, істейтін болған соң ұзаққа созып, умен құр улана беруде не қасиет? Жарайды, соза беруде қасиет жоқ, бірақ лайық кім бар?

Болашақ балага ата болуга лайық кім бар? Жылқышы Адамқұл... Дұрыс, құлмен жүрсе, сыр шетке паш болмас еді, жабулы қазан жабулы күйінше қалар еді. Бірақ... Адамқұлдан қандай бала тумақ? Күннен күн, құлдан құл тумақ емес пе? Болса, бала құл болмасын, үл болсын. Бала болса, мұт болсын, мұт болмаса жоқ болсын. Ұңжық, жасық құл баланың болғанынан болмағаны иті... Жоқ, жоқ, Адамқұлы адыра қалсын! Жә, енді кім бар? Ешкім жоқ. Махаббаттың ақ қанатын кірлетуге тұратын, әсіресе болашақ балага ата болуга лайық ешкім жоқ. Шынымен ешкім жоқ па? Шойбай... жоқ... Жұмағали... жоқ... Әзімбай... Әзімбай... Әзімбай қалай болар? Текті астаның баласы, езі жас, дені сау, сымбатты жігіт. Жасы 18-19-дан артық жоқ шығар. Ұзын бойлы. Екі жауырынына екі кісі мінгендей. Үлті күліп қана тұратын қой көзді. Жаңа шығып келе жатқан кара мұрты қара жібек сыйылды. Ойбай-ау, сол Әзімбайдың езі үш жылдан бері Шолпанға «женге» деп күнкілдеп жүрген жоқ па еді? Элі ысылмаған жас қой: Шолпанға сез айтқанда, сака бозбалалардан естіген сөзді жаттап келіп қана айтушы еді. «Жас жастың тілегі бір, жібектің түйіні бір...»

Ұршыққа оралған жілтей бас-аяғы жоқ ойлардың дәл осы жеріне келгенде, Шолпанның ерні күлгендей болды...

Дал сол мезгілде үй артынан Әзімбай шығып: «Женге, іске сөт!» – деп Шолпанның жанына жантая кетті. Ақын айтқандай, «бетік шықпай қала ма, жүрек ізі», Әзімбайды көргендеге Шолпан жүргегі аузына тығылып, бір қуарып, бір қызырып кетті. Шолпанга күнәс қылып жатқанда, біреу үстінен шығып калғандай, күнәлі ойларын Әзімбай біліп қойғандай көрінді.

– Ерте-кеш қолынан бір іс түспейді-ау, женге. Тігіп отырганың не? деп, Әзімбай Шолпанның тізесінің үстіндегі кейлекті ұстаган болып, Шолпанның санын шымшыңқырап алды.

– Қойши, сал жігіт! Бір түрлісің-ау!.. Жақсы аған бүгін қонаға қалага шықпақшы еді. Соның бір көйлегінің женін үштап отырмын. Сені де қалага жүреді деп еді ғой.

– Жақсы ағам бүгін қалага журе ме?.. Жә, женге үш жылдан бері айтып жүрген сөзім емір бойы аяқсыз қала ма? Жүрегің бір елжіреуді, аяуды білмейтін тас екен!..

– Тағы бастадың ба? Сал жігіт, мені әуре қылып не қыласың? Анау пісіп тұрған қыздарға сөз айтсайшы.

– Мен сенен қыз сұрадым ба? Саны көп, сапасы жоқ қыздары құрысын. «Орамал тастайды ғой тенденсіне» дегенді білмейсің бе?

– Жиырмаға жетпей алжысайшы. Сегіз жыл біреуге қатын болған сенің тәсің мен бе?

Осы сөзді айтып құліцкіреп, көзін ерке мысықтай сығырайтыңқырап сынап, Шолпан Әзімбайға қарады. Шолпанның мынау сөзінен, мынау көзқарасынан сасыңқырап, тығышыңқырап қалған Әзімбай:

– Жоқ, Жақсы көрген дегенім ғой. Тәңірі, неше жыл қатын болса да, бала таба алмаған эйел кәрі бола ма?

Әзінің мынау сөзінен Әзімбай, тіпті тығылып қалды. «Бала» деген сөзбен Шолпанның жүрек жарасына тиіп, оны өзінен алыстатып алғанын сезіп, Әзімбай үзілген сөзді енді жалғап алып кетуге шамасы келмей, сез орнына қолымен Шолпанның сол жақ санын қысыш-қысыш койды.

Шолпан санынан Эзімбайдың қолын алды да, көйлекке қарап біраз ойланып отырып:

— Жақсы көргенін рас шығар гой, бірақ жақсы ағаның кезіне қалай шөп сал дейсің? Балалардың: «Сұрлық қылайық, қылсақ қылайық, Құдайды қайтеміз?» дегеніндей, Құдайды қайтеміз?.. Және сен жассың. Аузыңда не бола алмайсың гой...

Мынау сөздерді айтқанда, Шолпанның қара көздері түнгіш түпсіз теңізге айнала бастады. Эзімбайдың көздерінде есалан от ойнай бастады... Эзімбай күнә, Құдай деген жаққа аяқ баспай, бар түйін соның сезінде тұрғандай-ақ, асығып-сасып езін бескітүе кірісті.

— Сыр шашып мен бала ма? Жоқ, саған қаспын ба? Эй, женге-ай, мениң жақсы көргенімді білмейсің гой... Жә, уш жыл бойы сүйретені де жетер. Бүтін түнде келейін бе?.. Келем...

Эзімбайдың қолы жені ұшталып жатқан Сәрсенбайдың көйлегінің ғана үстіне емес, Шолпанның өз көйлегінің үстіне барып қалып еди.

— Жарайды... бірақ... жарайды...

— Бір сүйгізші!..

— Сабыр қылсайшы. Әнен, біреу келеді...

— Сал жігіт, үйге кіріп ас ауыз ти...

Жібек майдың сұлу түні. Қекте бір бұлт жоқ. Қара кек барқыт кең қекте ойменен, мұнменен, салмақпен ақ алтын ай жүзіп барады. Не іздейді екен ол? Жарынан айрылған әйел ме екен? Баласынан айрылған ана ма екен?.. Қыстаудың сыртындағы сұлы шіліктегі көлбақалар шулап жатыр. Бак-бак-бак. Не дейді екен олар? Жан керек, жар керек, бала керек дей ме екен? Кел бойынан дамылсыз: «құдірет-ау, құдірет-ау» деген даусы естіледі. Өмір бойы құдіретті аузынан тастанмайтын қандай ауыр күнә істеді екен ол құс?..

Төсек ағаш үстінде Шолпан жатыр. Жатар алдында иісті сабынмен жуынған, сандықтан жаңа көйлек алыш киген. Ол кім ушін жуынған? Кім ушін кінінген?

Кімді күтеді ол? Эзімбайды күтеді. Сегіз жыл бал алысып тұрған, еш шай деспеген жан жары Сәрсенбайдың кезіне шөп салу ушін Эзімбайды күтеді. Не үшін? Бала үшін! Жасаган-ау, езің кеше ғөр, кеше ғөр... Аяқ даусы... Есікті ашып үйге кірді...

Әзімбай тұра төсек ағашқа келе жатыр... Шолпанда үн жоқ. Мойнына құрық түскен қуландай денесі дір-дір етеді. Жүргегі дәл аузында тұр. Бір үн шыгарса-ақ жүргегі аузынан атып шығатынадай. Денесінің бір жері мұз. Тұлға алған жас тазыдай екі інінен демін алып, жалма-жан шешініп, Әзімбай көрпеге кіріп келе жатыр.

Тал сол минутте, тазының көздеріндегі, Әзімбайдың көздері де қып-қызыл шыгар. Шолпан «ой, кет!» деп айқай салып жіберуге ойлады. Жоқ, үні шықлады. Әзімбай көрпеге кірді де, «женге» деп жұлмалай бастады. Шолпан соққы жеген адамдай сыйырлап: «Сал жійті, кішкене жай жата тұрсайшы...» деді. Ол күнә есігінен кірер алдында жүрек жарасын Әзімбайға ашпақшы еді. Жанын жеген жегіні сурып алып Әзімбайға көрсетпекші еді. Тұғаннан бері қиянат жолына баспай, тас болып келген жүректің не үшін бүтін жібігінің айтпақшы еді. Онын ізdegені отты, жынды құшак емес, бала екенін білдірмекші еді. Әзімбайды өз қасіретіне ортақ қылмақшы еді... Бірақ Әзімбай оны тыңдаған жоқ. Коян құған төбеттей көрпеге кіргенмен-ақ аласұра бастады. Бір ауыз сөзге келмestен Шолпанның денесін умалай бастады. Ойын біttі... Шолпан сұлап жатқан елік сыйылды жатыр еді. Есалан, мас Әзімбай мас ойынмен зур болып жатқанда, Шолпанның бота көздерінен мамық жастыққа ыстық мелдір жас сорғалап жатыр еді. Әзімбайдың Шолпанның жанымен, көзінен ақдан жасымен ісі болған жоқ. Әзімен өзі зуре, Шолпанның денесімен зуре... Шолпанның басы астындағы мамық жастық шылқылдаған су болды. Тұн ортасынан ауган кезде су жастыққа беті тиіп, Әзімбай: «Өй, сен неге жылайсың? Бірадар десе, бірадарсың-ау», – деді. Есалан Әзімбайдың Шолпанды үккана осы болды...

Таң агарып келеді... Шолпанның бетінен бір сүйді де: «Енді, мен қайтам, ертең ертерек келем», деді Әзімбай. Жылап-жылап шаршап талып жатқан жас баладай сұлық жатқан Шолпан: «Жоқ, енді тіпті келме!» деп айтуга оңтаяланып еді, бірақ оның ізdegені не еді? Бала. Осы бір түннен бала болса жақсы, болмаса... мынау тұн өмір бойы Шолпанның мойнында лагынет камыты болмай ма? Мынау күнә өмір бойы күнә болып қалмай

ма?.. Бота көзінен мөлдір жасын жеңіменен сүртіш, Шолпан күбірлеп қана: «Кел, сал жігіт... кел... кел...» деді.

IV

Шолпан екі қабат. Бес жыл бойы санадан сарғайып күткен тілегі болды. Уланған өмір гүлденді. Күнә күнә болып қалған жоқ, күнә сауапқа айналды. Бала біткенін білген кезде қандай қуаныш журді Шолпан, бір минут қабагы жабылды ма? Күн-тұн күлкіден аузы тыбылды ма?

Кішкене ғана аулақ қалса, алақанымен қарынын сипап-сипап, сол алақанын суюші еді, ессіз Шолпан ішіндегі жаны жоқ бір кесек етті, ерні күбір-күбір етіп, айналып-толғанушы еді. Ессіз Шолпан! Жә, іздеген жоғы табылды. Басты байлап, естен айрылып, күнәға айдаған кесел жойылды. Енді Шолпанның Әзімбаймен арасын үзбеуі қалай? Шынымен-ақ оның сұық жолға түсіп кеткені ме? Шолпанға да ойнастың әдетке айналғаны ма? Жоқ. Ойнасты өнеге көретін, сұық жолды әдет қылатын әйел Шолпан ба-ай? Ендеше?.. Бұл ендешеге жауап жоқ. Теніз терең емес, әйелдің жаны терең. Жеті қабат жер астындағы нәрсөні білуге мүмкін, бірақ әйел жанының мінезін білуге мүмкін емес. Бір қарасаң, әйел бала, күйерін білмей отпен ойнайды. Әйел ердің Тәнірісі, жарата да алады, жоқ қыла да алады, сүйдіре де алады, күйдіре де алады. Әйел ердің құлы, табанының астында топырақ болады, ердің көлеңкесіне айналады, езі жоқ болады. Әйелдің аруагы басса, ер күйеді, жанады. Бірақ, өзінің жеке бір адам скендігін ұмыттайады, жоймайды. Ердің аруагы басса, әйел адамдықтан шығып, жоққа айналады. Есінесін айрылады. Тілі байланады. Әсіресе әйел бұзық жанды болмаса. Ол уақытта мундай әйелдің ердің көңгіш күні болуында еш дау жоқ. Шолпан осындағы әйелдің бірі еді. Жанынан денесі, денесінен жаны айрылмайтын. Кімге берілсе де, жан-денесімен түтел берілетін әйел еді. Әзімбайға денесін уақытша ғана беріп, жанын аман алып қаламын деп ойлады Шолпан. Бірақ, ой мен ісі біріне бірі қабыспады. Үш-төргайдың ішінде Шолпанның жаны да Әзімбайға күл болып, берік байланып қалып еді. Дұрысы, Шолпанның жаны Әзімбайдан

айрыла алмаганга бала іздеғеннен аз азап шеккен жоқ. Ежелден көз жасына сараптың қылып үйрәнбекен Шолпан бұл туралы да талай түнддерде жылады. Бірақ, көз жасымен жанды түзетіп бола ма? Шолпан да болдыра алмады. Әзімбайды көргенде басы айналған болып, денесі дірілдеп, тілі күрмелуші еді. Денесінде ыстық қан ойнаған мас Әзімбайдың жансызы нәрседей жұлмалап, умалauына қалай көнетінін Шолпан өзі де білмеуші еді. Шынын айтқанда, есалан Әзімбай тілге келуге, ойлауға мұрша да бермеуші еді-ау. Жарайды, не болса да жасаганның жазуы шығар, іштегі баланың атасы болғандықтан, Әзімбайдың араны үзүте тиіс емес тे шығар. Құнә да емес шығар. Сәрсенбай некелі ері болса, Әзімбай баласының атасы. Жасаған өзі кешірер. Бірақ мынау жегідей жайылып бара жатқан есекпен қалай күреседі Шолпан? Жас Әзімбай. Мас Әзімбай. Есалан Әзімбай! Мынау сырды тырнақтай жасыруды білмейді. Кісі бар-аудеп айылын жиоды білмейді.

Көрінген жerde күшіктей арсаландап жатқаны. Жолықкан жerde жұлмалап жатқаны... Өсегі күрғыр жайылғаннан жайылып барады. Пірәдар келін қар келін деп аталса, Шолпан жүртқа не бетімен қарап? Анау қуні енесі: «Осы, келін, Әзімбай сенің отауыңа неге қалыңыңдан келе береді?» дегенде, Шолпан жерге кіріп кете жаздады-ау! Жұрты құрысын. Енесі құрысын. Өмірі құрысын. Сәрсенбай... жанынан жақсы көрген Сәрсенбай... Сол Сәрсенбай Шолпанга баяғыдай ма? Неге ол бұрынғыдай жадырап жүрмейді? Неге ол ылғи ойлы? Екі жанды байлаган жібектей нәзік махаббат жібі үзілген сықылды емес пе? Баласы құрысын! Сүттен ақ махаббатты, балдан тэтті өмірді улаған баласы құрысын! Сегіз жыл бойы «сөз» демеген Сәрсенбай бір жылы сез айтудан қалды. Қит етсе, сыншықтан сылтау тауып, балағаттап тастайтын болды. Балағаттың аяғы жекуте, қамшыға айналып бара жатқан жоқ па? Қуні кеше Сәрсенбай Шолшанды неге ұрды? Бұрын барлық дүниесі суға ағып бара жатса ләм демейтін Сәрсенбай Шолшанды неге сілейтіп салды? Не үшін?

Бір шыны аяқ шоғыры қолдан түсіп кетіп сынған үшін, сол үшін бе? Жоқ. Әзімбайдың ойнас қылғаны үшін! Ұрам деп айттып үрмайды. Неге ол аузына тас салғандай үндемейді? Ол

бірдене десе, Шолпан да айтар еді. Өзінің не үшін күнә қылғанын, бала үшін ойнас қылғанын айттар еді. Жок, ун жоқ, балағаттау бар, тепкілеу бар. Махаббат жібі үзілді. Өмір бұзылды. Бәріне лағынет жаусын! Өмірді улаған сол іштегі балаға лағынет жаусын!..

Талай түндерде мынау түйінді шешу үшін қасіретпен сарғайған Шолпан талай ой теңізіне кірсе де, ой түбіне жете алмады. Мынау жанды жеген жұмбаққа «ортасында екі оттың, мені Тәңірім кор еттін» деп зарлаудан басқа жауап таба алмады. Сәрсенбаймен екі ара шиеленіскеннен шиеленісе берді. Екі жанның арасы алыстағаннан алыстай берді. Бірак, дүниеде адам таппаған жұмбақты заман таппақ. Адам құрығынан құтылғанмен заман құрығынан құтылып кететін еш нәрсе жоқ. Сәрсенбай мен Шолпан арасындағы мынау түйінді де ұзатпай заман езі шешіп берді.

Сентябрь жүлдізының соғы қундері. Ауыл қыстаудың гана алдында отыр. Салқын түн. Түсі суық сұр бұлттар аспанда бір-бірімен жарысып бара жатыр. Жердің бетін аппақ кебіндей болып боз қырау жатқан. Арба астында байлаулы жатқан бұзаулар тоңып, анда-санда «ме-ме» дейді. Олардың жандарында қарны кебежедей болып жатқан сиырлар еш нәрсөн елең қылмай «пыс-пыс» етеді. Сәрсенбай бүгін таңертең гана қалаға мал айдал кеткен. Отаяда, тесек ағаш үстінде шыт көрпеге оранып Шолпан жатыр. Оның қойнында ерке баладай көлдененде жатқан Әзімбай қор-қор етеді. Шолпан да үйқыда... Арабаның тысырлаганындей бір дауыс. Шолпан селк етіп оянып кетті. Сүйкеніп жатқан сиыр ма екен!.. Жок. Арба. Арбалы. Әзімбай!.. Ім-м-м-м-е- еді Әзімбай. Шолпан тагы: «Әзімбай! Әзімбай!» деп бір рет айтты да, сөздің пайдасыз екенин біліп, Әзімбайдың санын шымшып келіп алды.

— Ой, сені жын соғып кетті ме?

— Ойбай, масқара болдық, бір арба келе жатыр, түршы. Кетші. Жақсы ағаң болмаса игі еді...

— Мынау есінен адасқан шығар! Ол үшып келе ме?

— Ойбай, түр деймін түр. Әне, келіп қалды!.. Әзімбай жылжып шығып, үйдің артына қарай журе бергенде, есік артында Сәрсенбай арбадан түсіп жатыр еді.

— Бұл кім-эй? — деді Сәрсенбай.

«Мен» деген жауап орнына қысташа желкесіндегі шілікке қарай жүгіріп бара жатқан Әзімбайды көрді. Сәрсенбай атты догармастан үйге кіріп, үстіндегі қаптал күпіні жулып тастай беріп, қолындағы құнгипен төсек ағаш үстінде жатқан Шолпанды шықырта бастады. Кезін қан жауып кетті. Еш нәрсені көрmedі, еш нәрсені ойлай алмады. Ақылын ашу биледі, қолын құнгипен биледі. Шып-шып-шып... шып. Қөрпенің астында жатқан Шолпанда тірлік белгісі жоқ. Өлген адамдай сұлық жатыр. Шолпаның бұлай жатуы Сәрсенбайдың зығырданын тіпті қайнатты.

— Ах-е-е, иттің баласы! — деп, Сәрсенбай қолындағы құнгитты лақтырып жіберіп, шыт қөрпені жұлып тастап, көзінен жасы бүршақтап жатқан Шолпанды қолынан сүйреп, төсек ағаштан жерге түсірді де, тепкілей бастанды. Шолпанды ләм-мим деген бір сөз жоқ. Женіменен көзін сурте береді. Басы тепкіленді, қабыргасы тепкіленді. Үн жоқ. Етіктің өкшесі өкпеге тиген кезде «Ах-ах!» дейді Шолпан. Тагы үн жоқ. Өкше ішке тиді. Шолпан алақанымен ішін басып: «Бала!..» деді. Мынау сөз Сәрсенбайдың құтырган қасқырдан бетер құтыртты.

Иттің ғана баласы, мен сенен бала сүрадым ба?.. Мен саған ойнас жасал, бала тауыш бер дедім бе? Сен иттің адал ісімді арамдаш жүргеніңе жарты жыл болды гой!.. Шыгарма дыбысынды!.. Өлтірем мен сен итті! Өлтірем! Құнде күйгенше, бір-ақ күйейін!.. Өлйт, ел!..

Сәрсенбай мынау сөздерді айқайлап айтқандықтан, ауылдың бәрі-ақ оянып қалып еді. Алдымен улken үйден жаман күпісін жамылып сүйретіліп Сәрсенбайдың кәрі шешесі келді. Оның артынан іле-шала, жалаңаш етіне байының ескі жеңсізін киген, жыртық ішкі киімін тізесі жылтырап, керші бадырақтың қатыны келді. Екеуі де есіктен ойбай сала кірді.

— Ойбай-ау, кісі өлтіресің бе, ойбай? ...Балам-ау, ақылмен іс қылсайшы...

— Ақылдарың езіңе, жұмыстарың болмасын. Өлтірем бұл итті, өлтірем!...

Кемшір мен қатын арашаламақшы болды. Ойбайласты, елбелендейсті, біреуі қолмен қағылып кетті, біреуі аяқпен

соғылып кетті. Болмады. Беті күп-ку, көзі қып-қызыл болған Сәрсенбай тепкілеуден тоқтаған жоқ. Шолпанда тірлік белгісі жоқ. Бір кәлима сез жоқ, дем де алмайтын сыйылды. Элде талып жатыр, элде біржола еліп қалды? Екі қатын өздерінен еш қайрат болмайтынына кездері жеткен соң ауылды жимақшы болды. Бадырактын қатыны есік алдына шығып:

— Ойбай-ау, ойбай! Өліп қалдындар ма? Келсендерші! Мұнда кісі еліп жатыр! — дед ойбай салды.

Өздері үрпісіп отырган ауыл мынау ойбайды естіген соң уйлерінен жүгіре шықты. Кимешегін қысық киіп, аяғына кебіс іле салып шыққан қатын, қақырынып-түкірініп, елді басына кеттерген отагасылар, мәсісін қонылтаяқ киген, өзінен-өзі ұялатын келіншектер. Кең қоныш етік, кең қолтық қаптал киіп, дамбалының ауы салақтап, семіз болмаса да, семіз адамдай талтан-талтан басатын жаңа атқа мініп келе жатқан кісімшікттер... Сырыған ақ сүр бешпетін киіп, қолына аласын алып, зекет жиып журіп, бір үйде қонып жатқан Темір қожа да келіп қалды. Ауылдың жиылуын күтпей-ақ, бадырактың қатынының ойбайы шықсан соң Сәрсенбай ұрудан өзі-ақ тоқтап еді. Шолпанда тірлік әсері жоқ, сұлық жатыр. Үстіндегі кейлек пара-пара. Денесі, беті, басы бері қан. Аузынан да, мұрынан да қан кетіп жатыр. Сәрсенбай тессек ағаштың үстіне шығып отырды... Ой жоқ, ес жоқ, сез жоқ, тіл жоқ. Оның өзі де талықсыған сыйылды еді. Есіктен халық ағылып кіріп жатыр.

— Мына шіркін, есінен адасқан шыгар, — деді біреуі.

— Ойбай, бетім-ау, еліп қалған жоқ па? — деді екіншісі.

— Өлсе, өлсін, қар неме! — деді үшіншісі.

Азан-қазан, абыр-сабыр. Темір қожа Шолпанның білегін ұстады да: «Су бүркіндер!» деді. Біреуі алып келіш су бүрікті. Элдене уақытта Шолпан дем алып, болар болмас: «Алла...» деді.

— Алладан садаға кет, иттің баласы! деді Сәрсенбай.

— Сәрсенжан, шырагым, сабыр қыл. Эйел ұрмайтын ер болмайды, бірақ...

— Таксыр, сіз бұл арага кірменіз. Өлсін ол ит, өлсін!..

— Сәрсенжан, ақылыңа қайт, кісі өлтіру...

— Эйтегір, ол маган қатын болмайды. Талақ болсын, Талақ!

Талақ!

—Сәрсен, ашу дүшпан, ақыл дос, сабыр қыл. Пәлен жыл еш шай деспеген қосақтан айрылу оңай емес. Заты адал ас арамға айналса, қайтадан адалдап алу шаригатта да бар нарсе... Мысалы әйелдің олай-бұлай оғаш мінезі білінсе, оны шешін-діріп, төбесінен қырық шелек сұық су құю керек дейді шаригат...

Кожаның аузынан мынау сез шығар шықласта-ақ, бес-алты қатын жаңа есін жинап келе жатқан Шолпанды сүйрелеп ала да жөнелді...

Сентябрьдін салқын түнінде қараңғы шорам үйде бес-алты қатын тырдай жалаңаш шешіндіріп, сүйемелеп ұстап тұрганда Шолпанның шала-шарпы есі бар еді. Бір қатын тістеніп келіп, үлкен темір шелекпен мұздай сұық суды Шолпанның басына құя салды.

Үн шығармады, бірақ селк ете түсті Шолпан. Тап сол секундта Шолпанның миында біткен өмірі нажағайдың отындей жарқетіп етті...

...Жаңа шолпының тағып, сол шолпының әдейі сылдырату үшін жүкті әдейі қайта-қайта бұзып жиганы... Апасынан жалынып сұрап қыз ойнақда барулары... Сәрсенбайдың босаға иттағалы келгені... Бірінші түн... Ушкірген қожаның бұқа көзі... Эзімбайдың қара мұрты... Тістенген қатын күбірлей-күбірлей екінші шелек суды құйып жіберді. Шолпан болар-болмас: «Алла...» деді...

—Кар бетпақ, саган Алла не керек?! деді бір қатын.

—Ештеңе етпес, қарагым, жастық та... құдай таупық берсін, деді екінші біреуі.

Шолпандың басқа сез болған жоқ, ой да жоқ еді. Денедегі қаның мұзға айналуымен ой да күңгірт тартты, сөнді. Шолпан көзін жұма берді. Ұшінші, терпінші, бесінші... шелек. Біразға дейін сұық суды құйып жібергенде, дене селк етіп кеткендей болыш тұрды. Біраздан соң ош да бітті...

Ертеңіне түс кезінде Шолпан күшпенен көзін ашып, сыйырладап:

— Балам қайда? Әлгі неге келіп бір көріп шықпайды? – деді де, көрпенің бұрышын құшақтағандай болып, ерні беу-беу дегендей қымылдалап, сұлық болып тағы талып кетті...

Күнмен таласа Шолпан да өмірімен қоштасты.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Давыдов. Когда я читаю Магжана.....	3
Ауэзхан Кодар. Поэт огня и скорби.....	16

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИСПОВЕДЬ.....	26
КТО Я?.....	34
СОКРОВЕННОЕ.....	36
ОГОНЬ.....	39
ПРОРОК.....	43
ВОСТОК.....	49
ТУРКЕСТАН.....	53
БЫСТРО ПОЛЕЧУ.....	59
ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ.....	61
ГОСПОДЬ ВЕЛИКИЙ.....	63
СЛОВО ХРОМОГО ТИМУРА.....	65
ЛУНЕ.....	67
РОДНАЯ ЗЕМЛЯ.....	71
ЛЮБЛЮ.....	73
ПЕСНЬ ЗАКАТА И ВОСХОДА.....	77
ЖЕЛАНИЕ.....	83
ПЕСНЬ ВОИНА.....	85
МЕЧЕТЬ И ТЮРЬМА.....	87
КОЗЁЛ.....	91
М. ДУЛАТОВУ НА ВЫХОД ИЗ ТЮРЬМЫ.....	93
ПРОШЛОЕ – МИЛО.....	95
ЗАГАДКА.....	97
ПОГОНАЙ ЖЕ КОНИЯ, САРСЕМБАЙ!.....	99
КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК.....	103
КРАСНОЕ ЗНАМЯ.....	105
НА ВОЛГЕ.....	108
В ПРИВОДЬЕ.....	114
БРАТЬЯМ ИЗ СЫР-ДАРЬИ.....	119
ВНУК И БАБУШКА.....	121
ЮНЕЦ.....	123
Я ВЕРИЮ ТЕМ, КТО ЮН!.....	127
О, ГУЛЬСУМ!.....	130
ГУЛЬСУМ.....	132
ЛУНУ И ЗВЕЗДЫ В УКРАШЕНЬЯ ДАМ.....	138
ШОЛПЫ.....	140
ТЫ ГУРИЙ РАЙСКОЙ МИЛЕЙ.....	142
ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?.....	144

СТРУИ ЧЕРНЫХ ВОЛОС.....	146
Г.....	148
ПРОЩАЛЬНОЕ.....	150
БЕЗ ЦВЕТКА.....	152
Я – ПОЭТ.....	154
СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК.....	157
ЛЮБИЛ Я В ТОТ МОМЕНТ.....	159
ОТРЕЗВЛЕНИЕ.....	163
ОБМАНУТАЯ КРАСАВИЦА.....	165
НА ЗИМНÉЙ ДОРОГЕ.....	167
НА ЛЕТНÉЙ ДОРОГЕ.....	170
МЕНЯ ТОЖЕ, О, СМЕРТЬ, УПОКОЙ!	174
ВОЛНА.....	182
ВЕТЕР.....	184
НЕМНОГО ПО ФЕТУ.....	188
СВОБОДА.....	190
АЛЕКСАНДР БЛОК.....	194
ПЕЧАЛЬНАЯ БЕРЕЗКА.....	198
МОТЫЛЕК.....	200
ТЕМНАЯ, БУРАННАЯ НОЧЬ.....	202
ВСЕ ГУЩЕ МРАК НОЧНОЙ.....	204
СТАЛ ГУЩЕ ТЕМНЫЙ ЛЕС.....	206
МЫСЛЬ.....	208
ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЬ.....	210
ПАПИРОСА.....	216
КТО УТЕШИТ?	218
СОН.....	220
ОДА ГЛАГОЛЬНОЙ РИФМЕ.....	222
ДРУЖБА И СЛЕЗЫ.....	224
ПОЭТУ-СОВРЕМЕННИКУ.....	226
О, ГОСПОДИН НАШ, ГОСПОДИН.....	228
НЕДУГ.....	230
ЗВЕЗДАМ.....	232
ЧАСЫ.....	234
ПОЭМЫ	
КОРКЫТ.....	238
БАТЫР БАЯН.....	262
НА КРУЧЕ ОЮЖЕТПЕСА.....	316
СХОД ДЕВЯНОСТА.....	325
ПРОЗА	
ПРЕГРЕШЕНИЕ ШОЛПАН.....	336

¹ Муса – библейский Моисей

² Иисус

³ Другое имя Сатаны

⁴ По Библии, сын Адама, убивший своего брата Авеля. Это было первое убийство в человеческой истории.

⁵ Рассказ опубликован в журнале «Шолпан», №№ 4-6, 1923 г. Имя главной героини означает «Венера или Утренняя звезда». Видимо, это имя неслучайно. Оно как бы намекает на несвоевременность геройни, на преждевременность ее появления. Первый сборник стихотворений Мажана, вышедший в 1912 г. в Казани, также назывался «Шолпан».

⁶ «Субханаллах!» – одно из слов при поминании Аллаха, означает «Хвала Аллаху! Далёк Он от всякого несовершенства!».

⁷ Ходжа (каз.) – духовное лицо. Ходжи производят свою родословную от Фатимы, дочери пророка Мухаммеда. Это первые миссионеры ислама в степи. У казахов они не входят ни в один из родов, держатся особняком как представители духовной элиты.

⁸ Уважительное обращение к женщине, буквально «жена старшего брата».

⁹ Уменьшительно-уважительное отношение к старшему по возрасту.

¹⁰ Стеганое одеяло, набитое верблюжьей или овечьей шерстью.

¹¹ Кимешек (каз.) – головной убор замужней женщины.

¹² Зякет (ар.) – религиозный сбор, налог.

¹³ В мусульманском правосудии обязательные слова, выкрикиваемые во всеуслышание при разводе.

¹⁴ Шолпы (каз.) – серебряные монеты, запллетаемые в косы юных девушек.

Магжан Жумабаев. Исповедь. 2011 г.

Технический редактор К. Мусырман
Корректоры Д. Бектасова, Е. Мурзалиева
Дизайнер С. Ахмадиева
Дизайнер по обложке А. Моторин

Подписано в печать в 2011 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. 24 усл.п.л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1837.
Отпечатано в типографии АО “Полиграфия”.
СКО, г. Петропавловск, ул. Конституции Казахстана, 11.